

О долгосрочных характеристиках войн и вооруженных конфликтов

Проблемы сущности и содержания современных войн начали широко обсуждаться на страницах западной военной печати и специализированных изданий с 90-х гг. XX века. Многие политологи и военные специалисты США и других стран Запада пришли к выводу, что традиционные взгляды на сущность войны, основанные на положениях теории Клаузевица, уже «не работают». Классические взгляды на войну как на продолжение политики, предполагающее использование насилия, или военной силы, по мнению некоторых теоретиков, уже перестали отражать политические реалии современности. Так, доктор Грант Хэммонд из Военного колледжа ВВС США в статье, озаглавленной «Парадоксы войны»¹, еще в 1994 году предупреждал: «Представление о войне как о противоборстве, характеризуемом применением силы, - прискорбно неполная, трагически упрощенная и фундаментально порочная точка зрения... Будущая война между индустриальными государствами, даже если она эффективна и результативна, может быть практически невидимой».

Одним из наиболее авторитетных современных «критиков» теории Клаузевица стал профессор Мартин ван Кревельд, автор широко известной книги «Трансформация войны»². Ван Кревельд – профессиональный израильский историк, но в 1991-1992 гг. он преподавал в Командно-штабном колледже морской пехоты США в Квантико под Вашингтоном, активно пропагандируя свои взгляды среди элиты вооруженных сил США.

В книге «Трансформация войны» ван Кревельд прямо писал: «Бессмысленно спрашивать, зачем люди едят или зачем они спят. Война в определенном смысле является не средством, а целью». Ван Кревельд предсказывал, что войны будущего будут, таким образом, не классическим «продолжением политики» в духе идей К. Клаузевица, а своеобразной формой существования человеческого общества.

В результате сегодня военная мысль не может дать однозначный и адекватный ответ на самый главный вопрос военной науки и практики – что такое война.

Со времен Клаузевица изменилось многое: технологии, силы и средства, возможности оружия, наши восприятия пространства и времени, да и само человеческое общество. Однако все новые попытки дать определение понятию «война» в той или иной степени оказываются ущербными. Сложность при попытке адекватно определить понятие «война» заключается в том, что оно должно «работать» не только сегодня, но и завтра. В противном случае военно-научная мысль может уйти в область абстрактных теоретических построений, не имеющих реальной ценности для практиков военного дела.

В этом смысле, по мнению ряда экспертов, теория Карла Клаузевица воспринимается слишком упрощенно, а критики просто не смогли постичь всю глубину его теории о войне. Признанный классик военной мысли определил войну как «продолжение государственной политики иными средствами», но это не единственная дефиниция войны на страницах его труда. Более важной является другая формула: «Война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю». Кажущаяся на первый взгляд слишком абстрактной, эта формула как раз ближе всего к современной трактовке понятия «война», существующего на Западе.

Определение понятия войны через категорию воли – содержится во всех официальных концептуальных документах Пентагона. В частности, Наставление Объединенного комитета начальников штабов ВС США JP 3-24 «Контрповстанческие операции» (2009 г.) прямо трактует: «Война является насильственным соревнованием воли между социально-политическими группами... И хотя природа войны неизменна,

¹ Paradoxes of War// Joint Forces Quarterly, Spring 1994.

² Creveld van, M. Transformation of Warfare. New York, 1991.

существуют различия в способах ведения войны, что мы называем способом ведения военных действий»³.

Официальный документ Пентагона «Основополагающая концепция ведения объединенных операций - 2020» (сентябрь 2012 г.) прямо трактует: «Война остается столкновением между враждующими, независимыми и непримиримыми волями, каждая из которых стремится достичь доминирования над другой посредством насилия. Противники будут продолжать свои стремления найти и использовать уязвимости США. Даже если конфликт будет вестись с использованием самых современных технологий, ведение военных операций остается, по большому счету, делом человека»⁴.

Интересным представляется историко-философский подход, который применен авторами Наставления КНШ ВС США JP 1 «Доктрина Вооруженных сил США», изданного в марте 2013 г. В нем, со ссылкой на учение К. Клаузевица, содержится четкий вывод: «Клаузевиц считал, что война является понятием более широкой теории о конфликте. Он определял войну как «дуэль на более высоком уровне», «акт насилия для принуждения нашего противника», «продолжение политики другими средствами». Но если заглянуть до самой сути, война является ожесточенной борьбой между двумя (или более) враждебными и независимыми волями, каждая из которых стремится навязать себя другой стороне. Как утверждал Клаузевиц, «война есть ожесточенное столкновение воли»⁵.

Классиком военно-теоретической мысли Карлом Клаузевицем были сформулированы основные практические подходы к изучению войны, как общественно-политического феномена. В своем труде «О войне» он говорил о «тринитарной войне», в которой основными «действующими лицами» выступают народ, армия, правительство. Этот подход разделяется многими экспертами, в том числе и на официальном уровне. Вместе с тем, эта формула уже не отражает современную реальность.

По мнению Мартина ван Кревельда, сущность войны изменяется по мере «отмирания» института государства («нации-государства») и по мере того, как негосударственные структуры все активнее проявляют себя в качестве важных «игроков» на мировой арене. В конце XX века в «игру» вступили новые акторы – политические, общественные и иные организации, финансово-экономические и бизнес-корпорации, преступные организации и нарко-картели. Определенную группу негосударственных организаций составляют частные охранные структуры. Военные конфликты начала представлять собой не классическое столкновение на поле боя двух армий, а кровопролитные вспышки насилия.

В одной из своих статей ван Кревельд отмечал, что новые «игроки»-негосударственные организации имеют одно общее – они или подменяют собой государственные структуры, или пытаются уйти из-под контроля государства. По мере ослабления института государства, негосударственные структуры набирают все больше и больше сил и авторитета.

Авторитетный западный военный исследователь М. Карвер в своей книге «Война после 1945 г.»⁶ подсчитал, что в период 1945-1980 гг. из 16 военных конфликтов, которые затронули Великобританию, 12 были нетрадиционными. Они велись «не по правилам», а их участники не носили военной формы. Более того, из 12 конфликтов последней категории 11 закончились победой иррегулярных формирований⁷.

Западные авторы единодушны в своих оценках: вооруженные конфликты современности отличаются крайней жестокостью и непримиримостью сторон. Они ведутся долго и безрезультативно, втягивая в свою орбиту многих участников, не только

³ Joint Publication 3-24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. I-6.

⁴ Capstone Concept For Joint Operations: Joint Force 2020. 10 September 2012. P. 1.

⁵ Joint Publication 1. Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. P. I-3.

⁶ Carver, Michael. War Since 1945. New York, 1981.

⁷ French, K.M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

вооруженные силы и силы по поддержанию порядка, но и гражданское население. Как правило, корни этих конфликтов глубоко скрыты в истории и культуре воюющих сторон, что часто делает невозможным решение этих конфликтов традиционными путями.

М. ван Кревельд и другие военные специалисты считают, что регулярные вооруженные силы часто просто «бессильны» в современных вооруженных конфликтах. В книге «Трансформация войны» Кревельд прямо пишет: «... борьба со слабым противником унижает того, кто ее ведет, и, таким образом, лишает оснований саму цель этой борьбы. Тот, кто уступает слабому сопернику, — проигрывает; и тот, кто одерживает победу над ним, — тоже проигрывает. В таком предприятии не может быть ни выгоды, ни чести. Если действия по подавлению явно слабого противника повторяются достаточно регулярно, то с неизбежностью смены дня и ночи настает момент, когда все это военное предприятие терпит крах»⁸.

Таким образом, в асимметричном конфликте сильная сторона всегда находится в морально уязвимой позиции, в том числе даже в глазах этой сильной стороны. Любые решительные действия со стороны сильного всегда будут казаться чрезмерными и жестокими. В связи с этим ван Кревельд делает жесткий вывод: «Для сильного единственным выходом будет одержать быструю победу, дабы избежать худших последствий собственной жестокости; единичный акт беспощадной жестокости в итоге может оказаться более милосердным, чем продолжительное ее сдерживание. Ужасный конец лучше, чем бесконечный ужас, и вдобавок такая тактика намного эффективнее»⁹. В подтверждение своих слов израильский автор приводит аналогию с кошкой и мышью: кот, поймав мышь, убивает ее – и это более «гуманно», чем «играть» с ней в когтистых лапах перед неминуемой смертью.

В любом случае регулярные войска, т.е. заведомо сильная сторона, не способны вести длительную и эффективную борьбу с иррегулярными формированиями. Майор американской морской пехоты К. Френч, анализируя взгляды Мартина ван Кревельда, пишет: «Мы должны признать возможность того, что наши вооруженные силы и стратегические концепции адекватно не обеспечивают нашу безопасность в свете новой сущности войны. Только отказавшись от ведения войны по старым правилам, мы можем обеспечить оборону нашей страны в будущих войнах, которые скорее всего будут представлять собой нечто такое, чего Клаузевиц даже не представлял»¹⁰.

Идеи, высказанные Мартином ван Кревельдом в книге «Трансформация войны» еще в конце 90-х гг. XX в., многократно подтвердились в событиях начала XXI в. «К октябрю 2003 г. даже такой выдающийся апологет современных военных технологий, как министр обороны США Дональд Рамсфелд, начал прозревать, - пишет М. ван Кревельд в предисловии к русскому изданию своего труда в августе 2005 г. - В меморандуме, адресованном своим ближайшим помощникам, он ставит вопрос о том, готовы ли американские вооруженные силы, созданные для борьбы с себе подобными, противостоять новому «мировому беспорядку». В самом деле, на каждый миллион долларов из казны «Аль-Каиды» США тратят миллиард. Тем не менее, Усама бен Ладен, Абу Мусаб аз-Заркави и большинство их главных помощников остаются на свободе. США, со всей своей военной мощью, не способны обеспечить безопасность даже на 15-мильном участке шоссе, ведущем из багдадского аэропорта в город»¹¹.

В этом же предисловии к русскому изданию ван Кревельд, задаваясь вопросом о причинах поражений регулярных вооруженных сил в войнах низкой интенсивности (в столкновениях с иррегулярными формированиями), делает неутешительный для государства вывод: эти поражения не случайны. «В большей части нашей так называемой «передовой» цивилизации и, зачастую, на самом верху, где принимаются ключевые

⁸ Мартин ван Кревельд. Трансформация войны. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

⁹ Там же.

¹⁰ French, K.M., US Marine Corps Major. Clausewitz vs. the Scholar: Martin Van Creveld's Expanded Theory of War, Quantico, 1992.

¹¹ Мартин ванн Кревельд. Трансформация войны. Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

решения, существовало и существует неправильное понимание самой природы войны. Если это непонимание (а вместе с ним поражения) будет сохраняться, сама жизнеспособность этой цивилизации окажется под вопросом»¹². Абстрагируясь от идеологических и политических аспектов проблемы, можно констатировать, что вывод Мартина ван Кревельда вполне применим к оценке нынешнего состояния отечественной военной мысли.

Одним из авторитетных специалистов в области изучения современных войн и вооруженных конфликтов в Западной Европе считается Мэри Калдор – профессор Лондонской школы экономики¹³. Будучи социологом и политологом, а не «чистым» военным специалистом, Мэри Калдор подходит к анализу сущности и содержания современных войн с позиций обществоведа. Война, пользуясь формулой Клаузевица, есть продолжение политики, и, по ее мнению, эта формула сохраняет свою значимость и сегодня. Концептуальные подходы М. Калдор к сущности и особенностям современных войн основываются на конкретном практическом материале, лично собранном ею, в частности, в Боснии и Герцеговине.

Вопреки распространенному мнению, что все войны 90-х годов XX века являлись по своей сути «гражданскими войнами», вызванными «этническими конфликтами», а мы просто являемся свидетелями «приватизации насилия», М. Калдор настаивает на политической сущности всех конфликтов той эпохи. В Боснии и других конфликтогенных регионах в войне принимали участие государство и разнообразные «частные» силы, а так называемая «политика идентификации» (национальной, политической или иной) являлась только «средством, которое использовалось политическими элитами для утверждения своей власти»¹⁴.

По мнению М. Калдор, в конце XX века появился целый ряд новых «военных субъектов»: разлагающиеся остатки государственных вооруженных сил, полувоенные формирования (обычно финансируемые правительством), части самообороны, наемники и международные контингенты войск. В одной из своих работ автор утверждает: «Типичным новым феноменом сегодня являются вооруженные сети негосударственных и государственных игроков. К ним относятся: полувоенные группы, организованные вокруг харизматического лидера; военные бароны, контролирующие определенные районы; террористические ячейки, фанатики-добровольцы подобные моджахетдинам; организованные криминальные группы, части регулярных вооруженных сил и других силовых ведомств, а также наемники и частные военные (охранные) компании»¹⁵.

Военные действия приобретают новые формы насилия – такие как систематические убийства «других» («не своих»), насильственные выселения населения в места, непригодные для проживания. Все эти формы насилия являются по своей сути геноцидом. Сама война все более явственно становится геноцидом – массовым уничтожением населения. По оценкам экспертов, 80% жертв современных войн – гражданское население, в то время как 80% жертв войн начала XX века были военнослужащими.

Однако новые формы ведения войны – это, прежде всего, политическая, а не военная угроза. Рушится легитимность региона, что требует вмешательства «космополитических политических сил» в зону конфликта. Как отмечает автор, космополитизм в этом смысле предполагает «совокупность принципов и концепций, увязанных с торжеством закона». «Космополитическими политическими силами» являются как представители национальной политической элиты, отстаивающие принципы гуманизма и гражданской свободы вопреки политике идентификации, так и представители Запада. Целью этих «космополитов» будет не посредническая миссия между воюющими этно-националистическими силами, а создание системы демократического плюрализма.

¹² Там же.

¹³ Mary Kaldor, *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era*, Cambridge: Polity, 1999

¹⁴ Martin Shaw. The contemporary mode of warfare? Mary Kaldor's theory of new wars// Review of International Political Economy, January 2000

¹⁵ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

По утверждению М. Калдор, в современную эпоху требуется переосмысление той роли, которую Запад играет в зонах конфликтов. Вопрос не стоит в рамках «вмешательство – невмешательство» (гуманитарного или какого-либо иного). В эпоху глобализации бессмысленно рассуждать в категориях «внутри» и «снаружи». Другими словами, понятие «вмешательство во внутренние дела» уже «не работает», требуется переосмысление традиционных общепринятых норм и правил поведения государств на международной арене. В связи с этим, по мнению автора, встает вопрос не о миротворчестве, а о проведении «космополитической полицейской операции», о восстановлении политической легитимности и экономическом восстановлении, а не о гуманитарной помощи, какой бы необходимой она бы ни была.

Мэри Калдор формулирует три характерных черты феномена «новых войн».

Первой и главной их характеристикой является то, что все они имеют политический характер, даже те из них, которые ведутся структурами организованной преступности или которые представляют собой массовое нарушение прав человека (насилие против гражданского населения). Внутренние связи в современном обществе и его структурах достаточно слабы, поэтому «важнейшим связующим механизмом», по словам М. Калдор, является единство исторического прошлого, основанного на этнической или религиозной идентичности.

В условиях современного глобализованного общества важную роль в деле мобилизации населения на активные действия принадлежит электронным средствам массовой информации – прежде всего телевидению и радио. Мэри Калдор предупреждает, что эффект их воздействия на население, особенно в сельской местности, нельзя недооценивать. В отличие от «опосредованного воздействия» печатных средств информации и пропаганды, радио и телевидение воздействуют на сознание напрямую. Радио и телевидение находятся обычно под государственным контролем, однако негосударственные силы и структуры могут прибегать к аналогичным средствам в форме спутникового теле- и радиовещания, распространения видеокассет, радиовещания из районов страны, находящихся под контролем оппозиции.

Второй важнейшей характеристикой «новых войн» является то, что сама война является формой политической мобилизации населения. Целью «старых войн» между государствами было, говоря словами Клаузевица, «подчинить противника своей воле». Это достигалось военными средствами, мобилизацией экономики и населения на ведение войны. В «новых войнах» целью является мобилизация населения, главные усилия направляются не столько на насилие, сколько на «расширение сети экстремизма». Общая стратегия состоит в «установлении контроля над территорией политическими средствами, а военные средства используются для того, чтобы уничтожить, выслать или заставить замолкнуть тех, кто может помешать этому»¹⁶. Не случайно, поэтому, воюющие стороны применяют террор, этнические чистки или геноцид в качестве своей преднамеренной военной стратегии.

В «новых войнах» сражения и бои являются редкостью, а насилие направлено против гражданского населения. Нарушения норм гуманности и прав человека являются не побочными эффектами войны, а ее центральным стержнем. Более 90% жертв «новых войн» - это гражданское население, а количество беженцев и перемещенных лиц из года в год растет.

Политическая стратегия участвующих в «новых войнах» сторон, как пишет М. Калдор, состоит в том, чтобы добиться политической власти, сея страх и ненависть, создавая атмосферу террора, устраняя голоса умеренных и уничтожая терпимость. Насилие в самой грубой форме становится вседолоеющим. Мэри Калдор приводит слова анонимного боснийца: «Война должна была стать такой кровавой, потому что раньше мы не испытывали ненависти друг к другу, и мы должны были научиться ненавидеть друг друга».

¹⁶ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

Третья характеристика «новых войн» в системе взглядов М. Калдор лежит в типе экономики, формируемой этими войнами. Новые формы насилия становятся универсальными для всего мира благодаря «крайним формам глобализации» - мировым процессам, сопровождающимся крахом национальных экономик и неспособностью правительств поддерживать национальные вооруженные силы. Новая «политическая экономия войны», по терминологии Мэри Калдор, в корне отличается от старой, классической модели, когда государство в условиях тотальной войны мобилизовывало свою экономику на увеличение производства. Нынешняя «глобализованная» военная экономика является «демобилизующей и паразитической». В государствах рушится система налогообложения, новое богатство фактически не создается, разрушена инфраструктура и торговля. Все это создает атмосферу обеспокоенности, препятствует инвестициям, способствует развитию «альтернативных» форм капиталовложения и финансирования. Деньги «добываются» грабежами и разграблениями, незаконной торговлей наркотиками, сигаретами или алкоголем, нелегальной иммиграцией, обложением «налогами» гуманитарной помощи или благодаря поддержке из-за рубежа. Все эти виды экономической деятельности, по словам автора, является «хищническими».

С оценками британской исследовательницы соглашаются многие эксперты. Так, американский футуролог Брюс Стерлинг в своей книге «Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке» так описывает криминально-насильственную реальность современных войн:

«Во время войны НАТО против Сербии начался страшный хаос. Но не среди военных. Вооруженные силы НАТО не понесли потерь, а сербские военные укрылись от бомбардировок и тоже не слишком пострадали. И хотя НАТО щедро бомбардировало вражескую столицу, Белград, вызвав перебои с электричеством, транспортные пробки, проблемы с водоснабжением, хаоса там не было. Во время войны люди, придерживавшиеся самых разных взглядов на национальные вопросы, бежали в Белград, готовые подвергнуться бомбардировкам. Потому что бомбардировки НАТО были не так страшны и опасны, как мародеры. Эти люди не были солдатами в форме ни одной государственной армии. Они принадлежат к неформальным подразделениям – полувоенным, легко вооруженным партизанам-бандитам. Эти люди олицетворяют будущее вооруженных конфликтов. Они начинают войну, они захватывают инициативу, они определяют развитие событий. Это они осуществляли этнические чистки, лишившие Косово большей части населения.

Бородатые, потные, появляющиеся внезапно и скорые на расправу, они идут от дома к дому, от улицы к улице, сея повсюду панику и хаос с помощью избиений, поджогов, взрывов и целенаправленных, заранее спланированных грабежей. Под надзором американских космических спутников и высотных бомбардировщиков НАТО эти заросшие щетиной, насквозь проспиртованные и выкрикивающие проклятия головорезы обращают цивилизацию в руины...

Это грабители, уничтожающие свою же нацию и превращающие свои страны в рынки наркотиков и оружия. «Традиционные войны» стали в наши дни редкими и непродолжительными. А нетрадиционные боевые действия – постоянными и носящими локальный характер. Невообразимые пиршества террора возможны в любом месте, а треск автоматных очередей и периодическое срабатывание взрывных устройств стали уже привычными во всем мире. На этих войнах погибает гораздо больше людей, чем от тонких технологий Пентагона»¹⁷.

Таким образом, «новые войны» являются важнейшим источником глобализованной неформальной экономики – транснациональной криминальной и полукриминальной экономики, представляющей собой обратную сторону глобализации. Страдает экономика не только непосредственно района военных действий, но и соседних регионов: растут потоки беженцев, торжествует политика национальной идентификации, процветает

¹⁷ Брюс Стерлинг. Будущее уже началось. Что ждет каждого из нас в XXI веке. Екатеринбург, 2005. С. 46.

незаконная торговля. Создается феномен «плохого соседства», когда целые регионы мира становятся неприемлемыми для нормального функционирования экономики и социальной стабильности (Балканы, Кавказ, Африканский Рог, Центральная Африка, Западная Африка, Центральная Азия, Ближний Восток).

В результате, «новые войны» очень трудно вести и крайне трудно завершить. Они распространяются посредством беженцев и перемещенных лиц, посредством криминальных сетей и посредством «вируса экстремизма», который они же распространяют. В «новых войнах» нет четких побед или поражений, так как стороны существуют политически и экономически благодаря постоянному насилию. Войны подтачивают механизм государства, подрывают остатки производственной базы, разрушают систему внутригосударственной безопасности и поощряют разгул преступности.

В целом ряде регионов планеты, где насилие глубоко укоренилось в обществе и сознании людей, создана целая «культура насилия». Ее примерами стали культура джихада в религиозных школах Пакистана и Афганистана. Детей приучают к мысли о самопожертвовании, а убийство возводится в ранг жертвоприношения.

Будучи представителем западноевропейской школы политологии, Мэри Калдор настроена достаточно критически к военной политике Вашингтона. В условиях войн новой эпохи, по ее мнению, американская приверженность развитию воздушной мощи не может не вызывать вопросов. Любого эксперта, как говорит М. Калдор, поражает неуместность проведения ковровых бомбардировок в качестве ответа на такие угрозы, как этнические чистки или терроризм, равно как и игнорирование со стороны США роли инспекторов ООН. Претензии Вашингтона на мировое лидерство слишком очевидны, чтобы не быть замеченными даже на Западе.

В своих работах Мэри Калдор вводит термин «новый американский милитаризм». «Если бы теракт 11 сентября не имел места, - пишет она, - то американский военно-промышленный комплекс должен был бы его выдумать»¹⁸. С крахом Советского Союза перед Вашингтоном встала задача найти приемлемые доводы и обоснования своим военным программам, и международный терроризм «помог» в этом. «Асимметричные угрозы» были объявлены главными угрозами безопасности США.

Наряду с «новым американским милитаризмом» Мэри Калдор формулирует понятие «нео-современного милитаризма», под которым она понимает эволюцию классических вооруженных сил крупных переходных государств – России, Индии и Китая. В какой-то степени к этой категории, по мнению автора, можно отнести Израиль. Эти страны проходят трансформацию от централизованной экономики к более открытой рыночно-ориентированной системе. «Они не так сильны, чтобы создавать угрозу США, - отмечает М. Калдор, - однако тяготеют к принятию экстремальных идеологий, напоминающих идеологию «новых войн» - в частности русский или индуистский шовинизм»¹⁹.

С «нео-современным милитаризмом» ассоциируются ограниченные внутригосударственные или противоповстанческие войны. Эти государства придерживаются классической модели войны по Клаузевицу и прибегают к противоповстанческой борьбе для разгрома экстремистских сетей в Чечне или Кашмире. Эти государства, в отличие от США, готовы к риску больших потерь, а в случае с Чечней – даже к чрезвычайно большим потерям.

«Государства, находящиеся в состоянии нео-современного милитаризма, - делает вывод М. Калдор, - находятся по-прежнему в иллюзии, что они могут достичь военной победы. Последствия этого состоят или в самоограничениях, как это имеет место во внутригосударственных конфликтах, или в обострении «новых войн», как это имеет место в Кашмире, Чечне или Палестине, где противоповстанческие действия приводят лишь к политической поляризации состояния страха и ненависти. Другими словами,

¹⁸ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

¹⁹ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

использование военной силы, возможность «подчинить противника своей воле» - вопросы, остающиеся до сих пор открытыми»²⁰.

Исследование феномена так называемых «новых войн» М. Калдор продолжает и сегодня. Прошедшие годы, по ее утверждению, полностью подтвердили правильность сделанных ею ровно 15 лет назад выводов и обобщений, хотя не все западные эксперты разделяют ее взгляды. В марте 2013 г. М. Калдор в очередной раз выступила с изложением своей концепции в авторитетном английском издании «Stability», неслучайно и выбранный ею заголовок: «В защиту (концепции) новых войн»²¹.

М. Калдор в своем исследовании выделяет четыре сферы отличий между традиционными (классическими) войнами (по-Клаузевицу) и «новыми войнами».

Первая сфера – участники военного конфликта. «Старые войны велись регулярными вооруженными силами государств, – пишет британская исследовательница. – Новые войны ведутся разнообразными комбинациями сетей, включающих государственных и негосударственных акторов – регулярные вооруженные силы, частные охранные компании, наемники, джихадисты, «военные бароны», полувоенные формирования и т.д.»

Вторая сфера – цели ведения военных конфликтов. М. Калдор отмечает: «Старые войны велись за геополитические интересы или за идеологию (демократия или социализм). Новые войны ведутся во имя идентичности (этнической, религиозной или племенной)». В рамках этой парадигмы «новые войны» ведутся за обеспечение доступа к государственной власти определенных групп населения или элит (как местных, так и транснациональных), в отличие от старых войн, которые велись за некие политические идеи. В результате, по утверждению автора, «политическая мобилизация вокруг идентичности становится целью войны, а не инструментом войны, как то было в эпоху старых войн».

Третья сфера названа М. Калдор методами ведения конфликта: «В старых войнах битвы выигрывались в ходе решающего сражения. Метод ведения войны заключался в захвате территории военными средствами. В новых войнах битвы вообще редкое явление, а территории захватываются посредством политических средств, через установление контроля над населением». В связи с этим, как отмечает автор, стандартным методом ведения «новых войн» становится насильственное выселение из мест постоянного проживания «жителей другой идентичности или с другими взглядами». В этих условиях насилие применяется не столько против реального военного противника, т.е. группировок войск противника, сколько против местного гражданского населения страны для установления контроля над определенным районом или регионом.

И, наконец, четвертая сфера отличий войн старого и нового типов – формы финансирования. В прошлом войны финансировались государствами. В современных войнах, которые ведутся «слабыми» («несостоявшимися», «ущербными») государствами, в которых принимает участие большое количество негосударственных акторов, источниками финансирования военных конфликтов и внутренних беспорядков становятся грабежи и мародерство, разворовывание гуманитарной помощи, поддержка со стороны диаспор, наркотрафик, контрабанда нефтепродуктов, алмазов, похищение людей и т.д. По словам М. Калдор, «новые войны являются частью открытой, глобализированной, децентрализованной экономики, степень (государственного) участия в которой низкая, а доходы зависят от степени насилия».

Рассматривая более детально суть различий между старыми и «новыми» войнами, М. Калдор указывает, что в прошлом стороны шли на максимальное напряжение своих сил и возможностей во имя победы в войне. Теперь же «новые войны» отличаются «размытым» характером, большей длительностью и постоянными рецидивами насилия, при этом

²⁰ Mary Kaldor. Beyond Militarism, Arms Races and Arms Control// Social Science Research Council, 2001.

²¹ Kaldor M. In Defence of New Wars// Stability: International Journal of Security and Development, March 2013. P. 1-16.

стороны стремятся не к победе, а к получению политических и экономических выгод от самого насилия. «В то время, как стары войны ассоциировались с государственным строительством, - пишет М. Калдор, - новые войны тяготеют к разрушению государства». Кстати, в этом ключе не случайным является то внимание, которое уделяется в передовых армиях мира миротворческим операциям, операциям по государственному строительству или операциям по стабилизации, которые как раз и предусматривают подготовку и проведение мероприятий по комплексным проблемам государственного строительства. Регулярные вооруженные силы неизбежно тяготеют к «правильным» (по терминологии М. Калдор – «старым») войнам.

Среди тех причин, которые вызвали появление так называемых «новых войн», британская исследовательница выделяет глобализацию и развитие технологий. По ее мнению, огромная разрушительная мощь современных военных технологий сделала войну – симметричную войну – чрезвычайно кровопролитной, лишила ее перспектив победы, а потому сделала бесперспективной.

Кроме того, новые технологии коммуникации (информационные технологии, телевидение и радио, дешевое воздушное сообщение) серьезно меняют контекст и характер военных конфликтов. Даже в ограниченных локальных конфликтах активную роль играют трансграничные криминальные сети, сети диаспоры, международные и неправительственные организации, средства массовой информации. Эти технологии позволяют более эффективно сеять страх и панику, что особенно важно для террористов.

В целом, в передовых в экономическом отношении государствах Запада самое серьезное внимание уделяется проблемам определения сущности, содержания и характера войны. Исследования и разработки в этой области ведутся с учетом мирового исторического опыта и осмысления военных реальностей войн последних десятилетий. Характерной особенностью этой деятельности является широкое привлечение научного и творческого потенциала независимого экспертного сообщества. Взгляды и концепции отдельных исследователей, общепризнанных «гуру» в сфере военной истории и теории органично включаются в действующие в вооруженных силах США и других западных государств уставы, наставления, рекомендации, указания.

В частности в одном из основополагающих документов Комитета начальников штабов ВС США JP 1 «Доктрина Вооруженных сил США» от 2013 года указывается: «Война является социально санкционированным актом насилия для достижения политической цели.

Война может явиться результатом краха попыток государств разрешить свои противоречия дипломатическим путем.

Метод ведения военных действий продолжает изменяться и трансформироваться под воздействием общества, дипломатии, политики и технологий. Вооруженные силы США признают две основных формы ведения военных действий – традиционную войну и иррегулярную войну. Эти две формы ведения военных действий применимы не в смысле «или – или», а в различных комбинациях, удовлетворяющих типу стратегии и возможностям.

Полезной дихотомией для размышления о войне является разделение ее на традиционную и иррегулярную.

Традиционная война характеризуется как ожесточенная борьба за доминирование между нациями-государствами или союзами и коалициями наций-государств...

Иррегулярная война характеризуется как ожесточенная борьба между государством и негосударственными акторами за свою легитимность и влияние на определенную часть населения...»²².

Такой подход, на наш взгляд, является достаточно продуктивным при изучении теоретических и практических аспектов сущности и характера военного конфликта. В

²² Joint Publication 1. Doctrine for the Armed Forces of the United States. 25 March 2013. P. I-3.

нашей работе мы придерживаемся этого подхода, подразделяя военные конфликты на два больших типа: «традиционные» и «нетрадиционные» (иррегулярные) войны и вооруженные конфликты.

3. Взгляды профессионального военного экспертного сообщества США на «нетрадиционные» войны

В октябре 1989 года в специализированном печатном органе «Газета морской пехоты» была опубликована статья «Изменяющееся лицо войны: на пути к новому поколению войны»²³. Авторами статьи были У. Линд, полковник армии США К. Найтингэйл, капитан морской пехоты Дж. Шмитт, полковник армии США Дж. Саттон и подполковник морской пехоты (в резерве) Г. Уилсон. Эта статья знаменовала собой появление нового термина – «война четвертого поколения» - «4GW»²⁴.

Авторы пишут, что главной задачей вооруженных сил в мирное время является наиболее эффективная подготовка к новой войне. Однако для того, чтобы добиться этого, необходимо понимать, какова будет следующая война. В этом то и состоит самая большая сложность.

Авторы схематично проанализировали военную историю мировой цивилизации с 1648 года, когда Договор в Вестфалии положил конец религиозным войнам и на арену мировой политики вышли государства-актеры. По их мнению, первое поколение войн составили классические войны между государствами, достигшие своей кульминации в эпоху наполеоновских войн. Ко второму поколению войн они отнесли войны на истощение индустриальной эпохи (от гражданской войны в США до первой мировой войны). Третьим поколением войн стала маневренная война, основанная на тактике просачивания, блицкриге и других принципах, появившихся после первой мировой войны.

В результате, как считают авторы из «Газеты морской пехоты», предыдущие 70 лет представляют собой эпоху, которая характеризуется ведением войн третьего поколения.

А если это так, то тогда в полный рост встает «центральный вопрос» - не пришло ли уже время для появления новой войны – войны четвертого поколения. «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, - считают американские военные специалисты, - получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая будет медлительна к адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение».

Авторы в своей статье не дали целостную систематизированную концепцию войны четвертого поколения, однако некоторые наиболее важные черты ее они сформулировали достаточно четко.

Военная составляющая войны четвертого поколения. Поле боя для войны четвертого поколения – все общество противника целиком.

Понятие стратегического тыла как такового перестает существовать.

Новую войну будут вести небольшие подразделения и даже группы комбатантов.

Зависимость боевых подразделений от тылового обеспечения будет крайне незначительной. Комбатантам придется вести военные действия, полагаясь, в основном, на свои силы и подручные ресурсы.

²³ William S. Lind, Colonel Keith Nightengale (USA), Captain John F. Schmitt (USMC), Colonel Joseph W. Sutton (USA), and Lieutenant Colonel Gary I. Wilson (USMCR). The Changing Face of War: Into the Fourth Generation// Marine Corps Gazette. October 1989. P. 22-26.

²⁴ Аббревиатура “4GW” расшифровывается как «The 4th Generation Warfare», что в переводе на русский язык и означает «Война четвертого поколения».

Резко возрастет значимость маневренности.

Массирование живой силы и огня утратит свое значение и даже, более того, может стать недостатком. Концентрация живой силы в одном месте создаст отличную цель для поражения противником.

Целью войны станет «сокрушение противника внутренне», а не физическое уничтожение его. Военные усилия будут направлены на такие цели, как подрыв морального духа населения противника и разрушение его культурной среды обитания. При этом чрезвычайно важным станет правильное определение «стратегических центров тяжести» противника.

По сути дела, приходят к выводу американские авторы, различие между войной и миром будет расплывчатым, если вообще будет. Исчезнут различия между понятиями «военные» и «гражданские». Важные военные объекты, как то аэродромы, узлы связи, штабы, равно как и их «гражданские» аналоги – правительственные сооружения, заводы, промышленные объекты – станут редкими явлениями ввиду их уязвимости.

Технологическая составляющая войны четвертого поколения. Важным аспектом войны четвертого поколения явится развитие новых технологий. По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», «технологически возможно, чтобы несколько солдат обладали той же боевой эффективностью, что и современная бригада».

Робототехника, аппараты дистанционного управления, новые средства связи и искусственный интеллект могут коренным образом изменить тактику ведения военных действий. В то же время, новая технология несет с собой и недостатки – появляются новые уязвимые места, которые ранее отсутствовали.

Военные действия будущего будут представлять собой действия небольших групп высокопрофессиональных солдат, оснащенных самыми современными техническими средствами. Продвигаясь в поисках ключевых по важности целей, они могут покрывать огромные расстояния. Целями для таких групп будут скорее объекты гражданского сектора, чем военного.

Понятия фронта и тыла в войне будущего будут отсутствовать. Им на смену придут понятия «объект-цель» и «объект-не цель». Естественно, что эти изменения затронут всю организационно-штатную структуру видов и родов войск вооруженных сил. Боевые части будут обладать разведывательными и ударными функциями. Понятие тактики и стратегии смешается по мере того, как боевыми целями станут объекты политической инфраструктуры и всего общества противника в целом. Понятие наступления и обороны также станут рудиментными. обороной будет являться наиболее эффективное сохранение частью своих боевых возможностей.

Одной из самых сложных задач для командиров всех степеней станет выбор целей на условном поле боя, при этом основными критериями будет политическая и культурная значимость целей, а не их сугубо военное значение.

Огромной трудностью для действий командиров станут информационные перегрузки, которые будут затруднять оперативное и стратегическое целеполагание.

В условиях войны четвертого поколения психологические операции приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. Главной целью этих операций будет гражданское население, поддерживающее свое правительство в войне. «Телевизионные новости, - подчеркивают авторы статьи, - могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии».

Война четвертого поколения в эпоху высоких технологий несет с собой семена ядерного разрушения. Сторона, оснащенная ядерным оружием, может оказаться в ситуации, когда она будет неспособна вести обычные военные действия. Более того, разрушение или нарушение промышленного потенциала, политической инфраструктуры и социальной структуры общества на каком-то этапе могут привести к эскалации конфликта и перерастанию его в ядерный.

Идеологическая составляющая войны четвертого поколения.

По мнению авторов статьи в «Газете морской пехоты», при анализе войн четвертого поколения необходимо четко понимать ее возможные идеологические и политические корни. В прошлые эпохи сила Запада заключалась в более современных технологиях, что на протяжении многих веков обеспечивало доминирование Запада в мире. Теперь же, как пишут американские авторы, «Запад более не доминирует в мире». Война четвертого поколения может родиться в рамках не-Западной культурной традиции, в частности – в исламе или азиатских традициях. Тот факт, что некоторые не-Западные регионы, такие как исламский мир, не столь сильны в технологиях, может подвигнуть их развить сущность войн четвертого поколения через посредство идеологии, а не технологии.

Формой такой войны четвертого поколения, возникшей на основе идеологии, является терроризм. Сам по себе терроризм, как отмечают американские специалисты, не является войной четвертого поколения, однако некоторые его элементы и проявления сегодня несут черты будущих войн. К числу таких черт относятся широкое определение «поле боя» - всего общества в целом; маневренность; действия в малых группах; удары по критическим объектам-целям и т.д. «Сейчас, - пишут авторы статьи, - США тратят по 500 млн. долларов за каждый бомбардировщик «Стэлс». «Стэлсом» для террористов является автомобиль с бомбой в багажнике – обычный автомобиль, как и все остальные».

Октябрьская 1989 года статья в специализированном военном издании вооруженных сил США была с восторгом воспринята военно-научной общественностью США. Взгляды авторов впоследствии были развиты и дополнены их коллегами. По сути дела, октябрьская 1989 года статья в «Газете морской пехоты» стала своеобразным манифестом целого направления американской военно-теоретической школы, сосредоточившей свое внимание на сущности войн новой эпохи. По прогнозам военных ученых, война четвертого поколения, являющаяся по своей сути «асимметричным» конфликтом, доведенным до крайности, будет именно тем, с чем американским военным придется столкнуться в будущем.

Свои определения понятию «война четвертого поколения» дают многие военные специалисты. Полковник ВВС США в отставке Честер Ричардс образно сформулировал понятие войны четвертого поколения: «Грубо говоря, война четвертого поколения включает в себя все формы конфликтов, когда оппонент отказывается вставать и сражаться честно. Она отличается от войн предыдущих поколений тем, что, по крайней мере, одна из сторон является чем-то иным, нежели военной силой, организованной и действующей под контролем национального правительства». Ч. Ричардс охарактеризовал войну четвертого поколения как «любые способы борьбы с вооруженными силами США, кроме противостояния им непосредственно в боевых столкновениях»²⁵.

Другим апологетом теории 4GW стал подполковник корпуса морской пехоты Томас Хэймс. В сентябре 1994 года в «Газете морской пехоты» США была опубликована его статья «Эволюция войны: четвертое поколение»²⁶.

Явной заслугой автора можно считать его утверждение, что война четвертого поколения формируется в результате воздействия многих факторов, прежде всего политических, экономических и социальных изменений в обществе. Изменения в сфере технологии, безусловно, важны, однако играют в этом смысле далеко не ведущую роль.

По утверждению Т. Хэймса, «война четвертого поколения уже пришла». «В стратегическом смысле, она направлена на изменение сознания политического руководства противника, – утверждает автор. – Это изменение не может быть достигнуто в результате традиционного метода обеспечения превосходства на поле боя. Скорее оно достигается в результате превосходства в использовании всех сетей (взаимосвязей), присущих обществу в информационную эпоху.

В тактическом отношении, война четвертого поколения будет характеризоваться следующими положениями:

²⁵ Defense and National Interest site: <http://www.d-n-i.net>.

²⁶ Marine Corps Gazette, September 1994.

- сложная ситуация конфликта низкой интенсивности;
- использование тактики войн предыдущих поколений;
- будет вестись во всем спектре политических, социальных, экономических и военных сетей (взаимосвязей);
- будет вестись во всемирном масштабе через границы всех сетей (взаимосвязей);
- будет иметь национальных, международных, транснациональных и субнациональных акторов.

Особую роль в войне четвертого поколения будет играть совершенная система разведки, призванная обеспечить военно-политическое руководство и вооруженные силы всей необходимой информацией.

Вместе с тем, как пишет Т. Хэймс, в будущем вовсе не все конфликты будут принимать форму войны четвертого поколения. Возможные конфликты будут принимать различные формы, которые будут, скорее, комбинацией характеристик войн всех четырех поколений.

В октябре 2001 года, буквально через месяц после трагических событий в США, два авторитетных военных специалиста министерства обороны США Хэролд Гоулд и Франклин Спинни опубликовали статью под броским заголовком «Война четвертого поколения уже здесь»²⁷. Авторы начали свое изложение с яркой метафоры: «Изменяющая природа войны уже вошла в вашу жилую комнату. Террористические акты в отношении башен-близнецов и Пентагона свидетельствуют, что если террористы являются истинными верующими, стремящимися совершить акт самоубийства во имя своего дела, то скрыться от них уже негде. Объявив войну террористической сети Аль Кайеда – наднациональным глобальным феноменом – Америка и вся система наций-государств формально признали, что они вступили в новую эпоху».

Развивая эту мысль далее, Х. Гоулд и Ф. Спинни отмечают: «4GW является оружием слабых, угнетенных, криминальных сил и фанатиков. Ее корни лежат в теории партизанской войны, ленинской теории восстания и обычном терроризме... Она позволяет политически слабым обойти возможности государства защитить себя, используя обычные военные средства».

По утверждению авторов статьи, никакие традиционные меры по противодействию террористам не способны предотвратить акты террора со стороны тех, кто своей целью поставил их свершить: выделить террориста в толпе людей просто невозможно. Именно в этом смысле понятия войны и мира сливаются, грань между ними размывается, и уже невозможно уверенно сказать, живем ли мы в состоянии мира или новой формы войны – войны четвертого поколения.

В октябре 2003 года подполковник американской армии в отставке Грег Вилкоккс выступил со статьей «Война четвертого поколения и моральный императив»²⁸, в которой он сделал вывод, что обстановка в мире коренным образом изменилась после теракта против США 11 сентября 2001 года. Американское население, отмечает автор, наконец-то поняло, что «оно находится в состоянии войны, причем той войны, которую оно менее всего понимает».

Подполковник Вилкоккс считает, что современная революция в военном деле, о которой так много говорится в американских военно-теоретических публикациях, отражает лишь технологические аспекты войны будущего, но не позволяет США реагировать на те угрозы, с которыми им приходится сталкиваться в условиях объявленной глобальной войны с терроризмом. «Нынешняя война ведется автоматами АК-47 и гранатометами РПГ на коротких дистанциях, причем противник не носит военной униформы. Дистанционно управляемые мины и смертники со взрывчаткой так же, если не более, опасны для мирного населения, как и солдаты», - утверждает автор.

²⁷ Defense Week, October 15, 2001.

²⁸ Wilcox, Greg. Fourth Generation Warfare and the Moral Imperative. 2 October 2003.

Анализируя сущность войны четвертого поколения, Вилкоккс приводит ее некоторые характерные черты:

- глобальный, а не региональный характер угрозы;
- аморфные ячеистые структуры, состоящие из самогенерирующихся групп действия;
- сильные религиозные, моральные и/или этнические убеждения групп действия;
- легко уязвимые открытые общества с еще более уязвимыми экономическими целями-объектами;
- государственная поддержка или поддержка со стороны террористических сил (финансирование, инфраструктура, убежища);
- широкое использование группами действия возможностей СМИ для воздействия на общественное мнение и привлечение новых сторонников;
- террор в арсенале средств;
- доступ к самым современным системам вооружений, имеющимся на мировом рынке.

В целом, как считает подполковник Вилкоккс, война четвертого поколения имеет много общего с амебой: «Она аморфна, легко приспосабливается и так же легко трансформируется. Сегодня это может быть террористическая группа, а завтра – партизанский отряд. Аль-Каеда, например, стремится добавить к своим возможностям химические, биологические и ядерные возможности. Кое-кто из нас может быть доживет до того момента, когда это станет реальностью. И тогда воины войны четвертого поколения будут способны действовать в комфортных для западных армий рамках обычной войны, но их целями будут вовсе не эти армии. Целями будут гражданское население, инфраструктура, политические и социальные системы и вообще все слабые места».

Целью действий воина войны четвертого поколения, как подчеркивает американский эксперт, является нанесение противнику как можно более ощутимого ущерба в живой силе и материальных средствах, чтобы деморализовать его, лишить его уверенности в победе.

Ответ США на войну четвертого поколения, как утверждает Вилкоккс, должен быть адекватным. Американские вооруженные силы, по словам эксперта, слишком много надежд возлагают на технику и технологию. Самое современное вооружение дает американским солдатам ощущение своей непобедимости. Однако в борьбе с «аморфным» противником истребитель или атомная подводная лодка неадекватны, они просто не нужны.

Роль и место сухопутных войск, которые в прошлом часто принижались в США, в условиях войны нового типа неизмеримо возрастают. Как считает автор, принципиально важным становится дислоцирование во всех уголках земного шара для быстрого реагирования на возможные акции войны четвертого поколения непосредственно там, где живут лица, их осуществляющие. Это неизбежно требует коренного пересмотра приоритетов военно-политического планирования США.

По мнению отставного армейского подполковника, структура и подготовка сухопутных войск США не соответствуют реальным угрозам и вызовам. В частности, операция 2003 года в Ираке показала, что танкисты и артиллеристы вынуждены часто вести бои в спешном порядке как простые пехотинцы, хотя для этого они не имели ни соответствующей подготовки, ни практики. Вилкоккс сравнил сложившееся положение с Гулливером, которого связали лилипуты.

Наиболее подготовленными к ведению войны с противником в условиях войны четвертого поколения являются силы специальных операций. Именно спецназ способен вести эффективные действия против асимметричного противника, в том числе против террористов.

Война четвертого поколения требует от командиров и начальников отхода от традиционного военного мышления. Военные действия в войнах прошлых эпох ведутся в устоявшейся системе координат – есть противник, линия фронта и тыл. «Поле боя для современного воина войны четвертого поколения, - отмечает Г. Вилкоккс, - аморфно и изменчиво; он легко переходит от убийства к применению оружия массового поражения, действиям по принципу «ударил-беги», использованию автомобилей, начиненных взрывчаткой. 4GW является войной высокой интенсивности, потому что она затрагивает всех и каждого».

В итоге американский эксперт делает вывод: «4GW уже наступила, так как наши противники научились бороться с регулярными вооруженными силами, предназначенными для ведения войн второго и третьего поколений, но совершенно не приспособленными к борьбе с противником войны четвертого поколения. Мы можем рассчитывать на то, что этот тип войны нам придется вести еще многие годы. Все наши новые боевые машины «Страйкер» и истребители F-22 мало помогут в достижении победы в этой войне. Мы должны достичь победы в самом «сердце» войны четвертого поколения – в моральной войне, а это потребует много большего, чем только солдат».

Война против терроризма является прежде всего войной идей. Именно поэтому необходимо обладать наиболее полной и адекватной информацией о противнике – о его культуре и традициях, образовании и воспитании, взаимоотношениях и намерениях. «В нынешней войне фактор ориентации является ключевым к достижению успеха. Оппонент, который понимает своего врага лучше, имеет преимущества в войне идей. Хо Ши Мин понимал Америку лучше, чем мы понимали его, - признает Вилкоккс. - Если верить тому, что нам рассказывают, Осама бен Ладен понимает нас намного лучше, чем мы понимаем его».

Аль-Каеда в своей деятельности делает упор не на физические аспекты борьбы, а на ментальные, прежде всего на психологические операции и дезинформацию. Но еще более серьезное внимание, по мнению автора, террористическая сеть Аль-Каеда уделяет моральным аспектам борьбы. В войне четвертого поколения, которую ведет Аль-Каеда, асимметрия очевидна. Много, что является моральным для Аль-Каеды, для США – аморально, и наоборот. Как пишет Вилкоккс, для террористов, действующих в соответствии с нормами исламских фанатиков, было нормальным перерезать горло журналисту Дэниэлу Перлу перед камерой и послать эту видеопленку в телекомпанию «Аль Джазира». Однако для американцев является ненормальным использовать пытки в качестве средства получения информации от пленных террористов Аль-Каеды. Для них важным является быть выше противника в моральном отношении.

Подполковник Вилкоккс, анализируя эти проблемы, приходит к выводу: «В то же время, многие американские свободы, которые являются естественными и очевидными, затрагивают религиозные чувства многих мусульман. Их оскорбляет даже стиль западной одежды. Но разве является это достаточным основанием для убийства американцев? Многим американцам трудно поверить, но это разрешается и даже требуется сделать в соответствии с жесткой интерпретацией ваххабизма, который рассматривает такой акт в качестве легитимной защиты ислама, находящегося под моральным ударом Запада. Возможно, именно эта нетерпимость лежит в основании их стремления убивать американцев».

В борьбе с терроризмом абсолютно важным, по мнению Г. Вилкоккса, является моральное превосходство над противником. Он пишет: «Если мы хотим разгромить противника в нынешней войне против терроризма, мы должны сосредоточиться на ее моральной сущности – на правоте нашего дела. Мы должны убедить несколько «аудиторий» в нашей моральной правоте и добиться их сочувствия нашему курсу». Под «аудиториями», которые прямо или косвенно участвуют в войне четвертого поколения, автор понимает: свои силы, свое население, силы союзников, мировое общественное

мнение, силы противника, руководство противника, население противника. В борьбе с терроризмом крайне важна поддержка первых четырех «аудиторий».

Пока свои войска не убеждены в полной правоте своего дела, вряд ли можно достичь победы в моральной войне, особенно в моральной войне четвертого поколения. В моральной правоте американского курса должно быть убеждено и население страны. Любые «проколы» в этом смысле чреватые потерей морального превосходства над противником.

В заключение своего анализа объявленной в США войны против терроризма как формы войны четвертого поколения Г. Вилкоккс приходит к выводу о необходимости принятия соответствующих ответных мер. Прежде всего, по его словам, эта война не может вестись только регулярными войсками. Необходимы усилия экспертов разных специальностей, всех уровней и ведомств. Необходима «полная мобилизация Америки для ведения этой войны». В борьбе с террористами войска специального назначения должны как можно скорее полностью сменить регулярные сухопутные войска: в условиях постконфликтного урегулирования обычные войска могут не столько помочь, сколько навредить.

В борьбе с терроризмом необходимо особое внимание уделить разведке, прежде всего агентурной. Необходимо проникать в террористические сети противника, знать его планы и намерения, анализировать и предвидеть его возможные действия и акции.

Параллельно с этим в противодействии терроризму следует больше внимания уделять контрразведке. Распространение радикального ислама в самих США, по мнению Вилкоккса, чревато проникновением террористов внутрь страны, где уже выросло свое поколение воинов войны четвертого поколения. В результате, как считает американский эксперт, нельзя сбрасывать со счетов угрозу разрушения американского государства изнутри.

Вариантами концепции войны четвертого поколения, разработанной специалистами морской пехоты США, являются теории так называемых «нетрадиционных» войн, под которыми в сухопутных войсках США понимаются столкновения регулярных вооруженных сил государства с иррегулярными формированиями, организациями, бандами, отрядами, не признающими никакие нормы и правила ведения военных действий.

Самая большая сложность при анализе этого типа войн заключается в том, что понятие противника «размывается», исчезает и без того тонкая грань между комбатантом и некомбатантом. Основными формами борьбы противника будут террористические акты, диверсии, провокации и т.д. Борьба с таким «неоформленным» противником в соответствии с классическими принципами военного искусства просто невозможно. Традиционные тяжелые средства поражения (артиллерия, танки, авиация и т.д.) зачастую просто бесполезны и не могут быть использованы в «нетрадиционных» войнах.

Одним из авторитетных идеологов «нетрадиционных» войн является подполковник военной разведки в отставке Ральф Питерс, который в своих многочисленных публикациях на протяжении последних 20 лет затрагивает различные стороны и аспекты «нетрадиционных» войн будущего. В частности, он считает, что «будущие войны будут вестись в основном в городских условиях. Тенденция урбанизации населения Земли ведет к тому, что военные столкновения будут происходить именно в урбанизированной местности, на территории промышленных районов и объектов, в городских парках и на узких улицах городов, в небоскребах и жилых домах, в метро и подземных коммуникациях»²⁹.

По мнению американских специалистов, навязывание боя в городских условиях будет использоваться противником как фактор нейтрализации военно-технического превосходства США. Принципы и приемы ведения боевых действий в городских условиях отличаются от «нормальных». Противник будет ставить под угрозу жизнь мирного

²⁹ Peters, Ralph. *Our Soldiers, Their Cities*// Parameters. Spring 1996.

населения, провоцировать американские войска применить оружие против мирных граждан, деморализуя «цивилизованных» американских солдат. В связи с этим Р. Гленн из корпорации РЭНД задается вопросом: «Как реагировать, если противник стреляет из-за спины ребенка, укрываясь им как живым щитом?»

Развитием теории военных конфликтов занимаются в США множество организаций и учреждений. Среди них - Институт стратегических исследований Военного колледжа сухопутных войск США. Весной 2000 года сотрудник Института профессор Стивен Мец опубликовал серьезное исследование «Вооруженный конфликт в XXI столетии: информационная революция и пост-современная война»³⁰.

Анализируя существующие в США взгляды и концепции на будущие войны, С. Мец делает вывод, что военный конфликт «в начале XXI века, скорее всего, будет представлять собой комбинацию трех моделей войны: формальной, неформальной и войны серой зоны»³¹.

Формальной войной считается столкновение вооруженных сил одного государства против вооруженных сил другого государства. Такого рода войны, по крайней мере еще несколько десятилетий XXI века, будут главной стратегически важной формой вооруженного конфликта в мире. По официальным взглядам военно-политического руководства США, как утверждает С. Мец, «война XXI столетия будет зеркальным отражением войн XX века с применением новых технологий, которые позволят будущим генералам и солдатам совершать то, о чем в прошлом военные могли только мечтать». Вооруженные силы США наиболее подготовлены к ведению формальных войн, именно для этого вооруженные силы и создавались. В мире в настоящее время нет противника, который мог бы противостоять на равных военной мощи США. Возможные формальные вооруженные столкновения будущего, в связи с этим, будут асимметричными. Противник, не обладая технологическими возможностями военной машины США, будет искать ее наиболее уязвимые места, создавать невыгодные для американских войск условия, в надежде нейтрализовать американские преимущества. Примером такого асимметричного ответа противника, как считает С. Мец, может явиться бой в городской местности.

Неформальные войны представляют собой вооруженные конфликты. В которых по крайней одной из сторон является негосударственным образованием, подобным повстанческой армии или этнической милиции. По своей сути, это – развитие концепции конфликтов низкой интенсивности, популярной в 80-е годы XX века. Стивен Мец характеризует это явление следующим образом: «Сегодня, как и в будущем, неформальная война будет подвержена влиянию целого ряда факторов: этничности, расы, регионализма, экономики, личности лидеров, идеологии. Амбициозные и бессовестные лидеры могут использовать этнические, расовые и религиозные факторы для того, чтобы добиться поддержки своего стремления к личной власти. Целями в неформальной войне могут выступать стремление к автономии, сепаратизм, стремление к полному контролю над государством, изменение политики, установление контроля над ресурсами или стремление к «справедливости» в том смысле, который вкладывается в это понятие использующей силу стороной»³².

Природа неформальных войн, по мнению профессора С. Меца, заключена в тех социально-экономических и политических изменениях, которые происходят сегодня в мире. Устойчивой тенденцией мирового развития стало распространение культа силы и жестокости. Целые страны и регионы находятся под контролем «абсолютно жестокой власти повстанцев и партизан». Более того, жестокость для целых поколений молодых людей стала нормой поведения и нормой жизни. По словам эксперта по проблемам

³⁰ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000.

³¹ Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 27.

³² Metz, Steven. Armed Conflict In the 21st Century: The Information Revolution and Post-Modern Warfare. Strategic Studies Institute, US Army War College, April 2000. P. 48.

беженцев Дэбби Стотхард, «это – люди, которые не имели доступа к хорошему образованию и для которых жестокость является стилем жизни... Им никогда и в голову не приходило, что осаждать госпиталь – неправильно. Они никогда не жили в мире, где задержание кого бы то ни было силой является неприемлемым. Они будто прибыли с другой планеты...».

В условиях, когда роль и эффективность государства ослабевают, неформальные войны становятся широко распространенным явлением. В государствах третьего мира, где очень часто государственный механизм крайне слаб и неэффективен, существуют целые районы, которые просто не контролируются национальными правительствами. Легкий доступ к оружию на мировом рынке вооружений, особенно к легким и дешевым его видам (стрелковому оружию, минам и взрывным устройствам) «подпитывает» внутригосударственные и межгосударственные вооруженные конфликты, делая их все более кровавыми и непримиримыми.

Источники финансирования повстанцев и внутригосударственных оппозиционных сил могут быть различными – легальными и нелегальными. Среди них: грабежи, ограбления, воровство, контрабанда, торговля «живым товаром», торговля наркотиками, кибер-преступления. Финансирование обеспечивает повстанцам не только возможность закупки вооружений, но и позволяет им организовывать эффективную разведывательную службу и добиваться информационного превосходства. Это делает борьбу с повстанцами нового поколения достаточно сложной.

Неформальные войны становятся не только более распространенным явлением, но и все более значимым в стратегическом смысле. В условиях глобализации и информационной революции повстанцы и партизаны имеют возможность общаться друг с другом, учиться друг у друга и оказывать взаимную поддержку. Интернет предоставляет им для этого уникальные возможности. Специалисты корпорации РЭНД, в связи с этим, употребляют даже термин «социальная сете-война».

Боевые действия в ходе неформальной войны, как считает С. Мец, будут, скорее всего, вестись в городах или густо населенных сельских районах. Воины-боевики будут рассредоточены среди мирного населения, прикрываясь им как живым щитом. В некоторых случаях следует ожидать искусственного «замораживания» ситуаций, связанных с беженцами, для привлечения внимания международной общественности.

В целой гамме отличий между формальной и неформальной войнами Стивен Мец особо выделяет одну черту – «страсть», то есть морально-психологический фактор. По словам американского эксперта, «неформальная война останется грязной и кровопролитной, движимой более ненавистью, чем разумом».

Неформальные войны могут быть симметричными и асимметричными. К симметричным Стивен Мец относит вооруженные столкновения между негосударственными субъектами – повстанцами, бандитскими формированиями, «армиями» так называемых «военных баронов». Асимметричные войны будут вестись национальными вооруженными силами (иногда с зарубежной военной помощью) против вооруженных формирований повстанцев внутри страны.

Для вооруженных сил США именно асимметричная война в форме помощи национальным вооруженным силам других государств будет наиболее вероятной. Военная помощь Вашингтона в форме прямого военного вмешательства может оказываться дружественным режимам, а также осуществляться в рамках международной миротворческой и/или гуманитарной операции, или в форме прямой военной интервенции.

Борьба с повстанцами в асимметричной неформальной войне, как утверждает в работе профессора С. Меца, сложная проблема – как на концептуально-теоретическом, так и на практическом уровнях. От военных требуется переосмысление и переоценка вызовов и угроз, равно как и способов их сдерживания и нейтрализации. Перспективными направлениями деятельности по подготовке вооруженных сил к такого рода конфликтам

являются создание несмертельного оружия, разработки новых нетрадиционных подходов к ведению боевых действий, совершенствование разведки и информационных технологий.

Неформальные войны ближайшего будущего будут иметь много общего со своими аналогами прошлого. По-прежнему главными их жертвами будут мирные жители. Обе стороны в такого рода конфликте будут предпринимать все меры для борьбы друг с другом, воздействуя на слабые места оппонента.

Формальные и неформальные войны не исчерпывают всего спектра военных конфликтов современности. С окончанием холодной войны военные аналитики столкнулись с появлением новых угроз и вызовов безопасности как на региональных, так и на глобальном уровнях. Одной из таких угроз стал, по терминологии Макса Мэнзуоринга, «феномен серой зоны»³³, т.е. комбинация войны и военных действий с организованной преступностью. Профессор Стивен Мец подробно проанализировал этот феномен и пришел к выводу, что «война серой зоны» не является чем-то новым для вооруженных сил. Вооруженные силы разных стран имеют богатый опыт ведения операций против пиратов, шаяк бандитов и разбойников. Защищая государство от внешних врагов, вооруженные силы в мирные периоды привлекались к решению задач по поддержанию внутренней безопасности.

В настоящее время стратегическое значение «войн серой зоны» значительно возросло. Информационная эпоха объективно содействует деятельности «врагов из серой зоны»: финансовые потоки проходят через Интернет, минуя какие-либо таможенные, фискальные и иные преграды, барьеры, ограничения.

«Война серой зоны» ведется противником или сетью противников, которые с одной стороны - стремятся к достижению прибыли, доходов, а с другой стороны – в отличие от обычных криминальных групп имеют определенные политические цели и значительно больше возможностей для стратегического планирования и осуществления вооруженного конфликта. Действующий в сети «противник из серой зоны» может иметь в своей структуре чисто политические компоненты, военизированные структуры для действий в форме неформальной войны и чисто уголовные криминальные компоненты.

Все это сильно затрудняет деятельность сил безопасности, которые должны противостоять этому противнику, действующему в сфере между национальной безопасностью и борьбой с преступностью. Как считает С. Мец, силы безопасности для противодействия такому противнику должны быть «серыми», представлять собой комбинацию вооруженных сил и полиции.

Подобно вооруженным силам, «серые» силы безопасности должны обладать достаточной поражающей мощностью (как огневой, так и информационной) и способностью решать проблемы стратегически (планирование, предвидение, упреждение и т.д.). У обычной полиции «серые» силы безопасности должны позаимствовать отношение к уважению закона и правам человека.

Профессор Стивен Мец в своем анализе «войн серой зоны» утверждает, что в ближайшие десятилетия XXI века они могут принимать формы стратегической и нестратегической войны.

К стратегической форме такой войны будут прибегать взаимосвязанные организации или, скорее всего, сети таких организаций, стремящиеся к достижению конкретной цели. И хотя эта цель будет скорее финансово-экономической, а не чисто политической, проявления жестокости неизбежны. Нестратегическая «война серой зоны» будет проявляться в форме вооруженных столкновений между вооруженными бандами и отрядами милиции. Это может иметь место при решении проблем беженцев, в ходе этнического конфликта, экологических катастроф или прямой борьбы за власть, когда политические силы прибегнут к мобилизации уличных банд для достижения своих целей. В тех случаях, когда нестратегическая «война серой зоны» будет связана с политической

³³ Manwaring, Max ed. Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder. Westview, 1993.

борьбой за власть внутри страны, вооруженные силы окажутся в состоянии наемников, лишь частично контролируемых руководством страны.

Одна частная «война серой зоны» сама по себе не представляет серьезной угрозы для сильного государства. Однако когда целая сеть организаций из «серой зоны» взаимосвязаны, или когда угроза войны из «серой зоны» сочетается с другими угрозами, опасность становится реальной. По мнению С. Меца, в эпоху глобализации существует реальная угроза выхода «войн серой зоны» из узких рамок внутригосударственного конфликта и превращения этого явления в международный феномен.

«Война серой зоны», будучи феноменом малоизученным и малопонятным, неизбежно создает множество трудностей для анализа. Как относиться к противнику: если они уголовные преступники, то их права должны гарантироваться законом; если они военные комбатанты, то они должны быть под защитой законов ведения вооруженной войны.

В заключение профессор С. Мец пишет: «Угроза из серой зоны не должна недооцениваться. Если не сдерживать ее, то конфликт серой зоны может мутировать в неформальную или даже формальную войну, когда одно государство прибегнет к давлению или даже использованию силы против другого государства, предоставляющего убежище и пристанище уголовным преступникам».

Тенденция привнесения в военный конфликт криминального измерения проявляется сегодня во многих «неблагополучных» регионах мира. Это отмечается в Ежегоднике Стокгольмского международного института исследований мира (СИПРИ): «По существу граница между конфликтом и преступностью, а также граница между хищнической эксплуатацией ресурсов мятежниками и государством в ряде стран, охваченных конфликтами и имеющих богатые природные ресурсы, все больше размывается. Криминализация государства, т. е. ситуация, когда функции государства и государственные учреждения используются главным образом в личных преступных целях, стала одной из неотъемлемых черт политической и, как следствие, экономической ситуации в некоторых африканских странах. По этому же пути движутся и некоторые азиатские страны, в особенности Афганистан, Кыргызстан и Мьянма»³⁴.

Опасность феномена «нетрадиционных» или иррегулярных войн для регулярных вооруженных сил современных государств, по мнению американских экспертов, заключается в самом асимметричном характере военного конфликта. Генерал-лейтенант Роберт Скэйлз, в прошлом отвечавший в Пентагоне за определение приоритетов трансформации вооруженных сил США, солидаризируется с независимыми экспертами по вопросу сущности современной иррегулярной войны: «Последние события в Ираке только подтверждают тот очевидный факт, что природа войны изменяется. Фанатики и фундаменталисты Ближнего Востока выработали и приняли на вооружение метод ведения войны, который направлен на преодоление технологического превосходства США и представляет собой вероломство, ухищрения и террор смешанные с упорством и готовностью умереть. Этот подход позволяет слабому противостоять сильному и доказал свою эффективность против армий западного стиля»³⁵.

При этом, как отмечается в американском наставлении JP 3-06 «Объединенные операции в городе», «стратегия и тактика действий, обычно называемые «асимметричными», могут принимать разнообразные формы: от примитивного и низкотехнологичного подхода до высокотехнологичного похода. Противник может вообще не иметь какой-либо доктрины»³⁶.

³⁴ Ежегодник СИПРИ 2011: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ./ Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 2012. Р. 49.

³⁵ Army Transformation: Implications for the Future. Statement of Major General Robert Scales, USA (ret.) before the House Armed Services Committee on July 15, 2004. P. 2.

³⁶ Joint Publication JP 3-06. Joint Urban Operations. 8 November 2009. P. A-13.

В этих условиях перед регулярными вооруженными силами государства стоит задача быть готовыми адекватно и эффективно реагировать на угрозу «нетрадиционного» конфликта. Председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС США генерал Мартин Демпси указывал на эту задачу, в частности, в январе 2014 года в своем выступлении в Университете национальной обороны США: «Мы успешно действовали в военном отношении, и наш разведывательный аппарат работал превосходно. Однако обиженные личности остаются, и их число продолжает расти. Появляются новые, еще более сложные угрозы... Война сегодня ведется не за идеологию. Это – стремление противников изменить сложившийся статус-кво. Подымающиеся державы, криминальные группы и религиозные структуры выстаиваются в одну линию в краткосрочной и долгосрочной перспективе с целью изменить сами подходы к тому, как устроен мир. У них нет четкого видения того, чего они хотят, но все они точно знают, чего не хотят»³⁷. Осознание этой ситуации заставляет военно-политическое руководство США настойчиво искать соответствующие неординарные меры противодействия угрозе «нетрадиционных» войн и вооруженных конфликтов.

В этом отношении важное значение имеет комплекс требований к специальной подготовке личного состава регулярных сил, задействованных в «иррегулярной» войне. В Наставлении Комитета начальников штабов ВС США JP 3-24 (2009 г.) «Контрповстанческие операции» определяется: «Проведение успешных контрповстанческих операций требует адаптивного и гибкого типа мышления. Прежде всего, и это самое главное, население является критически важным аспектом успешной контрповстанческой операции. Понимание населения в такого рода операциях является тем же, чем понимание характера физической местности является в успешных наземных операциях обычного типа... Второй аспект контрповстанческого типа мышления – умение думать как повстанцы, чтобы опережать настоящих повстанцев в принимаемых решениях и действиях. Третье, необходимо обеспечить свое полномасштабное присутствие среди населения... И, наконец, необходимо понимать, что военные инструменты являются только частью общего межведомственного подхода к успешным контрповстанческим операциям»³⁸.

4. Развитие концепции асимметричного военного конфликта зарубежным экспертным сообществом

Впервые термин «асимметричный конфликт» появился в 1974 году в работе британского исследователя Эндрю Мака «Концепция власти и ее использование для объяснения асимметричного конфликта»³⁹. С тех пор, как признают многие американские исследователи, смысл, который вкладывался в понятие «асимметрии», неоднократно изменялся и корректировался.

Асимметричная война в классическом понимании этого термина представляет собой вооруженное столкновение между двумя неравнозначными противниками. Такими противниками могут быть регулярные вооруженные силы большой державы и

³⁷ Dempsey: Leaders Can Make A Difference In Challenging World. 2014. January 16. <http://www.defense.gov/News/NewsArticle.aspx?ID=121493>

³⁸ Joint Publication 3-24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. III-1.

³⁹ Mack, A. The Concept of Power and Its Uses in Explaining Asymmetric Conflict. London: Richardson Institute for Conflict and Peace Research, 1974.

иррегулярные формирования небольшого государства или даже негосударственная структура. Обе стороны находятся в заведомо неравных положениях, что придает конфликту между ними своеобразный характер. Суть этого своеобразия заключается в полном игнорировании каких бы то ни было правил и норм ведения военных действий слабой стороной, если она хочет достичь успеха.

В настоящее время наиболее распространенным определением «асимметричной войны» является военный конфликт, в котором превосходящие вооруженные силы крупного государства или коалиции государств вторгаются в пределы территории более слабого государства или на территории, контролируемые негосударственными акторами. Повстанческие войны и малые войны как раз и лежат в пределах этого определения. «Малые войны, - пишет американский военный эксперт Роберт Кассиди, - представляют собой противоповстанческие действия и конфликты низкой интенсивности, в которых царит неясность и в которых превосходящая огневая мощь не обязательно гарантирует успех»⁴⁰.

Генри Киссинджер в свое время глубокомысленно заявил: «Партизаны выигрывают, когда они не проигрывают. Регулярная армия проигрывает, если она не выигрывает»⁴¹. Осознание этой мысли принципиально важно для понимания не только сути, но и перспектив многих вооруженных конфликтов, актуальных, в том числе, и для сегодняшнего мира.

Асимметричный конфликт воспринимается по-разному обеими ведущими его сторонами. Для слабой стороны это – тотальная война, а для большой державы – лишь ограниченная. Повстанцы не представляют никакой прямой и серьезной угрозы для существования большой державы. Более того, для великой державы в условиях асимметричного конфликта политически неблагоразумно и в военном отношении не нужно даже проводить мобилизацию. Неравенство военных возможностей столь велико, а убеждение в превосходстве своей военной мощи столь глубоко, что большая держава ожидает только победы. А вот для слабой стороны, обладающей ограниченными ресурсами, цель состоит, тем не менее, в изгнании большой державы. Для слабого участника конфликта выбор ограничен: победа или смерть.

В Соединенных Штатах есть свои традиции ведения асимметричной войны. Военные специалисты и историки вспоминают события гражданской войны в США, когда слабые, иррегулярные формирования колонистов в борьбе с британскими регулярными войсками нередко прибегали к партизанской тактике «ударил – беги».

Мировой опыт борьбы с партизанами привел Р. Кассиди к принципиально важному заключению: «Партизанская война является скорее испытанием воли и выносливости нации, чем военным соревнованием». С этим утверждением солидаризуются практически все военные специалисты. Сэмюэль Гриффит утверждает: «Успех партизанской войны не зависит от эффективности действия сложных механических устройств, образцово организованной системы тылового обеспечения или даже точности работы компьютеров. Ее главным элементом является человек, а человек значительно сложнее любого из находящихся в его распоряжении устройств. Он наделен интеллектом, эмоциями и силой воли»⁴².

В реальной действительности асимметричная война находит свое проявление в безрассудном (в представлении западного обывателя) противостоянии партизан, вооруженных луками и стрелами, боевым вертолетам современных армий. В этом противостоянии партизаны имеют одно существенное преимущество: для них не принципиальны свои потери, главное – чтобы противник понес хоть какие-то потери. Другими словами, масштабы своих потерь не приводят партизан к осознанию

⁴⁰ Cassidy, R.M. Why Great Powers Fight Small Wars Badly// Military Review. 2002. September-October.

⁴¹ Kissinger, H. The Vietnam Negotiations// Foreign Affairs. 1969, January. P. 214.

⁴² Griffith, S.B. II. Introduction// Mao Tse-Tung. On Guerilla Warfare. Champaign, IL: University of Illinois Press, 2000. P. 7.

бесперспективности своей борьбы. Напротив, чем выше потери, тем ожесточеннее партизаны сопротивляются, не помышляя о мире.

Свидетельством в пользу этого утверждения американские авторы приводят пример войны во Вьетнаме. Несмотря на то, что США сбросил на Индокитайский полуостров более 7 млн. тонн бомб – в 300 раз больше по мощности атомных бомб, сброшенных на Японию в конце второй мировой войны, – воля к сопротивлению вьетнамских патриотов не была сломлена, то время как воля США «дрогнула».

Для слабой стороны в конфликте подрыв воли и морального духа населения большой страны является наиболее эффективным «асимметричным ответом» на военные акции армии противника. Чем дольше длится конфликт, чем более безысходным он становится, чем выше потери в живой силе – тем больше шансов у слабой стороны (партизан, повстанцев) не проиграть, а это – по словам Г. Киссинджера – означает для них победу. Опыт Вьетнама показал, что вызванные войной процессы брожения внутри американского общества сыграли решающую роль в исходе той войны, несмотря на абсолютное техническое, огневое и материальное превосходство американских войск.

Свой трагический опыт войны с партизанами имел и Советский Союз в годы войны в Афганистане. Советская Армия готовилась к военным операциям на Европейской равнине в ходе обычной войны высокой интенсивности, но не имела абсолютно никакого опыта и знаний в области ведения контрпартизанской войны. Советские войска столкнулись с ситуацией, к которой они были полностью не готовы. Отсутствие фронта и тыла, непонятный противник, сложный рельеф местности и неблагоприятные климатические условия – все это сыграло свою роль. В результате достижение быстрой и решительной победы оказалось нереальной целью.

Оливер Рой, оценивая советский опыт действий в Афганистане, писал: «Советы вторглись в Афганистан в соответствии с той же тактикой, что была применена в 1968 году в Чехословакию»⁴³. Вплоть до 1982 года советские войска тяготели к проведению «классических» крупномасштабных операций с применением танков и артиллерии. Примерно два раза в год командование советских войск организовывало и проводило крупные армейские операции, в которых принимали участие мотострелковые дивизии полного штата, предназначенные изначально для решительных действий на Центральном-Европейском ТВД против равнозначного противника – войск НАТО. Войска шли вперед, уничтожая все на своем пути, а их тактика «выжженной земли», по оценкам американских военных экспертов, приводила только к усилению и ожесточению сопротивления.

Во многом сходные ошибки совершала американская армия во Вьетнаме. Комплекс великой и мощной державы оказал свое негативное влияние на ход и исход той войны. Б. Дженкинс в связи с этим отмечал: «Американская победа над немцами и японцами во второй мировой войне была столь безусловной, столь яркой американской, что даже сама мысль о поражении была невозможной»⁴⁴. Представления о том, что решающими факторами в достижении победы в войне являются «превосходящая огневая мощь, превосходящая численность войск и превосходящая технология», стали «формулой военного успеха». Абсолютное убеждение американских генералов в этом привело к тому, что они «слишком недооценивали своего противника и слишком переоценивали свое мастерство»⁴⁵. Продолжая эту мысль, Р. Кассиди заключает: «Армия США оказалась неспособной приспособиться к той войне, которую вели северные вьетнамцы и вьетконговцы (партизаны Южного Вьетнама)». Точно так же не смогли приспособиться к новой войне в новой реальности французы, которые были изгнаны из Вьетнама незадолго до американской интервенции.

⁴³ Roy, O. The Lessons of the Soviet-Afghan War. Adelphi paper 259. London: International Institute for Strategic Studies, 1991. P. 16.

⁴⁴ Jenkins, B.M. The Unchangeable War. RM-6278-ARPA. Santa-Monica, CA: RAND, 1970.

⁴⁵ Atkinson, R. The Long Gray Line. Boston, MA: Houghton Mifflin Co., 1989. P. 82.

Таким образом, опыт истории свидетельствует, что вероятность победы в военном конфликте не всегда линейна, а великие державы часто проигрывают малые войны. По мнению американских военных экспертов, причина этого заключается в самой природе больших армий больших государств: они неизбежно придерживаются парадигмы большой войны и не способны на быстрые и резкие изменения ввиду своего размера и иерархического устройства. То есть, большие державы не могут победить в малых войнах именно потому, что они большие⁴⁶. Вооруженные силы этих держав создавались для ведения войны с подобными же армиями вероятного противника, т.е. с советскими войсками, и были предназначены для ведения широкомасштабной маневренной войны, в том числе с применением ядерного оружия. Однако к противопартизанской войне армии больших держав не готовы.

Когда современное государство так называемой индустриальной или постиндустриальной эпохи сталкивается со слабым противником полукOLONиальной, полуфеодальной или доиндустриальной эпохи, оно привносит в конфликт свои огромные ресурсы и новейшие технологии. Более слабый противник, как правило, демонстрирует превосходящую силу воли, стремление к победе, готовность выдержать все трудности и победить, несмотря ни на какие жертвы.

История знает много примеров того, как великие державы и империи терпели поражение в асимметричных конфликтах: римляне в тевтонских лесах, британцы в годы американской революции, Франция - в Индокитае и Алжире, США - во Вьетнаме. И хотя причины, корни и сам ход военных действий везде были разными, главное - в другом: самая мощная держава может оказаться не в состоянии противостоять иррегулярным формированиям слабого противника.

Справедливости ради следует заметить, что большие державы вовсе не обязательно проигрывают такого рода войны. На поле боя они, напротив, побеждают своего противника в навязанных последнему тактических боях и операциях. Большие державы просто не выигрывают в такой войне. Затянувшаяся военная акция, потери и бесперспективность войны приводят к тому, что население большой державы отказывается поддерживать эту войну. Возникает опасность внутреннего социально-политического конфликта.

Стратегия и тактика действий слабого противника заключается лишь в одном - всемерном избегании симметричных военных действий с большой державой в форме «правильной», обычной войны. Военная история знает немало количество фактов того, как армии больших держав в пух и прах громили армии слабых противников именно благодаря своему количественному и качественному превосходству, прежде всего техническому. Однако во всех тех войнах стороны действовали «по-честному», сходясь для битвы в чистом поле и действуя по законам военного искусства. Последним таким конфликтом, как отмечает американский исследователь майор Р. Кассиди, стала война в Персидском заливе 1991 года, когда иракцы действовали в соответствии с ожиданиями и представлениями командования объединенной антисаддамовской коалиции. Статья была написана Р. Кассиди еще до войны в Персидском заливе 2003 года, которая также развивалась по заведомо проигрышному для иракцев сценарию симметричной войны: сила против силы. Вместе с тем, ситуация в Ираке после окончания военной фазы операции оказалась достаточно напряженной, а войска антисаддамовской коалиции столкнулись с реальностью асимметричной войны.

Асимметричный конфликт, по мнению большинства американских военных экспертов, является наиболее вероятной формой конфликта, с которым США могут столкнуться в будущем. Эту вероятность обуславливают четыре фактора:

- Западные державы имеют самые совершенные вооруженные силы в смысле их технического оснащения и вооружения.

⁴⁶ Cassidy, R.M. Why Great Powers Fight Small Wars Badly// Military Review. 2002. September-October.

- Экономическая и политическая близость западных государств исключает между ними войну.

- Наиболее разумные противники в не-западном мире осознают, что им не следует идти на конфликт с Западом на его условиях.

- И, как результат, США и их европейские союзники вынуждены будут применить свою огневую мощь и техническое превосходство в менее развитом мире против якобы слабого противника, прибегшего к асимметричному ответу.

Именно поэтому асимметричный конфликт, по оценкам американских экспертов, «будет нормой, а не исключением».

Концепция асимметричной войны, отстаиваемая многими военными специалистами США и официально вошедшая в американское военное планирование, разделяется и многими военно-научными центрами и экспертами за рубежом. Одним из таких центров является Институт стратегических и боевых исследований Великобритании. В 2002 году в этом институте было опубликовано исследование, посвященное различным аспектам будущей войны информационной эпохи⁴⁷, одна из глав которого называлась «Асимметричная война». Ее автором выступил подполковник британской армии Джон Расселл, опытный офицер, служивший в Северной Ирландии, прошедший Косово (2000 г.).

Асимметрия в военном деле, как подчеркивает Расселл, является общепризнанным фактом и не является чем-то новым. Сухопутные войска разных стран традиционно имеют длительный опыт ведения боевых действий с иррегулярными формированиями.

В то же время, некоторые эксперты считают, что асимметричная угроза представляет собой качественное изменение сущности войны. Поэтому, например, война в Персидском заливе 1990-1991 гг. видится одним как прототип новой войны будущего, а сторонникам школы асимметричности – лишь как «последняя маневренная война, как анахронический откат в эпоху второй мировой войны, в которой применялись новые современные системы вооружения». Западные страны, по мнению сторонников теории асимметричности, ведут подготовку своих армий к вчерашним войнам, к тем войнам, которые они хотели бы вести, а не к тем войнам, которые они скорее всего будут вести в будущем. Эти государства, как говорит Дж. Расселл, «абсолютно не понимают природы асимметричной угрозы».

Основным тезисом апологетов теории асимметричной войны является положение о том, что война как явление претерпевает качественное изменение - прежде всего под воздействием политических, социальных и экономических факторов, а вовсе не технологических. Ссылаясь на взгляды американских экспертов из корпуса морской пехоты, британский офицер называет войну будущего войной четвертого поколения или «сетевой войной». Войну «антагонисты будут вести на политической, экономической, социальной и военной аренах, а общаться друг с другом посредством комбинации сетей и СМИ».

Критическим моментом в понимании сущности войны нового поколения является то, что она будет основываться скорее на идеях, а не на военной технологии. Вслед за американскими специалистами, Дж. Расселл видит войну будущего как сложное, неоформленное, расплывчатое явление. Трудно будет провести разграничительную линию между состоянием войны и мира, между военными операциями и преступными акциями, между тылом и линией фронта, между комбатантами и некомбатантами. Сами понятия победы или поражения в войне будущего, вполне возможно, просто перестанут существовать.

Нынешние официальные представления о войне, как отмечает Дж. Расселл, к сожалению, во многом основываются на технологическом превосходстве, на процессах, связанных с революцией в военном деле. Будущее видится таким же, как и день нынешний, только с абсолютным технологическим превосходством над противником.

⁴⁷ The Big Issue: Command and Combat In the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002.

Однако это – опасное заблуждение. Как показывает история, роль техники и технологии, как бы высока она не была, никогда не бывает решающей.

В связи с этим подполковник Расселл делит войну на две категории: симметричную и асимметричную. Граница между этими двумя категориями очень расплывчата. Война, начавшаяся как симметричная, может легко перейти в асимметричную и наоборот. Более того, нет никаких ограничительных факторов, почему бы средства и способы ведения асимметричной войны не могли бы использоваться в симметричной войне, что еще более сближает эти две категории.

С мнением британского военного эксперта солидаризируются французские военные специалисты, которые к этим двум категориям войны добавляют еще и третью – диссимметричную. Главные отличия между этими категориями заключаются в следующем:

- Симметричная война ведется комбатантами со схожими целями, силами и средствами, доктринами и моральным духом. Когда симметрия в чистом виде приводит в тупик, противники стремятся ее нарушить, усиливая или развивая свои возможности, меняя форму ведения операций или уменьшая возможности противника. Именно это стремление нарушить симметричность означает, что асимметрия почти всегда в той или иной степени присутствует в войне. Однако «асимметрия в войне» абсолютно ничего не имеет общего с «асимметричной войной».

- Асимметричная война характеризуется абсолютным или очень сильным различием между противниками в целях, возможностях, способах действий, в моральном состоянии. Асимметричная угроза означает, что одна из сторон неспособна в силу своей собственной невозможности или превосходства противника в силах противостоять ему обычным способом, используя те же средства и вооружение. Вместо этого эта сторона использует вооружение и тактику незапланированно, неожиданно для противника, чтобы нарушить, нейтрализовать или обойти его технологическое превосходство. Асимметричные атаки обычно нацеливаются на слабые места противника и оказывают очень сильное психологическое и физическое воздействие. Они могут также проводиться с тем, чтобы вызвать неадекватный ответ противника, что подорвало бы легитимность его действий в глазах своего же населения.

- Французская концепция диссимметричности основывается на огромном дисбалансе между комбатантами или в целях, или в использовании средств (но не в наличии этих средств), или в формах ведения военных действий. Вместе с тем, между противниками имеет место очень сильное сходство⁴⁸. Таким образом, диссимметричность в большей степени характеризует качественные аспекты соотношения сторон, а не количественные. Это – скорее, ущербность военной теории, слабость руководства, непрофессионализм командного корпуса, неподготовленность войск.

Асимметричность применительно к войне проявляется во многих формах, важнейшими из которых, по мнению британского исследователя Дж. Расселла, являются следующие:

- Асимметричность интересов – считается многими американскими специалистами и экспертами других стран Западной Европы главной формой асимметричности. Это проявляется, когда одна из сторон, обычно более слабая в экономическом и военном отношениях, видит угрозу своему существованию или жизненным интересам, в то время как другая сторона всего-навсего защищает или продвигает свои несущественные интересы. Более слабая сторона стремится найти пути сдержать оппонента от вмешательства в ситуацию, дав ему понять, что потенциальная цена его вмешательства будет слишком высока, а потенциальные выгоды – слишком низкими.

⁴⁸ The Big Issue: Command and Combat In the Information Age. Ed. By David Potts. The Strategic and Combat Institute. March 2002. P. 119.

- Асимметричность воли – проявляется тогда, когда одна из сторон, настроенная решительно, готова пойти на риск, заплатить большую цену или предпринять такие действия, которые противная сторона не может себе позволить по моральным или юридическим основаниям. Примерами ослабленной воли, как считает Расселл, являются чувствительность Запада к потерям в живой силе, чувствительность к общественному мнению в стране и мире.

- Асимметричность ценностей – возникает между противниками, исповедующими сильно различающиеся ценности и убеждения – как на общественном, так и индивидуальном уровнях. Оппонент в этом случае может полностью отрицать или игнорировать международные нормы поведения, пренебрегать общественным мнением как таковым. Асимметричность ценностей в наибольшей степени характерна для противника, прибегающего к этническим чисткам, терроризму, использованию «живых щитов», мобилизации «детей-солдат», угрозе применения оружия массового поражения.

- Асимметричность в стратегии и тактике – проявляется в стремлении противника нейтрализовать преимущества в маневре, развертывании, информационном превосходстве и использовать наши слабые места. При этом к слабым местам западных стран, как отмечает Расселл, относятся чрезмерное внимание обеспечению безопасности своих войск, законодательные ограничения, слабость коалиционной стратегии и др. Противник в качестве асимметричного ответа может пренебречь концепцией победы и поражения, применимой только в межгосударственном конфликте. В качестве своего поля боя он может выбрать заведомо невыгодные для Запада условия, например, городскую местность, где преимущества в тактике и техническом оснащении могут быть легко нейтрализованы.

- Асимметрия в технологиях – само по себе не новое явление. Различия в техническом оснащении всегда имели место в конфликтах и столкновениях. Наличие на современном рынке вооружений самых современных образцов оружия всевозможных типов позволяет противникам приобрести некоторые из них, дающие им определенное преимущество в конкретной области, например, ПТУР. Противнику нет нужды разрабатывать, производить и оснащать свои вооруженные силы разнообразными системами оружия и военной техники. Он может легко приобрести то, что ему нужно, и оснастить этим оружием свои ударные отряды. Кроме того, противник в своем асимметричном ответе западным армиям может применить тактику людской волны. В таком случае сверхточное «умное» оружие, предназначенное для поражения точечных целей, окажется неэффективным.

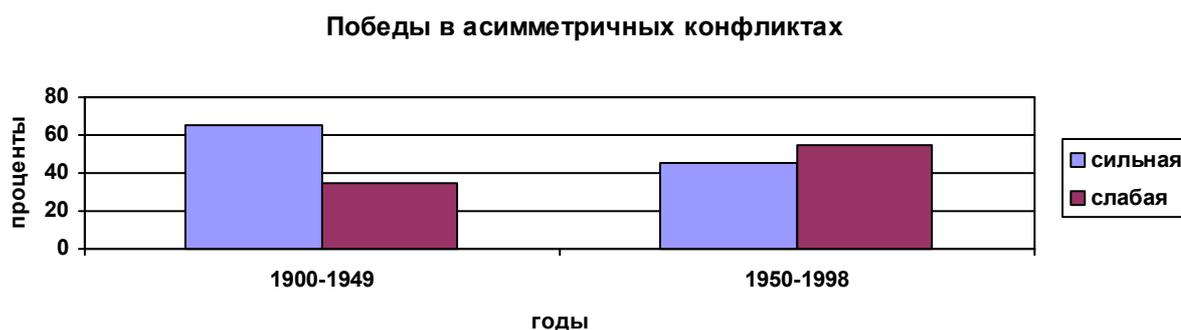
- Асимметрия организационная – проявляется в том, что организационная структура вооруженных сил Запада, создававшаяся для противодействия аналогично организованному противнику, в будущей войне неэффективна. В будущем противник, скорее всего, будет представлять собой негосударственные группы, организованные в сети или вообще организационно не оформленные. Эти группы могут вообще быть лишены какой-либо организованной структуры, единой системы управления или централизованной системы координации действий. Потенциальный противник может представлять собой также случайное объединение разнообразных групп с различными ценностями, убеждениями и целями.

- Асимметрия времени – имеет место в том смысле, что Запад не любит длительные и затяжные военные действия. Поэтому для предупреждения интервенции со стороны Запада противнику иногда может оказаться вполне достаточным просто продемонстрировать свое желание вести войну долго.

Итак, асимметричный военный конфликт, по единому мнению большинства военных экспертов, является наиболее перспективной формой военного конфликта, который будет всемерно навязываться слабой стороной своему более сильному агрессору. Американские ученые уделяют повышенное внимание изучению именно этого феномена.

Летом 2001 года увидело свет серьезное исследование «Как слабая сторона достигает победы. Теория асимметричного конфликта», принадлежащее перу профессора Школы изучения правительства им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета Ивана Аррегуин-Тофта⁴⁹.

Проведя ретроспективный анализ асимметричных конфликтов за последние два столетия, автор приходит к выводу, что на протяжении исторически длительного времени сильная сторона имела более высокие шансы победить слабую сторону. Обстановка начала меняться с середины XX века, когда у слабой стороны появилось больше шансов победить сильного противника. По данным ученого, в первую половину века в 65% конфликтов победу одерживал сильнейший участник, а в послевоенный период лишь в 45% конфликтах асимметричного типа победила сильнейшая сторона, в то время как в 55% - более слабый участник.

И. Аррегуин-Тофт, тщательно изучив типы и варианты действий (стратегий действий) двух неравнозначных сторон (сильной и слабой), разработал типологию асимметричных конфликтов современности, что, в свою очередь, позволило ему обоснованно подойти к прогнозированию хода и исхода этих конфликтов. По мнению американского эксперта, каждая из сторон в асимметричном конфликте может прибегнуть или к прямой, или к непрямой стратегии.

Сильная или атакующая сторона имеет выбор: прямая стратегия - стратегия «прямой атаки», непрямая стратегия - «варварские методы».

Слабая или обороняющаяся сторона в ответ прибегает к прямой стратегии - «прямой обороне» или к непрямой стратегии - партизанской войне.

Ключевое различие между прямой и непрямой стратегиями, по сути, заключается в том, что первая направлена на уничтожение живой силы, а вторая - на подрыв морального духа.

Стратегия «прямой атаки» означает использование сильной стороной военной силы для пленения или уничтожения вооруженных сил противника и тем самым установление «контроля над ценностями противника». Основная цель заключается именно в лишении вооруженных сил противника возможности сопротивляться. Война на изнурение и блицкриг являются проявлениями стратегии «прямой атаки». Классическими образцами стратегии «прямой атаки» в истории войн являются операции по овладению «ценностями противника» (столицей государства, промышленным центром или транспортным узлом или даже мостом) или стратегически важными объектами (выгодная для организации обороны местность, форт) в условиях ожесточенных попыток противника не допустить этого. Военные действия приобретают форму сражения или серии сражений, которые могут длиться достаточно долго, чередуясь периодами относительного затишья, пока одна из сторон не признает своего поражения.

«Варварские действия» представляют собой систематическое нарушение сильной стороной законов войны в целях достижения определенных военных или политических

⁴⁹ Arreguin-Toft, I. How the Weak Win Wars. A Theory of Asymmetric Conflict// International Security. Vol. 26. No. 1. 2001, Summer. P. 93-128.

целей⁵⁰. Нарушение законов войны означает не только применение запрещенных видов оружия, таких как химическое или бактериологическое, но и, что самое главное, любые методы насилия по отношению к некомбатантам (изнасилования, убийство, пытки и т.д.). Как и любая другая стратегия, «варварские действия» используются для подрыва морального духа (воли) противника и его способности вести борьбу. Когда воля противника становится, например, целью стратегической бомбардировочной кампании, сильная сторона стремится принудить слабого противника к изменению поведения путем «причинения боли», то есть «разрушения его ценностей». Когда воля противника является целью контр-повстанческой кампании, сильная сторона стремится предотвратить рост числа потенциальных повстанцев путем, например, жестких мер наказаний против некомбатантов. Это предусматривает карательные меры и казни мирного населения в ответ за убийство своих солдат. В качестве эффективных мер в борьбе с повстанцами зарекомендовали себя концлагеря.

Исторически самыми распространенными формами «варварских действий» считаются убийство некомбатантов (военнопленных или мирного населения); создание концлагерей; бомбардировки целей, не имеющих военного значения. Бомбардировки войск противника и его военных объектов являются применением стратегии «прямой атаки», в то время как авиационные удары, подобные бомбардировкам Дрездена союзной авиацией в конце второй мировой войны, являются, по оценкам И. Аррегуин-Тофта, типичными «варварскими действиями».

Стратегия «прямой обороны» означает использование слабой стороной вооруженных сил для срыва попыток сильного противника овладеть такими «ценностями», как территория, население, стратегические ресурсы. Обе стратегии - «прямой атаки» и «прямой обороны» - нацелены на вооруженные силы противника. Слабая сторона стремится сорвать наступательный дух и возможности противника, прибегая к статической или мобильной обороне, обороне передовых рубежей или обороне в глубине своей территории. Слабая сторона может попытаться нанести упреждающий удар по сильному противнику с целью подорвать его боевые возможности, как то имело место в ходе японской атаки на Перл-Харбор в декабре 1941 года. Однако в целом, стратегия слабой стороны все равно остается оборонительной.

Стратегия партизанской войны, в определении Ивана Аррегуин-Тофта, состоит в «организации части общества для причинения ущерба противнику, используя вооруженные формирования, подготовленные для действий методами непрямой конфронтации». Много общего со стратегией партизанской войны имеет и стратегия терроризма. Под ущербом противнику подразумеваются уничтожение его живой силы, нарушение тылового обеспечения, уничтожение инфраструктуры, подрыв его морально-психологического состояния и, что самое важное, выигрыш времени. Несмотря на то, что главными объектами поражения партизан являются вооруженные силы противника, однако главной целью действий партизан считается моральный дух (воля) противника, а не его боевые возможности.

Для ведения партизанской войны как минимум необходимы два главных элемента:

- Физическая среда (наличие болот, гор, труднопроходимых лесов или джунглей) и политическая среда (плохо охраняемые границы или наличие симпатизирующих режимов на границах).

- Поддержка населения (рекрутирование новых партизан, тыловая поддержка, восполнение потерь в боях).

⁵⁰ Законами войны в общепринятом на Западе смысле называются нормы, принципы и правила ведения военных действий, установленные Гаагскими конвенциями 1899 и 1907 гг., Конвенцией о геноциде 1948 года, четырьмя Женевскими конвенциями 1949 года и двумя дополнительными протоколами к Женевской конвенции 1977 года.

По оценкам западных исследователей, самым выдающимся теоретиком и практиком партизанской войны являлся Мао Цзэдун, который сформулировал основные принципы и методы ведения таких действий.

Безусловно, партизанская война не является стратегией достижения быстрого и решительного поражения вторгшегося противника. Наоборот, борьба приобретает затяжной характер. В руках сильной стороны – оккупационных войск противника – находятся все важнейшие «ценности» партизан: поля, семьи, религиозные и культурные центры, города. Все это придает борьбе особо ожесточенный характер.

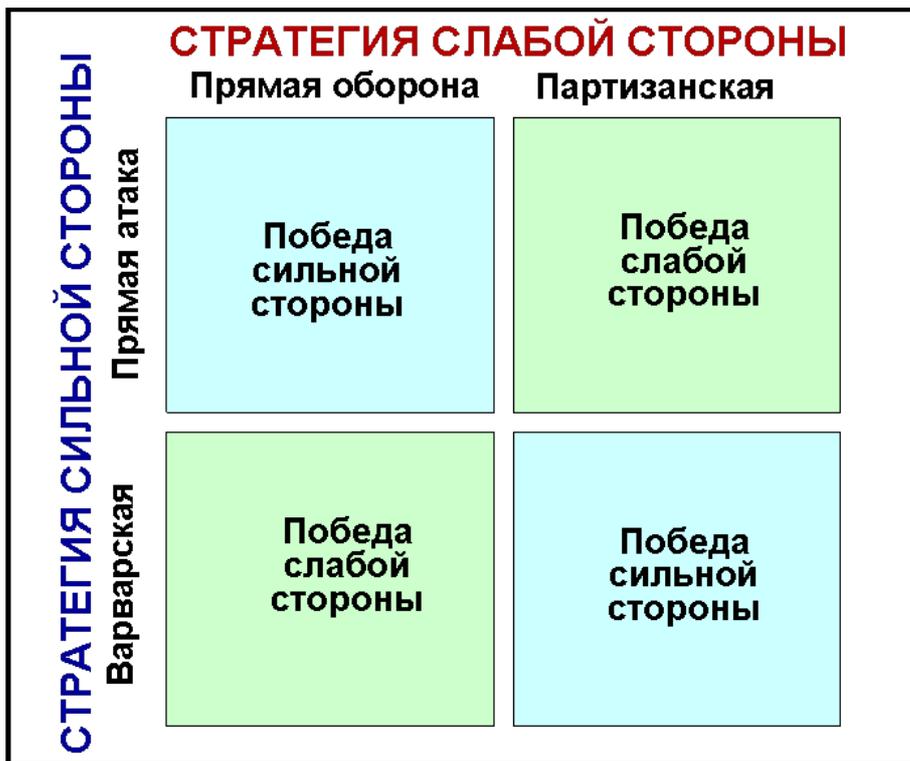
По классификации Ивана Аррегуин-Тофта, каждая из стратегий действий в асимметричном конфликте одной стороны имеет соответствующую эффективную контр-стратегию другой стороны. В каждой из рассмотренных выше четырех основных типах стратегий действий есть свои сильные и слабые стороны. В зависимости от того, какую стратегию изберет каждая из сторон в асимметричном конфликте, во многом будет зависеть его исход.

Прямая стратегия, так или иначе, нацелена на уничтожение живой силы противника, непрямая стратегия – на подрыв его морального духа. Именно для подрыва воли противника к ведению военных действий в стратегии «варварских действий» удар наносится по некомбатантам, а в партизанской войне – по солдатам противника.

В результате, стратегия одного типа (прямая против прямой; непрямая против непрямой) ведет, как правило, к успеху сильной стороны. В случае столкновения стратегий разного типа (прямая против непрямой; непрямая против прямой) слабая сторона получает преимущества, которые могут обеспечить ей победу. На руку слабой стороне здесь может играть время: затяжная война грозит сильной стороне крахом. По мнению американских исследователей, чем дольше длится конфликт, тем больше шансов, что сильная сторона под давлением своего внутреннего общественного мнения, потерь и других факторов, в конце концов, откажется от его ведения, несмотря даже на возможные военные успехи проводимых операций.

Сильная сторона может в этих условиях прибегнуть к стратегии «варварских методов», однако это не всегда и не везде «сходит с рук»: правда о применении этих методов ведения войны может «взорвать» саму эту страну изнутри.

Схема: Ожидаемые результаты асимметричного конфликта в зависимости от типа стратегических действий сторон:

В рамках предложенной И. Аррегуин-Тофтом типологии стратегических действий сильной и слабой сторон, возникают четыре основные модели асимметричного конфликта с точки зрения сильной стороны.

«Прямая атака против прямой обороны». Обе стороны одинаково подходят к оценке приоритетов и ценностей в войне. Война идет «по правилам», стороны признают важность потерь, ведут военные действия за взятие и удержание городов как своеобразных «центров тяжести». Сильный игрок в такой ситуации достигает победы, действуя быстро и решительно.

«Прямая атака против партизанской войны». В этих условиях сильная сторона сталкивается с ситуацией, когда на поле боя отсутствует конкретный противник. Партизанские, иррегулярные формирования аморфны, мобильны, гибки и непредсказуемы в избираемой ими тактике действий. Поддержка населения обеспечивает социальную опору их борьбе. Сильная сторона, борясь с партизанами и повстанцами, вынуждена принимать жесткие меры против местного населения (некомбатантов), что еще более обостряет обстановку. Военные действия затягиваются, что играет на руку партизанам. В конечном счете, слабая сторона выигрывает.

«Варварские действия против прямой обороны». Сильная сторона имеет полное превосходство над слабым противником в силах и средствах, но в определенных ситуациях она может принять решение подорвать моральный дух и волю противника к сопротивлению, то есть прибегнуть к стратегии «варварских методов». Наиболее эффективной непрямой стратегией сильной стороны, как свидетельствует военная история, являются стратегические бомбардировки мирного населения, а в прошлом – блокады и осады. Однако чем интенсивнее и дольше сильной стороной проводится стратегия не прямых действий, чем более варварскими становятся последствия, тем сильнее нарастает сопротивление и недовольство населения атакуемой страны. Получается обратный эффект: вместо морального краха противник мобилизуется на более решительное сопротивление. В этой ситуации слабая сторона имеет реальные шансы победить.

«Варварские действия против партизанской войны». Непрямая стратегия сильной стороны («варварские действия») имеет определенные моральные ограничения. Если сильная сторона полностью откажется от каких бы то ни было моральных ограничений, у

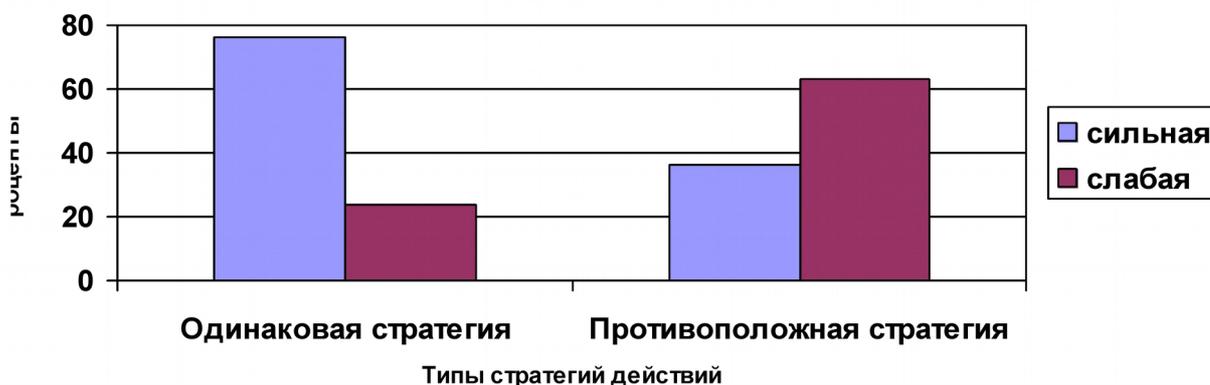
слабой стороны нет шансов на победу. Жесточайшие меры по наведению порядка, в том числе и карательного характера, приведут к тому, что партизан просто некому будет физически поддерживать. Варварские меры, как пишет И. Аррегуин-Тофт, работают как самая лучшая контр-партизанская стратегия, потому что они нацелены на один или оба элемента партизанской войны: среду и население.

Мао Цзэдун в свое время сравнивал партизан с рыбой, а народ – с морем. По мнению американских экспертов, в такой ситуации сильной стороне остается только два пути: или изменить условия среды («сделать воду прозрачной»), или осуществлять массовые «зачистки», проводить казни и аресты («осушать море»). В результате, если сильная сторона прибегает к «варварским методам» действий, а слабая сторона – к партизанской войне, сильная сторона побеждает.

Таким образом, из четырех описанных универсальных моделей две выгодны сильной, а две слабой стороне. Сильной стороне выгодны конфликты с применением односторонних стратегий, слабой – конфликты с применением противоположных стратегий. Однако эта закономерность проявляется не всегда в «чистом виде».

Рассмотрев четыре возможные модели асимметричного конфликта в теоретическом плане, И. Аррегуин-Тофт наложил их на большой объем военно-исторического материала. Ученый оговорился, что не все рассмотренные им войны и конфликты XIX-XX вв. полностью подходили под описанные им модели, вместе с тем, полученные результаты позволили сделать некоторые выводы. Материалы исследования показали, что сильная сторона выигрывала в 76% конфликтах с применением односторонних стратегий, а слабая сторона победила в 63% конфликтах с применением противоположных стратегий.

Шансы на победу при разных стратегиях действий

Конфликты с применением односторонних стратегий для своего успеха должны быть скоротечными, а конфликты с применением противоположных стратегий – наоборот, затяжными. В XX столетии конфликты первого типа длились в среднем 2,69 года, а второго – 4,86 года.

На протяжении XIX-XX вв. наблюдается устойчивая тенденция возрастания количества асимметричных конфликтов с применением противоположных стратегий действий. За период 1900-1949 гг. из 31 асимметричного конфликта 16,1% были с применением противоположных стратегий действий, а с 1950 по 1998 гг. из 36 асимметричных конфликтов – уже 22,2%. Эта тенденция говорит и о другом: постепенно растут шансы слабых стран и «игроков» достичь победы в асимметричном конфликте. И наоборот, как свидетельствует статистика войн XX века, для сильной стороны становится все труднее одержать победу в асимметричном конфликте.

Для наглядности И. Аррегуин-Тофт свел воедино все асимметричные конфликты XIX-XX вв. Каждый из конфликтов оценивался им по двум характеристикам:

- Итогам (результатам) конфликта. При этом 1 означает победу сильной стороны, 0 – победу слабой стороны, тупиковую ситуацию или продолжающийся конфликт.

- Типу применяемой сторонами стратегии. При этом 0 означает асимметричный конфликт с применением однотипных стратегий действий (прямая против прямой; непрямая против непрямой), а 1 означает конфликт с применением разнотипных стратегий действий (непрямая против прямой; прямая против непрямой). Знак «-» означает отсутствие данных.

Наиболее актуальны полученные автором результаты по асимметричным конфликтам второй половины XX века⁵¹.

Асимметричный конфликт	Начало	Окончание	Итог	Тип стратегии
Независимость Индонезии	1945	1946	0	0
Индокитай	1945	1954	0	0
Мадагаскар	1947	1948	1	-
Первый Кашмирский конфликт	1947	1949	1	0
Палестина	1948	1949	0	0
Малайское восстание	1948	1957	1	0
Хайдерабад	1948	1948	1	-
Корея	1950	1953	0	0
Китай-Тибет	1950	1951	1	0
Филиппины	1950	1952	1	0
Кения	1952	1956	1	0
Независимость Туниса	1952	1954	0	-
Независимость Марокко	1953	1956	0	-
Алжир	1954	1962	0	0
Британско-киприотский	1954	1959	0	0
Камерун	1955	1960	0	-
Русско-венгерский	1956	1956	1	0
Синайский	1956	1956	1	0
Тибет	1956	1959	1	1
Куба	1958	1959	0	1
Южный Вьетнам	1960	1965	0	1
Конго	1960	1965	1	0
Курдский	1961	1963	1	-
Ангольско-португальский	1961	1975	0	-
Китайско-индийский	1962	1962	1	0
Португалия – Гвинея (Бисау)	1962	1974	0	1
Мозамбик	1964	1975	0	1
Вьетнам	1965	1975	0	0
Второй Кашмирский конфликт	1965	1965	0	0
Шестидневная война	1967	1967	0	0
Израильско-египетский конфликт	1969	1970	0	0
Бангладеш	1971	1971	1	0
Филиппины-Моро	1972	1980	1	0
Война Иом-Киппур	1973	1973	0	0
Турецко-киприотский	1974	1974	1	0
Эритрейский	1974	1991	0	0
Конфликт за автономию	1974	1975	1	0

⁵¹ Наименования конфликтов приведены именно в том виде, как они используются автором.

Курдистана				
Восточный Тимор	1974	1975	0	1
Вьетнамско-камбоджийский	1975	1979	1	0
Западная Сахара	1975	1983	1	-
Гражданская война в Чаде	1975	1988	1	0
Эфиопско-сомалийский	1977	1978	1	0
Афганистан	1978	1989	0	0
Китайско-вьетнамский	1979	1979	1	0
Гражданская война в Перу	1982	1992	1	0
Восстание на Тамиле	1983	1990	0	1
Китайско-вьетнамский	1985	1987	0	0
Война в Персидском заливе	1990	1991	1	0
Ирако-кувейтская война	1990	1990	1	0
Курдское восстание	1991	-	-	0
Сербское восстание	1991	1996	0	1
Чеченский конфликт	1994	1996	0	0

В заключение своего анализа Иван Аррегуин-Тофт формулирует основные положения, которые должны составить основу американского ответа на вызовы асимметричного конфликта.

Во-первых, необходимо готовить общественное мнение к тому, что конфликт будет длительным, несмотря на все технические и материальные преимущества США.

Во-вторых, необходимо создавать и разворачивать вооруженные силы, специально вооруженные, оснащенные и подготовленные для контр-партизанской борьбы.

Таким образом, как указывает американский эксперт, в будущем США неизбежно должны иметь в составе своих вооруженных сил два компонента: обычные силы для ведения симметричной войны и специальные силы для ведения асимметричного конфликта.

Возможный вариант сил для ведения асимметричного военного конфликта был предложен в 90-х годах XX века корпорацией РЭНД, где в рамках проекта «Принцип стаи и информационные операции» были проведены специальные исследования, посвященные поиску новых, эвристических форм вооруженной борьбы. Сотрудники корпорации РЭНД Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт в результате своих теоретических изысканий выдвинули концепцию «боевой стаи»⁵². В 2000 году результаты своего исследования американские ученые опубликовали в работе «Принцип стаи и будущее конфликта»⁵³.

В своих теоретических построениях авторы исходили из того, что, во-первых, информация в широком смысле этого слова является важнейшей составляющей войн будущего, и, во-вторых, что вооруженные столкновения будущего будут абсолютно непохожими на «традиционные войны» прошлого.

По мнению Аркуилла и Ронфельдта, на протяжении столетий своей эволюции вооруженная борьба принимала четыре важнейшие формы: рукопашную схватку, массирование, маневренность и действия стаей.

Рукопашная схватка имела форму хаотического столкновения на близкой дистанции, при этом каждый воин сражался по своему усмотрению, полагаясь на свои силы и конкретные возможности. На том этапе требования к организации и информационному обеспечению схватки были минимальными.

Массирование появилось тогда, когда успех военного столкновения стал обеспечиваться организованным, скоординированным применением сил и средств. В

⁵² Джон Аркуилл и Дэвид Ронфельдт вводят свой новый термин: Battle Swarm – «боевая стая». Словарное значение термина Swarm: рой, стая, толпа; куча, масса.

⁵³ John Arquilla, David Ronfeldt. Swarming and the Future of Conflict. RAND/National Defense Research Institute, 2000.

результате неорганизованное и трудно управляемое войско в форме толпы приобрело структурированность и организацию: появилось боевое построение в форме фаланги, каре, колонны, строя, возникло понятие фронта и тыла. С принципами массирования тесно связана иерархическая структуризация военной сферы: в отличие от хаотической рукопашной схватки массирование предполагает субординацию, дисциплину, подчинение. Необходимость управления сражением неизмеримо повысила требования к его информационному обеспечению. Возникла необходимость максимально быстро доставлять сообщения (приказы) сверху вниз, обмениваться информацией с соседями, что стало возможным только с соответствующим прогрессом в развитии средств связи и управления.

Маневренность возникла тогда, когда многочисленные, неповоротливые, тяжелые военные формирования стали терять свою боевую эффективность. С развитием огнестрельного оружия массированные боевые построения уступили место рассыпному строю, а вооруженная борьба на поле боя из «классического лобового столкновения» превратилась в поиск слабых мест противника с последующим ударом именно в него. Суть маневренности как раз и заключалась в поиске и атаке своими превосходящими силами слабых мест противника, прикрываемых незначительными силами на отдельном направлении, т.е. в уничтожении противника по частям. Для достижения успеха на поле боя войска вынуждены были прибегать к охвату и обходу, ударам по флангам, тактике просачивания. В военной теории появились понятия «центров тяжести» боевого построения, главного и второстепенного направления ударов, сосредоточения сил и огня на решающих направлениях. Стратегия и тактика маневренной войны изменялась и совершенствовалась вслед за развитием науки и техники. Маневренность привела к усложнению информационных потоков на поле боя. Теперь уже один главнокомандующий, подобно Наполеону, не мог контролировать весь ход и исход битвы или сражения. Основными планирующими, организующими и руководящими органами на поле боя становятся штабы. Неизмеримо возросли роль и значение информации и средств обмена информацией, особенно радио.

Действия стай, по терминологии Аркуилла и Ронфельда, пришли в настоящее время на смену маневренности. Под действиями в стае подразумевается «систематическое пульсирующее использование силы и/или огня разнообразными, но взаимно связанными подразделениями (частями), действующими против противника одновременно со всех направлений»⁵⁴.

Главными отличительными признаками действий стай, таким образом, являются: централизованная (единая) стратегия, но децентрализованная (нешаблонная, разнообразная) тактика действий; автономные или полуавтономные подразделения (части); действиях всех подразделений (частей) против единой цели; «аморфное», но скоординированное действие (атака) со всех направлений; отсутствие понятия «фронта»; совершенная система управления, разведки, информации, компьютерного обеспечения; воздействие как дистанционное, так и в непосредственном контакте с противником; сосредоточение главных усилий на подрыве сплоченности противника⁵⁵.

«Важнейшей целью действий стай, - пишут американские исследователи, - является не столько физическое уничтожение противника, хотя это и не сбрасывается со счетов, сколько подрыв его сплоченности. Когда эта цель достигнута, противник потеряет способность эффективно маневрировать или вести огонь, и тогда военные цели действий стай могут быть легко обеспечены»⁵⁶.

⁵⁴ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. VII.

⁵⁵ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 45.

⁵⁶ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 23.

Американские авторы отмечают, что тактика действий стай не является абсолютно новой формой ведения вооруженной борьбы. В древние века именно так воевали племена кочевников, так действовали монголо-татары, расширяя свои завоевания. Даже в XX веке действия стай нашли свое проявление в борьбе немецких подводных лодок против англо-американских конвоев в годы второй мировой войны; в тактике действий английской истребительной авиации против бомбардировочных рейдов фашистов; в тактике йсамопожертвования японских камикадзе. Тактика действий стай характеризовала войска китайских народных добровольцев в войне в Корее 1950-1953 гг.⁵⁷

Одним из первых военных теоретиков Запада, подошедших к идее действий стай с научной точки зрения, стал Отто Хейлбрунн (ФРГ). Работая над проблемой обеспечения выживания и поддержания боеспособности обычных вооруженных сил на поле боя атомной войны, он предложил создавать небольшие маневренные части, которые будут способны действовать по принципу «концентрического рассредоточения». Его идея заключалась в том, что эти небольшие подразделения и части будут находиться в постоянной связи друг с другом и соединяться в одном пункте только в момент проведения атаки объекта противника. После атаки эти подразделения и части вновь рассредоточиваются и маневрируют индивидуально, хотя и в тесной координации друг с другом, вплоть до новой совместной атаки. В отдельных случаях эти части и подразделения могут концентрироваться в одном месте для проведения оборонительных операций против атакующего противника.

Действия стай, в отличие от предыдущих форм вооруженной борьбы, предполагают способность структурировать и обрабатывать огромное количество информации различного характера. Тот, кто будет способен достичь этого, получит огромные преимущества на поле боя.

Классическим образцом действий стай, как отмечают Аркуилл и Ронфельдт, можно считать действия немецких подводных лодок против английского и американского флотов в годы второй мировой войны. Находясь на «свободной охоте» на океанских просторах, немецкие подлодки при обнаружении конвоя противника нападали на него со всех направлений, подобно стае акул или волков. Такая тактика требовала недюжинных усилий по координации и четкому согласованию взаимных действий. Ошибка в действиях одной подводной лодки могла не просто сорвать всю операцию, но и привести к своим тяжелым потерям.

Бой или операция будущего как на суше, так и на море будут строиться по тем же принципам: войска (силы) в «нормальном состоянии» будут пребывать в рассредоточенном состоянии но в постоянной готовности мгновенно соединиться, нанести удар по выбранной цели со всех направлений и немедленно рассредоточиться. Тем самым войска (силы) обеспечивают свою безопасность, избегая ответных ударов со стороны противника.

Дж. Аркуилл и Д. Ронфельдт в своем исследовании в качестве субъектов действий стай выделяют силы (войска) и средства (огонь). Применение принципа действий стай в отношении средств поражения (огня) представляется в маневре огнем на поле боя и сосредоточении всех видов огня на определенной «критической» цели. К этому прибегали американские войска в войне во Вьетнаме (в ответ на действия стай вьетнамских партизан) и советские войска в Афганистане.

Что лучше – применение принципа действий стай по отношению к силам (войскам) или средствам (огню) – вопрос достаточно сложный. Авторы концепции считают, что первое все же имеет более важное значение, чем второе. Другими словами, несмотря на достижения в развитии средств поражения, успех вооруженной борьбы в будущем при ведении боя по принципам действий стай будет в большей степени определяться возможностями и подготовкой войск.

⁵⁷ John Arquilla, David Ronfeldt. *Swarming and the Future of Conflict*. RAND/National Defense Research Institute, 2000. P. 32.

Действия стай или в составе стаи (роя) проявляются в природе и социуме в различных формах.

Первой является, безусловно, форма «социализации» муравьев. Добывая пищу, преследуя жертву, эти насекомые прибегают к «ковровой» тактике, наступая на объект «атаки» сплошной массой. Они легко ломают свои ряды, нападая на жертву со всех направлений. К такой же тактике муравьи прибегают в периоды «территориальных войн» с соседними муравьиными семьями.

Аналогом «муравьиной формы» действий стай в некотором смысле выступает тактика партизан. Именно так воевали против американских войск южновьетнамские партизаны. Организованную форму они принимали при передвижениях, а атаку противника проводили «волнами», сосредоточивая на объекте атаки все силы и доступные средства.

Второй естественно-природной формой действий стай является поведение животных, живущих и охотящихся стаями – в частности, волков. Их стаи по численности не идут в сравнение с муравьиными или осиными роями. Кроме того, в процессе охоты волчья стая делится на небольшие группы, которые нападают на жертву с разных направлений. Суть волчьей охоты состоит в выборе наиболее подходящей (слабой) жертвы с последующей изоляцией ее от стада, дающего ощущение «безопасности в массе». Успех волчьей охоты достигается способностью длительного бега (гон жертвы) и четкой организацией финального броска.

Тактика волчьей стаи, по мнению Аркуилла и Ронфельдта, издавна традиционно используется партизанами в разных районах мира. Точно так же действовали немецкие подводные лодки в годы второй мировой войны. Аналогичным этому является поведение «футбольных хулиганов», доставляющих немало хлопот полиции во многих странах мира.

Третьей формой действий стай, проявляющейся в природе и социуме, выступают «беспорядочные атаки», подобные укусам москитов и комаров или постоянная борьба вирусов и бактерий с антителами в организме человека. Эта форма подразделяется на два варианта. Во-первых, «оппортунистический», когда каждый из атакующих преследует свою собственную цель (выгоду), примером чего могут быть комары, акулы или папарацци, «охотящиеся» на знаменитость. Во-вторых, все «беспорядочно атакуют» одну цель, каковой для бактерий, например, служит иммунная система человека.

Применительно к ведению боевых действий в военных конфликтах будущего переход к действиям стай предполагает соответствующие организационно-штатные изменения в структуре вооруженных сил. По мнению авторов концепции Дж. Аркуилла и Д. Ронфельдта, «боевая стая» будущего будет включать в себя «кластеры»⁵⁸ и «поды»⁵⁹.

Низшим организационным звеном выступает «под», который может быть однородным (аналог подразделения только одного рода войск) или комбинированным (включать в себя компоненты различных родов войск). В будущем возможно существование обеих форм в зависимости от решаемых задач, специфики противника и других факторов. Некоторые «поды» будут предназначены для нанесения удара по объекту противника, другие – по прикрытию атакующих «подов».

Численность «подов» и «кластеров» также будет зависеть от множества факторов. Американские исследователи считают, что «под» будет примерно равен современному взводу и насчитывать 40-45 военнослужащих и 10 боевых машин. Три «пода» составят «кластер», численность которого будет соответствовать примерно половине пехотной роты современных вооруженных сил США.

Более высокие организационно-штатные структуры, подобные современным батальонам, полкам, бригадам, дивизиям и корпусам сухопутных войск, при действиях в стае будут просто не нужны.

⁵⁸ Cluster – пучок, куст, группа, рой.

⁵⁹ Pod – небольшое стадо, стайка; стручок, кокон.

Расчеты американских специалистов показывают, что один «кластер» сможет вести успешные боевые действия по принципу стаи против батальона регулярных вооруженных сил противника. Десять «кластеров» будут способны эффективно действовать против «традиционной» дивизии противника.

Действуя по принципу стаи, вооруженные силы будут способны эффективно действовать не только и не столько против регулярных формирований вооруженных сил противника, сколько против разнообразных вооруженных и полувоенных организаций и структур самого разнообразного типа.

По сути дела, Джон Аркуилла и Дэвид Ронфельдт предлагают новую форму адекватного ответа вызову современной эпохи: как регулярным вооруженным силам бороться с иррегулярными вооруженными формированиями и новыми «нетрадиционными» угрозами национальной безопасности. Привычные организационные формы, принципы управления и ведения боевых действий «не работают» в реальной «неправильной» обстановке. Опыт боевых действий во Вьетнаме, Афганистане, Чечне свидетельствует о том, что организационно-штатная структура войск не соответствует решаемым войсками задачам. В борьбе с партизанами, повстанцами, террористами регулярные батальон, полк или дивизия «выглядят так же неуклюже, как динозавры на улицах городов».

Регулярные вооруженные силы должны найти такие организационно-штатные формы, которые позволили бы им мгновенно реагировать на угрозы, в зависимости от особенностей противника «перетекать» из одной формы в другую. Регулярные войска должны быть способны находить противника, нейтрализовать и уничтожать его, действуя гибко и непредсказуемо, со всех направлений, разными способами и средствами.

С этими взглядами солидаризуются многие американские эксперты. Генерал-лейтенант морской пехоты США (в отставке) Поль К. Ван Райпер сравнивает вооруженные силы будущего с сообществами муравьев или термитов. При сборе пищи или строительстве жилья они действуют вне рамок строгой иерархии. Ключевым моментом, определяющим эффективность вооруженных сил будущего, будет способность военнослужащих понять замысел операции и организовать себя для выполнения боевых задач. В идеале, как утверждает американский генерал, морские пехотинцы должны четко понимать суть и задачи боевой операции и «подстроиться» под них. Задача же командира будет заключаться не в контролировании каждого шага и этапа операции, а в оценке действий своих подчиненных⁶⁰.

Всего этого можно достичь только при абсолютном информационном превосходстве над противником, кем бы он ни был.

5. Взгляды зарубежных военных экспертов на характер и особенности ведения «традиционных» войн

Вооруженные силы США, как считают американские военные специалисты, в будущем могут столкнуться не только с асимметричными военными конфликтами, действуя против иррегулярных формирований противника, но и принять участие в «традиционных» войнах.

Важнейшим отличительным признаком «традиционных» войн является применение обеими конфликтующими сторонами группировок войск (сил) регулярных вооруженных сил с применением обычных средств вооруженной борьбы или даже с использованием оружия массового поражения. Такая война ведется всем государством, с полным или

⁶⁰ Daintry Duffy. Information Is a Weapon. What Will Happen When Every Soldier Is Armed With It?// Darwin Magazine. November, 2001.

частичным напряжением всех его сил и возможностей. Военные действия в военном конфликте такого типа ведутся в соответствии с выработанными веками принципами классического военного искусства.

Именно к такому виду войн готовились вооруженные силы США в годы «холодной войны», имея перед собой в качестве главного вероятного противника Советский Союз. С развалом СССР угроза этого типа войн, по мнению американских военных специалистов, значительно снизилась и в настоящее время не считается главной.

«Традиционные» войны, по мнению военных специалистов, могут вестись против «стран-изгоев», к которым в Вашингтоне относят некоторые государства и политические режимы явно антиамериканского характера (прежде всего, КНДР и Ирак). Примером войны такого типа считается война в Персидском заливе 1990-1991 гг.

Для ведения «традиционных» войн, как отмечают американские авторы, вооруженные силы США должны и в будущем располагать значительными контингентами сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Победа в войнах этого типа, по мнению военных специалистов, может быть обеспечена только за счет абсолютного военно-технического превосходства США. Упор делается на техническое оснащение войск современнейшими системами разведки, управления, и поражения, которые должны на несколько порядков превосходить вооружения и военную технику потенциальных противников. Ставка на обеспечение военно-технического превосходства США обусловила появление новых теорий и принципов ведения военных действий в ходе «традиционных» войн.

«Размышляя о малых войнах» - так называлась статья полковника ВВС США Ричарда Сафрански, опубликованная в журнале «Parameters» в сентябре 1990 года⁶¹. По мнению этого авторитетного военного специалиста, «малые войны, независимо от их генезиса, представляют собой войны, которые ведутся против вооруженных сил более слабой страны или в интересах более мощной державы. Эти войны ведутся и будут вестись в тех регионах, где мы ощущаем угрозу нашей безопасности или нашим интересам».

Другими словами, под «малыми войнами» автор понимает ограниченные в пространственно-временном отношении военные конфликты с ограниченными политическими и военными целями⁶². Такие конфликты могут и будут вестись только за пределами США, но с использованием вооруженных сил США. Полковник Р. Сафрански в своем анализе упоминает три региона, где, по его мнению, возможно возникновение «малой войны»: Карибский бассейн, Ближний и Средний Восток и тихоокеанское побережье.

Многие страны «третьего мира» сегодня «вооружены до зубов». Они имеют самые современные системы вооружений, а некоторые из них даже обладают оружием массового поражения и системами его доставки. Более того, вооруженные силы стран «третьего мира» имеют хорошо подготовленные командные кадры, прошедшие обучение и подготовку в лучших военно-учебных заведениях Запада, Азии, США или бывшего Советского Союза. И хотя уровень боевой и специальной подготовки офицерского корпуса развивающихся государств, безусловно, не может сравниться с уровнем подготовки американских военных профессионалов, они могут иметь более высокий моральный дух, лучше знают условия местности, имеют поддержку местного населения, обладают знаниями и опытом ведения партизанской войны.

В ходе интервенций в регионы «третьего мира» вооруженные силы США могут встретиться со множеством трудностей, которые, в частности, будут обусловлены крайне

⁶¹ R. Szafranski. Thinking About Small Wars// Parameters, September 1990.

⁶² В отличие от интерпретации Р. Сафрански, другие американские военные эксперты вкладывают в термин «малая война» принятый и в России смысл – военные действия регулярных войск с иррегулярными формированиями.

слабым развитием инфраструктуры, особенно отсутствием приемлемых взлетно-посадочных полос для авиации.

Для ведения «малых войн», по мнению Р. Сафрански, необходимо соответствующим образом готовить вооруженные силы США. С одной стороны, они должны быть всесторонне готовы к ведению боевых действий. С другой стороны, наиболее боеготовые части и подразделения могут быть наименее подготовленными к ведению полицейских операций и других специфических действий. Именно поэтому для ведения «малых войн» необходимы высококомобильные, многофункциональные вооруженные силы, способные действовать решительно и быстро, днем и ночью, против регулярных и иррегулярных сил противника в отрыве от своих главных сил и баз снабжения.

В заключение своего анализа Р. Сафрански дает серию рекомендаций политическому руководству государства, ответственному за принятие решений по использованию вооруженных сил за пределами США:

- Необходимо четко представлять желаемые политические результаты;
- Предвидеть возможные последствия еще до интервенции;
- Не совершать интервенции, не будучи физически и психологически подготовленным к ней;
- Необходимо стремиться к четкой структуре управления;
- Прежде всего, необходимо использовать «элитные силы» (силы специальных операций);
- Важно сразу планировать и осуществлять мощные, высокоточные удары;
- Помогать противнику выйти из игры достойно;
- Вести диалог с противником;
- Восстанавливать мир как можно быстрее.

В целом, по мнению американского военного специалиста, «малые войны» - это та угроза, с которой Соединенные Штаты наверняка встретятся в будущем, продвигая свои интересы в сложных, взрывоопасных регионах мира. Военная интервенция США может иметь различный масштаб и интенсивность, которые будут специфическими в каждом конкретном случае.

Однако, применительно к США, спектр возможных конфликтов «традиционного» типа не ограничивается только «малыми войнами» по терминологии Р. Сафранского. Возможны и «большие» войны.

Одной из концепций «традиционных» войн, появившихся и получивших свое развитие в 90-е годы XX века, стала концепция «стратегического паралича». Автором ее считается полковник ВВС США Дж. Уоррен, который явился одним из «идеологов» воздушной кампании США против Ирака в 1990-1991 гг.

Дж. Уорден был не первым, кто пришел к выводу о стратегической важности воздушной мощи в современной войне. Подобные теории появились и имели своих горячих сторонников, в частности в лице британского военного теоретика Дж. Фуллера, еще в 30-40-е годы XX века. Однако Дж. Уорден стал одним из первых, кто сделал акцент на политических, а не экономических аспектах воздушной войны. В качестве основных стратегических целей поражения авиацией, по мнению Уордена, должны выступать не объекты экономики противника, а его политические структуры и объекты.

Результатом исследования американского офицера стала работа «Воздушная кампания: планирование боевых действий»⁶³, в которой он в систематизированном виде изложил свои представления о роли авиации в будущей войне.

Основная мысль Дж. Уордена заключалась в том, что «воздушная мощь обладает уникальной способностью достигать стратегических целей войны с максимальной эффективностью и минимальными затратами»⁶⁴. В основу своих теоретических построений Дж. Уорден положил известный принцип Клаузевица о «центрах тяжести»

⁶³ Warden, John A. III. *The Air Campaign: Planning for Combat*. Washington, D.C.: National Defense University Press, 1988.

противника. Американский полковник охарактеризовал «центры тяжести» как «пункт, в котором противник наиболее уязвим, а атака против него будет наиболее эффективна». При планировании и ведении военных операций выявление «центров тяжести» противника является чрезвычайно важным. Воздушная мощь, по мнению полковника Дж. Уордена, позволяет поражать даже те «центры тяжести» противника, которые сухопутными силами просто не могут быть достигнуты.

Весной 1995 года в журнале «Airpower Journal» Дж. Уорден опубликовал статью «Противник как система»⁶⁵, в которой сосредоточился на изложении сути своей концепции – системном подходе к достижению победы в войне (военной кампании).

«Как стратеги и «операторы», мы должны избавиться от представления, что сутью войны является столкновение вооруженных сил, – утверждает Дж. Уорден. – В стратегической войне такое вооруженное столкновение может иметь место, но не всегда оно будет обязательным и, более того, оно, как правило, должно избегаться. Оно почти всегда является средством достижения цели, но не самой целью»⁶⁶. По мнению автора, этот момент является принципиальным для понимания сущности войны и самым трудным для восприятия в рамках стандартного военного мышления.

Теоретические построения Дж. Уордена строились вокруг знаменитой формулы Наполеона о соотношении физической силы и морального духа на войне как 1 : 3. Американский летчик, проанализировав изменения в технической оснащённости войск и их боевых возможностях за последние почти два столетия, сделал вывод: соотношение физической (материальной) силы и морального духа в настоящее время будет примерно 1 : 1. При этом, моральный дух противника невозможно спрогнозировать, невозможно заранее предвидеть результат его воздействия, в отличие от материального фактора. Поэтому, осуществляя стратегическое военное планирование, можно делать определенные расчеты, полагаясь только на материальные факторы. А отсюда следовал и соответствующий вывод: «На стратегическом уровне мы достигаем результатов путем нанесения такого ущерба одному или нескольким элементам физической системы противника, что противник приходит к решению принять наши условия, или мы делаем так, что для противника становится физически невозможным противостоять нам. Вторым вариантом мы называем стратегическим параличом»⁶⁷. По мнению Дж. Уордена, в каждой отдельной войне или военной операции необходимо конкретно определяться с объектами и целями воздействия, учитывать потенциал и намерения противника, а также свои возможности.

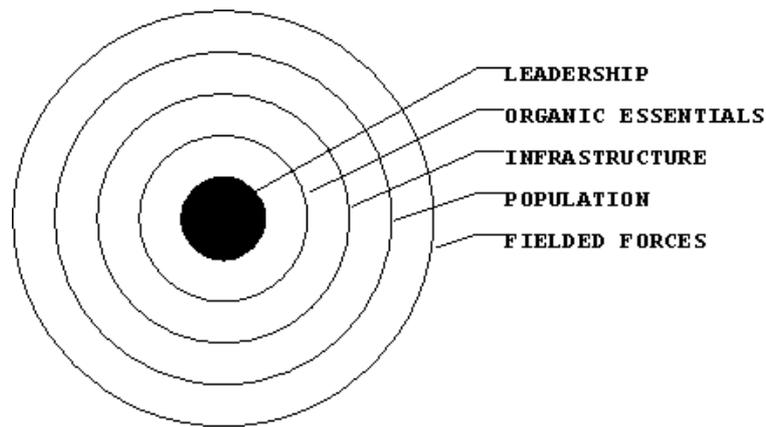
В связи с этим Дж. Уорден предложил простую и наглядную модель оценки противника, которую он оформил в виде пяти концентрических колец, очень напоминающих стандартную мишень в тире. Он подошел к анализу противника через призму системного подхода, в результате «центры тяжести» противника были помещены им в пяти элементах (сферах), которые виделись автору в форме пяти концентрических колец.

⁶⁴ D. S. Fadok. John Boyd and John Warden: Air Power Quest for Strategic Paralysis. A Thesis presented to the faculty of the School of Advanced Airpower Studies. Air University. Maxwell Air Force Base, Alabama, June 1994.

⁶⁵ Warden, John A. III. *The Enemy As A System*// *Airpower Journal*. 1995. Spring.

⁶⁶ Warden, John A. III. *The Enemy As A System*// *Airpower Journal*. 1995. Spring.

⁶⁷ Warden, John A. III. *The Enemy As A System*// *Airpower Journal*. 1995. Spring.

Пояснения:

Leadership - руководство

Organic Essentials – система жизнеобеспечения

Infrastructure – инфраструктура

Population – население

Fielded forces – группировка развернутых вооруженных сил

Наиболее уязвимое место противника – «центральное кольцо» - политическое и военное руководство страны. Следующим по важности «кольцом» является система жизненно важных для функционирования государства элементов – водообеспечение, энергетическая база страны, система электроснабжения. В качестве третьего «кольца» выступает транспортная сеть и инфраструктура государства. Население государства представляется четвертым по важности элементом-«кольцом», при этом воздействие на него вовсе не предполагает его физического уничтожения, а скорее - деморализацию, разложение населения, лишение его воли к ведению войны. Внешним, периферийным «кольцом» выступают вооруженные силы государства.

В случае нейтрализации любого «кольца», эффективное функционирование всей системы, именуемой противником, нарушается. При этом, в зависимости от того, какое именно «кольцо» выведено из строя, нарушение функционирования всей системы может быть серьезным или критическим. Естественно, самым главным «кольцом» выступает центральное – руководство государства или командование противостоящей группировки сил противника.

В свою очередь, каждое «кольцо» рассматриваемой системы также представляет собой аналогичную пяти-структурную подсистему: в каждом из «колец» есть свое «подкольцо» руководства, комплекса жизнеобеспечения, инфраструктуры и т.д.

«Центрами тяжести» в системе противника выступают связи и взаимоотношения между «кольцами», равно как и отдельные элементы каждого «кольца».

Суть «модели пяти колец» заключается в том, что стратегический план кампании или войны должен быть нацелен, прежде всего, на уничтожение главных «центров тяжести» - руководящих структур государства. Если же, например, внутреннее кольцо (руководство страны) не выступает по тем или иным причинам в качестве объекта-цели поражения, то в качестве первоочередных «центров тяжести» выбираются соответствующие руководящие структуры в других «кольцах» (экономика, инфраструктура, вооруженные силы и т.д.). С нейтрализацией или уничтожением центрального «кольца» наступает «полный паралич» всей системы, уничтожение или нейтрализация «центров тяжести» других «колец» приведет к «частичному параличу» системы.

Для наглядности, Джон Уорден применил принципы «пяти колец» к рассмотрению и других сложных биологических, социальных и технологических систем, сведя эти примеры в таблицу:

Тело человека	Государство	Наркокартель	Электросеть
---------------	-------------	--------------	-------------

Руководство	Мозг	Правительство	Главарь	Центральный пульт
Система жизнеобеспечения	Пища и кислород	Энергия (электричество, нефть, продукты питания) и деньги	Сырье коки	Вход (тепло- и гидростанции); выход (электричество)
Инфраструктура	Сосуды, кости, мышцы	Дороги, аэродромы, фабрики	Дороги, воздушные пути, морские линии коммуникации	Линии электропередач
Население	Клетки тела	Население	Обработчики сырья и изготовители наркопродукции	Рабочие
Военный механизм	Лейкоциты	Армия, полиция	«Уличные бойцы»	Ремонтники

Приведенные аналогии при всей их абстрактности позволяют уяснить главное:

«Стратегическая война – это война, целью которой является принуждение государства или некоей организации противника совершить то, что Вы хотите», - так сформулировал суть войны Дж. Уорден. Другими словами – задача состоит в том, чтобы заставить противника выполнить Вашу волю. При этом речь идет об уничтожении государства или некоей организации противника, т.е. противника как системы, а не его вооруженных сил. По мнению Дж. Уордена, в идеале вооруженные силы вообще могут оказаться в роли «ненужного придатка», потерявшего связь с руководством, системой жизнеобеспечения, инфраструктурой и населением.

Внешнее пятое «кольцо» системного взгляда на противника, представляющего собой его развернутые группировки войск (сил), традиционным военным мышлением рассматриваются в качестве самого главного объекта воздействия на войне. Но в действительности, они – лишь средство достижения целей. Их единственной функцией является «защита своих внутренних колец или угроза таковым кольцам противника». Дж. Уорден в своем анализе утверждает, что важное значение, которое традиционно отводилось военными теоретиками прошлого необходимости разгрома армии противника, было обусловлено геополитическими факторами. Авторы этих военных теорий были «континентальными военачальниками, у которых просто не было другого выбора, кроме как сражаться с армиями противника». Современные технологии войны, как считает полковник Дж. Уорден, позволяют формировать новые политические варианты достижения целей войны. «Бессмысленно бороться с вооруженными силами противника, - сделал вывод американский военный эксперт, - если они могут быть нейтрализованы стратегией или технологиями – в обороне или наступлении»⁶⁸.

После того, как взгляд на противника как на систему осознан и понят, встает другой вопрос: а что же делать? Дж. Уорден дает свой ответ: необходим новый подход с позиций концепции «параллельной атаки».

Объясняя суть предлагаемого подхода, американский эксперт выделяет в системе противника «жизненно важные цели», число которых на стратегическом уровне очень незначительно – не более нескольких сотен. Каждая «жизненно важная цель» имеет не более 10 «точек прицеливания». Сами по себе эти «жизненно важные цели» имеют небольшие размеры, являются очень дорогими, а их восстановление представляется очень

⁶⁸ Warden, John A. III. *The Enemy As A System*// *Airpower Journal*. 1995. Spring.

сложной задачей. Поэтому, как считает Дж. Уорден, «если значительный процент таких целей будет поражен, то ущерб становится непереносимым». Идея Дж. Уордена о «параллельных атаках» легла в основу военного планирования США в современных условиях. «Параллельные (одновременные) атаки лишают противника возможности эффективного ответа, - объясняет полковник Уорден. - Чем выше процент целей, пораженных в одном ударе, тем ниже вероятность ответа со стороны противника... Этот параллельный способ ведения войны, в отличие от старого способа последовательных серийных ударов, делает реальностью идею Клаузевица об идеальной форме войны, когда имеет место нанесение ударов по всем целям в один момент времени»⁶⁹.

Таким образом, Дж. Уорден, придавая первостепенное значение политическим аспектам войны, признавая правильность идеи Клаузевица о том, что «войны ведутся с политическими целями», пошел глубже. В его представлении война представляет собой поединок между политическими руководствами двух сторон. А тогда и целью военной акции является не уничтожение военной силы противника, а «манипуляция волей его политического руководства». И даже уничтожение военной силы противника должно рассматриваться как акция, направленная на морально-психологическое разоружение его политического руководства.

Сформулировав свое видение сути войны, Дж. Уорден выделяет три стратегии достижения целей в войне:

- стратегия накладных расходов (принуждения);
- стратегия паралича (выведения из строя);
- стратегия разрушения (уничтожения).

Суть стратегии накладных расходов заключается в том, чтобы создать условия, в которых продолжение сопротивления противником становится слишком дорогим. Для этого необходимо оценить «болевой порог» противника, основанный на его системе ценностей, а затем массированными, безжалостными ударами бить через этот «порог» по намеченным целям («центрам тяжести») посредством серии «параллельных» операций. Такая стратегия должна принудить политическое руководство противника принять американские условия окончания войны, привести к частичному или даже полному параличу всей государственно-политической и военной системы противника.

Стратегия паралича направлена на создание таких условий, когда продолжение сопротивления для командования противника является невозможным. Это достигается посредством одновременных и мощных ударов по всей государственной и военной системе от «центрального» кольца к «периферии», что должно привести к его полному параличу. В итоге, возможно будет влиять на политику руководства противника в нужном направлении.

Стратегия разрушения нацелена на уничтожение всей государственной и военной системы противника до того предела, когда возможные изменения политики руководством противника уже не имеют никакого значения. По мнению самого Дж. Уордена, эта стратегия наименее эффективна в XXI веке, несет с собой массу ограничений, в том числе морального плана, и будет редкостью.

Теории ведения современных и будущих военных конфликтов «традиционного» типа разрабатывались с 90-х годов прошлого века и другими авторитетными американскими исследователями. В декабре 1996 года в Университете национальной обороны США была издана книга «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования», написанная Харланом Уллманом и Джеймсом Уэйдом⁷⁰. Работа стала результатом исследования, в котором помимо авторов приняли участие Л. Эдни, Ф. Фрэнкс, Ч. Хорнер, Дж. Хоуи и К. Брэндли. Принципиальные положения изданного военными экспертами труда легли в

⁶⁹ Warden, John A. III. *The Enemy As A System*// *Airpower Journal*. 1995. Spring.

⁷⁰ Harlan K. Ullman and James P. Wade. *Shock and Awe: Achieving Rapid Dominance*. NDU: Washington, D.C., December 1996.

основу планирования и проведения военной операции США против Ирака в 2003 году. Не случайно сама операция тоже получила название «Шок и трепет».

Главная идея авторов заключается в том, что с окончанием холодной войны создалась уникальная для США ситуация, когда на планете фактически нет противника, который мог бы сравниться по военной мощи с вооруженными силами Соединенных Штатов. Такое положение, названное авторами «периодом стратегического преимущества», может продлиться, по оценкам Х. Уллмана и Дж. Уэйда, достаточно долго, может быть даже несколько десятилетий. Однако именно такая ситуация представляет для США новые опасности. Потенциальные противники, прекрасно понимая технологические преимущества США, попытаются изменить условия проведения будущего конфликта и нейтрализовать американские преимущества.

Авторы исследования отмечают: «Хотя общая угроза для США с крахом СССР резко уменьшилась, было бы верхом глупости предполагать, что для нашей нации больше нет никаких рисков или что не стало больше злодеев, которые бы не хотели зла нашей стране. Было бы также весьма близоруко ожидать, что наши потенциальные противники невежественны и не попытаются преодолеть наше нынешнее военное и техническое превосходство своими преимуществами в лучшем знании обстановки и простоте, подобно тому, как то сделали северные вьетнамцы».

Анализируя создавшуюся ситуацию и признавая ее выгодной для США, американские эксперты в своей книге, ссылаясь на авторитет В.И. Ленина, отмечают: «Ленин задавался вопросом: «Что делать?» Прежде всего, США должны использовать те несколько преимуществ, которыми они располагают. Первое - у нас есть время... Второе – сочетание американских технологических «ноу-хау» со статусом самого образованного и подготовленного общества в мире и предпринимательским духом нашей системы создает мощный потенциал, если мы будем достаточно умны воспользоваться этим уникальным ресурсом. И третье – министерство обороны уделяет большое внимание развитию новых концепций и идей».

Воспользовавшись создавшимися для Соединенных Штатов преимуществами, необходимо, по мнению Х. Уллмана и Дж. Уэйда, сосредоточить силы на постижении сути угроз и вызовов безопасности США и на этой основе разработать концептуальные подходы к их нейтрализации.

Харлан Уллман и Джеймс Уэйд выдвигают свою концепцию обеспечения победы в будущих войнах. Великие полководцы древности еще задолго до китайского стратега Сунь Цзы ломали головы над заманчивой идеей разгрома противника путем подрыва его воли еще перед началом сражения. Как победить не воюя, как заставить противника капитулировать еще до начала военных действий – об этом мечтали многие тираны и монархи прошлого. И только сегодня, как считают американские эксперты, появилась возможность попытаться претворить эту мечту в жизнь.

Суть новой стратегической концепции, которую Х. Уллман и Дж. Уэйд назвали стратегией «стремительного доминирования», заключается в «сломе или подчинении воли противника к сопротивлению, в результате чего он будет вынужден подчиниться нашим стратегическим и военным целям». Для достижения этого результата необходимо, по словам авторов исследования, «полностью контролировать оперативную обстановку и благодаря этому доминированию контролировать все, что противник воспринимает, понимает и знает, равно как и контролировать и регулировать то, что он не воспринимает, не понимает и не знает».

Стратегия «стремительного доминирования» должна полностью ввергнуть противника в состояние ужаса, хаоса и паники или, говоря словами авторов концепции – «шока и трепета». Они пишут: «Цель стратегии «стремительного доминирования» заключается в воздействии на волю, процессы восприятия и понимания противника посредством введения режима «шока и трепета» таким образом, чтобы заставить его принять наши стратегические политические цели. Очевидно, что традиционные военные

цели уничтожения, разгрома или нейтрализации военных возможностей противника являются основополагающим и необходимым компонентом стратегии «стремительного доминирования». Нашим намерением, однако, является использование множества возможностей для инициации состояния шока и трепета, делающего противника бессильным. Это означает, что должны быть достигнуты физические и психологические результаты».

Авторы проекта следующим образом трактуют суть словосочетания «стремительное доминирование»: «Стремительность» означает способность двигаться быстро, еще до того, как противник сможет отреагировать... «Доминирование» означает способность воздействовать и доминировать над волей противника как физически, так и психологически».

Под понятием «физического доминирования» американские специалисты подразумевают «способность уничтожить, разоружить, расстроить, нейтрализовать и обессилить» противника.

«Психологическое доминирование», в свою очередь, означает «способность уничтожить, разоружить или нейтрализовать волю противника к сопротивлению или убедить его принять наши условия и цели без применения силы». Объектом воздействия психологического доминирования считается «воля, система восприятия и процессы понимания противника», а механизм воздействия состоит в создании обстановки «шока и трепета». При этом очень важно, чтобы обстановка «шока и трепета» имела всеобъемлющий характер и была создана мгновенно, чтобы полностью парализовать волю противника. Для достижения этого необходимо сосредоточить усилия на подавлении или уничтожении продовольственной базы противника, запасов воды, инфраструктуры, линий коммуникаций. Все это должно сопровождаться массированным проведением операций по введению в заблуждение, дезинформации, приведению в замешательство и т.п.

Другими словами, суть стратегии «стремительного доминирования» заключается в установлении контроля над обстановкой и парализации способности противника воспринимать и понимать события, что сделает его неспособным оказывать сопротивление на тактическом и стратегическом уровнях. Противник окажется совершенно бессильным и уязвимым для наших действий.

Сила и стремительность действий должны быть столь высокими, что у противника не должно оставаться ни тени сомнения в неизбежном крахе. И дело даже не в уровне возможных потерь в живой силе и технике. Противник должен быть психологически сокрушен.

Вооруженные силы, осуществляющие операции в рамках стратегии «стремительного доминирования», должны обладать четырьмя важнейшими характеристиками. Им должны быть присущи:

1. Максимально полное или абсолютное знание и понимание себя, противника и обстановки.
2. Стремительность и своевременность в действиях.
3. Операционная безупречность в действиях.
4. Максимально полный контроль над оперативной обстановкой.

Максимальное знание обстановки, противника и своих собственных сил должно обеспечиваться на всех уровнях: политическом, стратегическом, экономическом и военном/операционном. Как говорят авторы, необходимо «проникнуть глубоко в сознание противника», намного глубже, чем в прошлом. Под этим «проникновением» они понимают не только эффективную разведку противника, но и «культурное понимание» противника, то есть знание и понимание его национального менталитета, особенностей национального характера, специфики процессов принятия решений. Все это влияет на планирование и результаты военных операций на оперативно-стратегическом и стратегическом уровнях.

«Стремительное доминирование» должно обеспечивать стремительность действий, так как фактор времени является ключевым. Эта концепция предусматривает использование всех своих возможностей быстрее и эффективнее противника.

Войска и силы, задействованные в операциях в рамках стратегии «стремительного доминирования», должны находиться в высшей степени готовности, обладать высочайшим уровнем подготовки и оснащенности.

И, наконец, «стремительное доминирование» предполагает достижение абсолютного контроля над обстановкой – над информационными потоками своими и противника, а также предусматривает целый комплекс мер по дезинформации и введению противника в заблуждение.

В своей работе Х. Уллман и Дж. Уэйд пытаются экстраполировать принципы стратегии «стремительного доминирования» на возможный конфликт будущего, взяв в качестве потенциального театра военных действий Персидский залив. Они пишут: «Предположим, операция типа «Буря в пустыне» проводится через 20 лет в соответствии с планом, основанным на концепции «стремительного доминирования». Предположим, далее, что Ирак улучшил и восстановил свою военную мощь, а нашей основной задачей будет в ходе серии последовательных, скоротечных акций вывести Ирак из строя, уничтожить его правительство, изолировать и уничтожить его вооруженные силы, как то имело место в 1991 году. Однако через 20 лет концепция «стремительного доминирования» позволит достичь этой цели за несколько дней, а возможно даже часов, а не через шесть месяцев, да еще с привлечением 500 тысяч солдат, как это было в 1990-1991 гг. Более того, стратегия «стремительного доминирования» даже обеспечит условия предотвращения вторжения на начальной стадии».

Продолжая свою мысль, американские эксперты отмечают необходимость сосредоточения усилий на двух аспектах: физическом уничтожении соответствующей инфраструктуры противника и лишении его доступа к потокам информации и торговли. Действия американской стороны должны быть решительны и быстры, чтобы вызвать «национальный шок», сравнимый по психологическим результатам с эффектом атомной бомбардировки Хиросимы или Нагасаки.

Одновременно с этим вооруженные силы Ирака окажутся парализованными в результате мер по нейтрализации и уничтожению их боевых возможностей. В широчайших масштабах будут применены меры введения в заблуждение и дезинформации. Очень важно уже в ходе первых военных акций ввергнуть противника в состояние шока, причем не только и не столько его вооруженные силы, сколько политическое руководство страны и его население в целом. Противнику ни в ком случае нельзя давать передышки, чтобы он смог оправиться от шока, собраться с силами и оказать сопротивление. Если же сопротивление все-таки не будет сломлено в ходе первых ошеломительных ударов, обычные силы должны вступить в бой для физической оккупации территории противника.

Если учесть, что работа «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» была написана в 1996 году, более чем за шесть лет до операции американских и британских войск 2003 года в Ираке, то предвидения авторов можно считать пророческими.

Исследование Х. Уллмана и Дж. Уэйда «Шок и трепет: достижение стремительного доминирования» дает не только общие теоретические подходы к военным операциям будущего, но и формулирует некоторые конкретные соображения о характере будущих операций и составе сил и средств для их проведения.

Военные операции «стремительного доминирования» будут характеризоваться целым рядом характеристик, среди которых очевидными являются:

- Время и место конфликта выбирает противник (застигая нас врасплох).
- Мы затем перехватываем инициативу, благодаря превосходящим возможностям в скорости, знании и способности действовать и реагировать.

- Наши силы должны восприниматься как непобедимые; боевые действия должны убедить противника в безнадежности его положения.
- Боевые действия должны быть неумолимыми и всепокрушающими в смысле выбора времени, места, и темпа действий.
- Союзные операции должны быть тщательно разработаны и скоординированы во всем спектре от политических целей до боевых действий, включая и психологическую войну.
- Противник должен подвергаться ударам в тех районах, которые имеют для него особую важность, и уничтожаться в ходе яростных стремительных атак.

Операция «стремительного доминирования», по мнению американских исследователей, будет проводиться в три этапа.

Первый этап: реагирование в течение 1-3 дней. В ходе этого этапа наносятся авиационные удары и удары крылатыми ракетами, проводятся операции сил специального назначения.

Второй этап: реагирование в течение 5-10 дней. Американские войска наращивают свою мощь, в действие вводится объединенная группировка войск силой от усиленной дивизии до корпуса общей численностью 75-200 тысяч человек.

Третий этап: реагирование в течение 10-30 дней. Предполагается введение в действие второго корпуса.

В состав объединенной группировки войск (сил) для ведения операций «стремительного доминирования» войдут компоненты (части и подразделения) ВВС, сухопутных войск, ВМС и космических сил. Главным условием эффективности действий этой группировки будет совершенная система разведки, за счет чего объединенная группировка войск должна превосходить противника в четырех сферах: знании себя, противника и обстановки; стремительности; безупречности действий; контроле над обстановкой.

Знание в данном случае, как отмечают Х. Уллман и Дж. Уэйд, выходит далеко за рамки всеобъемлющего знания обстановки на поле боя. Оно подразумевает понимание менталитета противника и предвидение его реакций. Оно подразумевает сосредоточение на тех целях, уничтожение которых может вызвать у противника наивысшую степень «шока и трепета». Оно также означает реальную «обратную связь» и адекватную своевременную оценку боевой обстановки, что обеспечивает динамическое использование этого знания, а также дает возможность избрать правильный алгоритм нашего собственного реагирования на обстановку.

Американские авторы пишут: «Разведка включает в себя пять категорий знания и понимания: политическое руководство противника; культура и ценности; стратегическая, политическая, экономическая и физическая обстановка; военные возможности и боевой порядок противника; всеобъемлющее владение информацией на поле боя».

Стремительность подразумевает быстроту в действиях и маневре, в любом случае нужно быть быстрее противника, причем обязательно на основе своевременности. Стремительность может быть постоянной или достигаться по требованию командования.

Безупречность действий характеризует высшую степень боевой готовности и боевой способности группировки войск, что позволяет приводить противника в состояние «шока и трепета». Это достигается проведением неожиданных для противника акций и психологическим и физическим подрывом воли противника к сопротивлению. Применение новых технических средств, в частности сенсоров и датчиков поля боя, призвано содействовать достижению этой цели. Высочайшие требования предъявляются к индивидуальной подготовке личного состава, действиям децентрализованно, в составе мелких групп (подразделений).

Контроль над обстановкой предполагает абсолютное доминирование на поле боя, что достигается применением новых систем поражения (включая несмертельное оружие, высокоточное и «умное» оружие); боевых платформ (воздушных, наземных, морских),

созданных на основе технологии «невидимости»; широким использованием систем робототехники. Контроль над обстановкой предполагает также и активные меры по дезинформации и введению противника в заблуждение, морально-психологическому разоружению его и, соответственно, введению в состояние «шока и трепета».

Таким образом, военные специалисты Университета национальной обороны США считают, что концепция «стремительного доминирования» является наиболее адекватной формой ведения военных действий вооруженными силами США в рамках крупного регионального конфликта будущего. По их мнению, абсолютное превосходство американских войск во всех сферах (техническом оснащении, технологических инновациях, боевой подготовке личного состава и т.д.) гарантирует им успех действий против враждебного американским интересам государства путем введения его в состояние «шока и трепета». По крайней мере, как подчеркивают авторы проекта, концепция «стремительного доминирования» дает явные преимущества перед концепциями войны на истощение, маневренной войны, концепцией «превосходящей силы». Эта модель реально отработывалась в ходе операции вооруженных сил США и Великобритании в Ираке весной 2003 года и на этапе военных действий показала свою действенность.

Военная кампания США в Ираке в 2003 году, по оценкам военных специалистов, явилась новым шагом в развитии теории военного искусства для военных конфликтов будущего.

«США и Великобритания будут вести в Ираке воздушную войну нового типа, - утверждал профессор американского Центра стратегических и международных исследований А. Кордесман в марте 2003 года, за считанные дни до начала военной операции в Ираке. - Она будет нацелена на то, чтобы не поражать или избегать поражения всех тех целей, которые не являются важными военными целями для режима, обреченного на уничтожение в течение нескольких дней или недель»⁷¹.

Систематизируя характеристики и отличительные черты «операций ВВС по достижению эффективности», А. Кордесман фактически описал сценарий ожидавшейся военной кампании. Последовавшие затем события только подтвердили расчеты американского военного эксперта.

В основе «операций по достижению эффективности» лежат несколько важнейших принципов:

- Военный успех конфликта (войны) может быть predetermined или даже решен на начальной стадии его развития.
- В быстром и решительном уничтожении противника важнейшая роль отводится авиации и крылатым ракетам, формирующим основу первого удара.
- Важную роль выполняет разведка и система выбора и классификации целей, сводящая на нет возможный побочный эффект от применения авиации по гражданским объектам и позволяющая наиболее рационально выбирать тип и мощность боеприпаса, время поражения конкретных целей противника.
- Главная роль в поражении объектов и целей противника отводится высокоточным системам поражения, которые позволяют «адресно» вывести из строя ключевые и наиболее значимые для противника объекты, после чего его военная система рушится.

Война в Ираке весной 2003 года позволила «обкатать» в практических условиях основные положения концепции «операций по достижению эффективности». Инфраструктура, промышленность, линии коммуникаций, энергетическая база страны и даже воинские части и соединения противника, не оказывавшие сопротивления, не включались в число важнейших целей для поражения американской авиацией. Только

⁷¹ Cordesman, A. Understanding the New “Effect-Based” Air War in Iraq. Center for Strategic and International Studies. 2003, March 15.

политическое руководство Ирака – лично Саддам Хусейн – оставались главной целью. Суть «операций по достижению эффективности» в Ираке, как отмечает А. Кордесман, состояла в «парализации и уничтожении политического режима, а не в уничтожении страны противника», поэтому цели за редким исключением выбирались вне пределов проживания или концентрации гражданского населения.

Использование высокоточных средств поражения является характерной чертой современных военных операций в целом и «операций по достижению эффективности» в частности. Так, в последней войне в Ираке 70% использованных вооруженными силами США боеприпасов были высокоточными, причем в густонаселенных и особо «чувствительных» районах количество высокоточных боеприпасов достигало 90%.

Основу арсенала высокоточного оружия первого удара в вооруженных силах США составляют крылатые ракеты воздушного и морского базирования. В войне против Ирака в 2003 году всего было использовано 153 крылатые ракеты воздушного базирования AGM-86 C/D и 802 ракеты BGM-109 «Томагавк» морского базирования. Количество ракет «Томагавк», не поразивших намеченные цели, составило всего 2%, что было в 5 раз лучше показателя 1991 года⁷².

Достижение полного технического превосходства над противником и, в частности, полного авиационного превосходства над ним – важнейшее предварительное условие успеха «операций по достижению эффективности». В последней войне в Ираке ВВС Ирака не совершили ни одного боевого вылета. Группировка сил авиации США и их союзников накануне войны составляла 1000 самолетов, а в наиболее напряженные дни конфликта эта группировка возросла до 1663 самолетов. Всего авиация США и их союзников совершила 41404 самолето-вылета, из которых 93% составили вылеты американской авиации. Только авиация США совершила 505 самолето-вылетов бомбардировочной авиации и 18190 – истребительной авиации. Всего силами союзной авиации было применено 19948 высокоточных боеприпасов и 9251 – неуправляемых боеприпасов.

Таким образом, по мнению профессора А. Кордесмана, именно технологический фактор сыграл решающую роль в успешном осуществлении «операций по достижению эффективности» и в достижении военного успеха всей военной кампании США и их союзников в Ираке весной 2003 года.

6. Влияние урбанизации на содержание и характер военных конфликтов будущего

Бурные и неоднозначные социально-демографические процессы в современном мире обуславливают высокую вероятность того, что военные действия в будущих войнах и вооруженных конфликтах будут происходить преимущественно на урбанизированной местности.

Общий рост численности населения Земли сопровождается поло-возрастными диспропорциями, миграцией жителей из развивающихся стран в развитые государства и высокими темпами урбанизации. Ежегодно население земного шара увеличивается на 77 млн. человек, причем из этого числа 60 млн. составляют городские жители. К 2015 г. на Земле будет 23 города с населением более 10 млн. человек в каждом и 564 города с населением более одного млн. человек. По прогнозам ООН, к 2025 г. в городской местности будет проживать около 60% населения Земли.

⁷² Cordesman, A. The “Instant Lessons” of the Iraq War: Executive Summary. Center for Strategic and International Studies. 2003, May 14.

Наиболее интенсивно процессы урбанизации протекают в Западной Европе, где уже сейчас под города и поселки занято 50% площади всех земель. Идет процесс создания единого урбанизированного региона Европы.

Многие современные города потеряли прежние границы, вобрали в себя пригороды и сельские районы, соединив их разнообразными транспортными коммуникациями. В разных регионах мира возникают обширные урбанизированные районы, в которых сосредоточены наиболее активная часть населения, органы политической власти и объекты экономики.

Города имеют огромное политическое, социально-экономическое и культурное значение. Они выступают, фактически, в качестве "центров тяжести" общества и государства, а их захват становится принципиально важным для достижения успеха в войне. Контроль над городом дает огромные политические и психологические преимущества, которые могут решающим образом сказаться на всем ходе кризиса или конфликта. Во многих случаях, например, контроль над несколькими важнейшими городами означает контроль над всеми национальными ресурсами государства. В конечном счете, без овладения городами невозможно достичь политических целей войны.

Бурный рост городов сопровождается обострением многочисленных социально-экономических проблем, особенно в бедных странах мира. Процессы урбанизации приводят зачастую к неконтролируемому развитию городов, перенаселению, возникновению обширных районов трущоб, свалок, промышленных зон, экологически опасных объектов. Не случайно, поэтому, эксперты склонны рассматривать города будущего в качестве "каменных джунглей", "оплота нищих и непримиримых".

"Каменные джунгли" городов создают идеальную среду для ведения партизанских (повстанческих) действий иррегулярными вооруженными формированиями, так как превосходство регулярных вооруженных сил, прежде всего техническое, при действии в городах в значительной степени нейтрализуется.

Слабая в военном отношении сторона неизбежно будет стремиться всемерно нейтрализовать преимущества и превосходство сильной стороны. Урбанизированная местность в этом смысле предоставляет слабой стороне уникальные возможности.

В отличие от городов-крепостей прошлого, современные города не создаются для ведения в них боевых действий. Город - это среда деятельности и обитания современного человека, и он стремится сделать ее удобной, комфортной, эффективной и полезной для повседневной жизни, а не для ведения боевых действий. Именно поэтому в военное время город превращается в специфическое "поле боя", создающее огромное количество проблем и сложностей для регулярных вооруженных сил.

Главным фактором, который необходимо учитывать при ведении военных действий в городских районах противника, является наличие местного населения и степень его враждебности. Необходимо учитывать культурные (цивилизационные) и демографические особенности каждого конкретного региона, населенного пункта, местности.

Зарубежные военные специалисты считают, что боевые действия в городе будут характеризоваться повышенными психологическими стрессами и моральными нагрузками. На их глазах будут гибнуть невинные люди - в основном женщины и дети - из числа местного населения, которое может выступать в качестве "живого щита" или исполнителей терактов. Постоянная опасность будет поджидать солдат постоянно днем и ночью отовсюду, в том числе сверху и снизу.

Процессы урбанизации и глобализации, как считают военные специалисты, неизбежно отразятся на условиях и характере ведения военных действий в будущих войнах и вооруженных конфликтах. Войны прошлого, когда противники избегали прямого столкновения и стремились "выйти в чистое поле", чтобы помериться силой, ушли в прошлое.

В наставлениях американской армии декларируется, что "урбанизированная местность будет для вооруженных сил США наиболее вероятным районом проведения военных операций по всему миру".

Со второй половины 90-х годов XX века в вооруженных силах США и других государств-членов НАТО уделяется самое серьезное внимание подготовке войск (сил) к ведению боевых действий на урбанизированной местности. Лидерство в этом принадлежит частям и соединениям морской пехоты США, где не только внимательно изучают мировой опыт, в том числе российский опыт боевых действий в Чечне, но и выработали собственные подходы, принципы и традиции.

В частности, бывший командующий корпусом морской пехоты США генерал Ч. Крулак сформулировал концепцию "войны трех кварталов". Ее суть сводится к тому, что в ходе боевых действий в населенном пункте морской пехоте придется одновременно вести три типа операций: напряженные боевые действия против регулярных войск противника, специфические боевые действия против иррегулярных формирований партизан (повстанцев) и операции по стабилизации обстановки (миротворческие функции).

С точки зрения зарубежных военных специалистов, город представляет собой систему, включающую три взаимосвязанных элемента: местность, население и инфраструктуру, соединяющую эти два элемента в единое "городское пространство боя"⁷³.

В отличие от плоскостного представления о классическом "поле боя" (фронт, тыл, фланги), бой в городе ведется в пространственных измерениях. К характеристикам длины и ширины добавляется высота и глубина. Формируемое таким образом "городское пространство боя" будет включать в себя воздушное пространство над городом; крыши зданий и сооружений; внутренние помещения зданий и сооружений; поверхность земли, улицы, площади и поверхность водоемов; подземные и подводные сооружения и объекты.

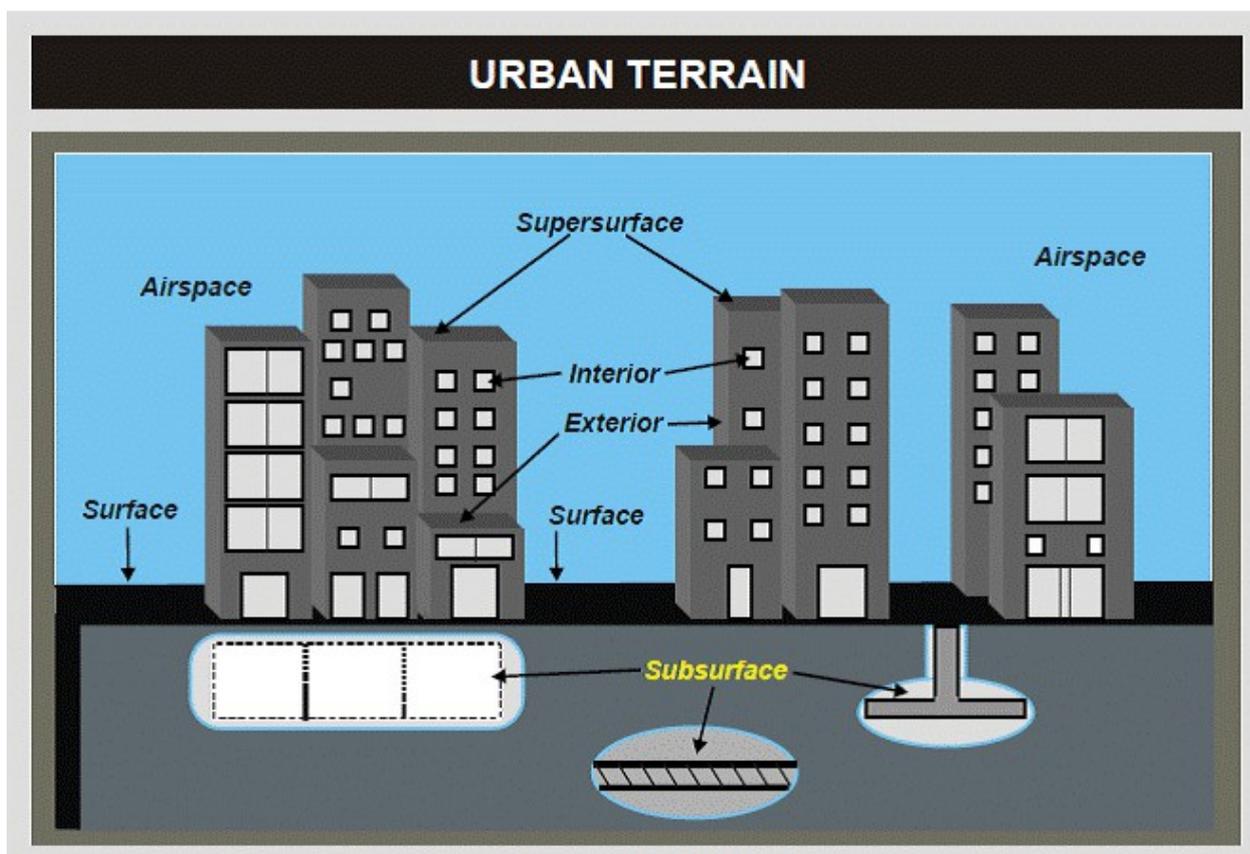

Figure II-1. Urban Terrain

⁷³ FM 3-06 (FM 90-101) Urban Operations. 2003 June. P. 2-2.

Бои и боестолкновения на урбанизированной местности приобретают самый жесточенный характер и могут вестись в одном здании одновременно на разных уровнях (этажах, крышах, подвалах) и лестничных пролетах. Не случайно боевые действия в городе именуется американскими военными специалистами "боем в аду".

Военные действия на урбанизированной местности в будущих войнах и вооруженных конфликтах потребуют от вооруженных сил готовности и способности вести боевые действия в специфических условиях - в сложной системе городских архитектурно-инженерных сооружений различного типа, многие из которых могут быть разрушены, и среди больших масс местного населения.

В зависимости от характера и типа войны или вооруженного конфликта военные действия на урбанизированной местности могут отличаться друг от друга, облегчая или затрудняя их ведение группировками войск (сил).

Присутствие в зоне военных действий гражданского населения делает операции в городской местности непохожими на "нормальные" боевые действия. Застигнутые военными действиями в городах, жители оказываются в чрезвычайно тяжелых и опасных условиях. Массовые разрушения, жертвы среди мирного населения сопровождаются крахом систем медицинского обеспечения, снабжения продовольствием и питьевой водой, выводом из строя городской инфраструктуры, появлением потоков беженцев, разгулом насилия и преступности, опасностью возникновения эпидемий.

Специфика боя в населенном пункте требует от частей и подразделений вооруженных сил способности действовать самостоятельно и изолированно от главных сил. В этих условиях неизмеримо возрастают роль и значение младших командиров, способных правильно оценить обстановку и мгновенно принять важное решение, успех выполнения которого может иметь стратегическое значение.

Личный состав штурмовых групп и отрядов должен иметь высокий уровень профессиональной подготовки и навыки решительных индивидуальных действий в ближнем бою или рукопашной схватке. Так как при "зачистке" жилых помещений из каждых десяти военнослужащих только трое имеют возможность применять оружие, в городском бою требуется тщательное распределение ролей в бою, четкое взаимодействие и взаимопомощь.

Боевая подготовка личного состава для действий в условиях урбанизированной местности должна ориентироваться на стандарты и требования, принятые в частях специального назначения с упором на минно-взрывную подготовку, диверсионные действия, антитеррористическую борьбу.

Боевые действия на урбанизированной местности требуют самого тесного взаимодействия пехоты и танков. Действие танков на улицах современных городов без поддержки пехоты в условиях напряженных уличных боев чревато потерей боевых машин. В то же время, самостоятельные действия пехоты без непосредственной огневой поддержки и бронезащиты со стороны танков могут оказаться неэффективными.

Особенно важную роль в условиях боя в городе играет постоянная и многоярусная разведка сил и намерений противника, характера разрушений и местности в целом.

По опыту боевых действий в городах, проблемой может стать идентификация своего личного состава и противника. При "зачистке" внутренних помещений в зданиях и в связи со спецификой ближнего боя в городских условиях, требующей мгновенной реакции на любую потенциальную угрозу, неизбежны случайные "дружественные потери" от огня своих средств. Требуется ясно различимые опознавательные знаки или индивидуальные электронные устройства опознавания "свой-чужой".

Боевые действия в крупных городах сопровождаются высокими потерями в живой силе и боевой технике. Эти потери будут вызваны не только огнем противника, но и широким применением всеми сторонами минно-взрывных заграждений, минных полей, "мин-ловушек", а также вторичными факторами - осколками разрушающихся зданий, пожарами, завалами и т.д. Потребуются дополнительные силы и средства для эвакуации и

извлечения из-под развалин раненых и убитых, причем не только военнослужащих, но и мирного населения.

Тыловое обеспечение войск при действии в крупном городе должно планироваться по повышенным потребностям.

Специфические условия ведения боевых действий на урбанизированной местности и сам характер этих действий обуславливают следующие общие требования к вооружению и боевой технике:

- стрелковое оружие и гранатометы играют важнейшую роль в боевых действиях в городе;

- артиллерия при бое в самом городе применяется главным образом для стрельбы прямой наводкой;

- бой в городе вызывает повышенный расход боеприпасов для всех систем стрелкового и артиллерийского оружия, а также требует наличия боеприпасов различного типа;

- высокоточное оружие не имеет существенного значения при ведении боевых действий в городе, однако роль и значение снайперов резко повышается;

- танки, выступая в качестве главной ударной силы войск на открытой местности, в условиях современных городов становятся легко уязвимыми целями и не могут действовать самостоятельно без поддержки спешенной пехоты;

- бронезащита существующих боевых и специальных машин в условиях боя в городе не может обеспечить 100-процентную круговую защиту и защиту сверху и снизу, что делает самые современные боевые машины легкими целями даже для РПГ-7 и самодельных взрывных устройств;

- колесная боевая и специальная техника при действии в условиях населенных пунктов имеет преимущества перед гусеничными боевыми машинами, однако при наличии обширных зон разрушений гусеничные машины предпочтительнее;

- надежная и защищенная связь является важнейшим требованием к системе управления войсками, действующими на изолированных направлениях в составе разрозненных подразделений.

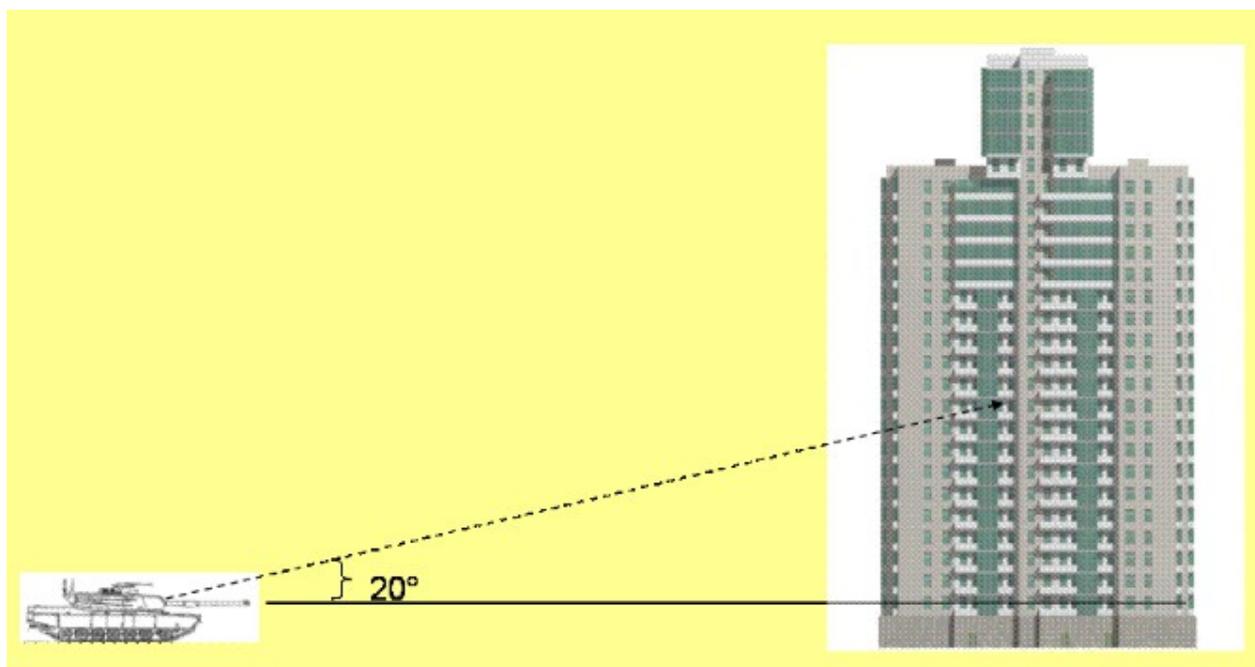

Рис. 1. Особенности боевого применения танков в городских условиях.

Бронетанковая техника. При действии в условиях урбанизированной местности, как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, танки имеют определенные

ограничения. В частности, танковые орудия не всегда способны вести огонь по целям, расположенным не на поверхности земли, а в зданиях.

Танк "Абрамс" имеет угол подъема пушки равный 20 градусам и угол склонения - 9 градусам. Практически, это означает, что по целям на первом этаже здания американский танк может вести огонь с минимальной дистанции 2,5 м, по цели на 3-м этаже - с 23 м, а вот по цели на 18-м этаже - уже только со 132 м. При средней ширине улицы типичного западноевропейского города, равной 16 м, такие дистанции трудно обеспечить. Таким образом, есть необходимость создания мощной гусеничной боевой машины поддержки пехоты, обладающей достоинствами и лишенной недостатков современного танка.

Применение в городских боях оружия и боевой техники имеет свои определенные ограничения, обусловленные наличием в зоне боевых действий гражданского населения, памятников культуры, религиозных сооружений и экологически опасных объектов. В городских условиях наиболее целесообразным становится применение оружия несмертельного (нелетального) действия, предназначенное для временного вывода из строя живой силы, вооружения, военной и специальной техники и объектов инфраструктуры. Такие системы оружия основаны на кинетических, биологических, акустических, физико-химических, лучевых, электрошоковых воздействиях и являются продуктами высоких технологий.

Вооруженные силы экономических развитых стран мира уже сегодня оснащаются оружием несмертельного действия. Не исключено, что в будущем именно несмертельное оружие займет приоритетное место в общем комплексе вооружений вооруженных сил передовых государств.

Угроза применения противником оружия несмертельного действия уже сегодня требует разработки эффективных средств и способов защиты от него - как для личного состава, так и для вооружения и техники.

В боевых действиях на урбанизированной местности в будущем всеми сторонами будут широко использоваться робототехнические комплексы военного назначения - как наземные, так и воздушные. Они будут способны эффективно выполнять задачи сбора разведывательных данных на поле боя, целеуказания и поражения обнаруженных целей противника, разминирования и РХБ разведки. Самое главное - робототехнические комплексы смогут максимально обезопасить личный состав в условиях боя в населенном пункте и при минимальных потерях обеспечить выполнение боевой задачи.

Тактические беспилотные летательные аппараты отличаются небольшими размерами, малой скоростью и низкой высотой полета. Они способны лететь вдоль улицы между домами, "заглядывая" в окна домов. Легкие наземные гусеничные робототехнические комплексы отличаются небольшими размерами, высокой подвижностью и проходимостью, надежной физической защитой. Они способны преодолевать различные препятствия, проникать внутрь зданий и сооружений, действовать в абсолютной темноте, передавая всю текущую информацию на компьютер оператора. В будущем, по мере внедрения на робототехнических комплексах достижений нанотехнологии, они могут стать практически невидимыми для глаза человека.

Важным элементом будущей системы вооружения для боевых действий на урбанизированной местности должны стать специальные тепловые и звуковые и биохимические детекторы и сенсоры для определения местонахождения противника в трехмерном пространстве городского боя. Такие датчики в перспективе будут способны определить пол и возраст, а также даже намерения находящегося вблизи человека и выявить степень исходящей от него угрозы.

Вырисовывается следующая опасная тенденция: широкомасштабное применение робототехнических комплексов и разведывательных сенсоров различного типа, функционирующих на сетевых принципах в едином информационно-коммуникационном пространстве, позволит в будущем преобразовать кровопролитный бой в городе в "компьютерную игру". В этой "игре" находящийся вне зоны физического

поражения оператор противника будет "охотиться" не за виртуальными целями, а за реальными солдатами и офицерами противной стороны.

Именно поэтому широкое внедрение робототехнических комплексов в войска экономически развитых стран мира уже сегодня ставит задачу поиска эффективных средств и способов борьбы с ними, особенно при действии в условиях урбанизированной местности.

Рост масштабов оснащения вооруженных сил экономически развитых государств нетрадиционными и перспективными видами оружия может привести к постепенному изменению сущности и характера вооруженной борьбы, когда на смену физическому уничтожению противника придет понятие физического, психологического, интеллектуального выведения противника из строя. Опасность заключается в том, что вооруженные силы любого государства, полагающиеся на традиционные представления о вооруженной борьбе, могут оказаться полностью неготовыми действовать в новых условиях.

7. Некоторые подходы к разработке перспективных моделей современных и будущих военных конфликтов

Современные вызовы и угрозы национальной и международной безопасности вынуждают военные ведомства передовых в экономическом отношении государств и военное экспертное сообщество этих стран искать новые пути и способы обеспечения военной безопасности, разрабатывать новые перспективные модели военных конфликтов на долгосрочную перспективу.

В этом отношении особый интерес представляет работа сотрудника Центра перспективных концепций и технологий Эдварда Смита «Операции по достижению эффективности: применение сетцентрической войны в условиях мира, кризиса и войны», подготовленная для министерства обороны США в 2002 году⁷⁴.

Разрабатывая теорию «операций по достижению эффективности», автор отмечает, что они должны быть нацелены не столько на физическое поражение и уничтожение целей и нанесение материального ущерба, сколько на сам процесс действия, на изменение поведения противника, на моральную сферу конфликта.

По своей сути, «операция по достижению эффективности» не является чем-то новым для военной теории и практики. Издавна талантливые военачальники и государственные деятели обращали внимание именно на моральные и психологические аспекты военного конфликта, оценивали «человеческое измерение войны».

«Операции по достижению эффективности», по оценке Э. Смита, представляют собой операции, ведущиеся в когнитивной (рационально-ментальной) сфере конфликта. Другими словами, они воздействуют на процессы осмысления и оценки обстановки, выработки и принятия решений. Способность проникать внутрь процесса выработки и принятия решения противника дает уникальную возможность предвидеть возможные действия или реакции противника и предотвратить их еще до того, как противник начнет претворять их в жизнь.

Целью «операций по достижению эффективности» является подрыв воли противника, соответствующее воздействие на его поведение таким образом, что он теряет

⁷⁴ Smith, E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002.

желание продолжать борьбу, дезориентация его таким образом, что он оказывается не способным продолжать борьбу или реагировать адекватно. И хотя физическое уничтожение остается важным фактором «операций по достижению эффективности», именно акцент на психологических и когнитивных последствиях-эффектах лежит в основе концепций операций этого типа.

«Война с целью достижения эффективности, - утверждает профессор Хью Стрэчен, руководитель программы по изучению изменений характера войны из Оксфордского университета, - является формой военного планирования, которое начинается с выявления желаемого исхода, а затем разворачивается в обратном порядке с целью создания соответствующей организационной структуры своих сил и разработки необходимых доктрин. По логике, она может вообще исключить военное решение проблемы»⁷⁵.

В ходе «операций по достижению эффективности» оказывается воздействие на формирование поведения не только противника, но и дружественных и нейтральных стран. Любые союзы и коалиции создаются на основе определенного психологического единства, которое требуется создавать и развивать. Как считает Э. Смит, необходимо не только сосредоточиваться на разгроме противника, но и «учитывать необходимость поддержки союзников, убеждения нейтральных стран, равно как и сдерживания потенциальных противников от прямого вмешательства».

Э. Смит дает свое определение рассматриваемому им явлению: «Операции по достижению эффективности» представляют собой скоординированную цепь действий, направленных на формирование поведения своей стороны, противника и нейтральных сторон в условиях мира, кризиса и войны».

В понятие «действия» включаются любые аспекты военной и национальной мощи, которые «формируют решимость» своих сил, противника и нейтральных сторон. Действия, естественно, не обязательно могут быть военными, они могут быть политическими, дипломатическими или экономическими, действиями правительственных структур и негосударственных организаций, в том числе и международных.

Результатами действий являются последствия или определенные эффекты. Причем эти последствия-эффекты отражаются не только на противнике, но и на всех остальных сторонах конфликта. Последствия-эффекты могут проявляться на всех уровнях – от тактического до стратегического и геополитического, как в военной сфере, так и в политической, экономической и других областях.

По своей природе последствия-эффекты могут быть физическими и психологическими.

Последствия-эффекты имеют свойства аккумулироваться, причем прямые эффекты вызывают, в том числе, и косвенные физические и психологические последствия, которые зачастую невозможно предсказать и предугадать. Физические последствия-эффекты развиваются по принципу домино, в то время как психологические – разрастаются взрывообразно, мгновенно.

Э. Смит в своем теоретическом труде выделяет две группы последствий-эффектов: преимущественно физические по своей сути и преимущественно психологические. Физические последствия-эффекты влияют на поведение противника в результате воздействия на физические средства, силы, возможности противника вести войну или предпринимать какие-либо действия. Психологические последствия-эффекты влияют на поведение противника в результате воздействия на его когнитивные процессы и волю.

Физические последствия-эффекты включают в себя уничтожение, физическое истощение сил и возможностей противника и приведение его в состояние полной неразберихи и неспособности действовать адекватно – хаоса. Психологические последствия-эффекты охватывают рациональную сферу, прежде всего принятия решений, и сферу эмоционального воздействия на процессы принятия решений и систему

⁷⁵ Hew Strachan. The Changing Character Of War. A Europaem Lecture Delivered at The Graduate Institute Of International Relations, Geneva On 9th November 2006. P. 19.

ценностей и убеждений противника. Психологические последствия-эффекты также включают в себя хаос (накладываясь на физические последствия—эффекты), однако главными из них являются другие: предрешенность, шок и психологическое истощение.

Физические последствия-эффекты	Психологические последствия-эффекты
Уничтожение	Хаос/ Энтропия
Физическое истощение	Предрешенность:
Хаос/ Энтропия	<ul style="list-style-type: none"> • пассивная • активная
	Шок
	Психологическое истощение

Уничтожение физических возможностей противника предпринять что-либо является серьезным последствием-эффектом. Важность этого заключается не только в огромном психологическом воздействии, но и в непосредственном физическом уничтожении живой силы противника. Если физически уничтожить противника или коренным образом лишить его физических возможностей вести войну, то и его возможности сопротивляться окажутся нулевыми, независимо даже от его воли к сопротивлению.

Значение этого последствия-эффекта особенно ярко проявляется на тактическом уровне ведения военных действий, когда нет ни времени, ни возможностей «отслеживать» психологическое состояние противника и его поведение, а непосредственное уничтожение противника составляет суть военных действий. Уничтоженная часть или подразделение противника больше не будет представлять угрозы своим войскам, поэтому чем больше противника уничтожено, тем лучше.

Уничтожение противника подразумевает не только физическое устранение живой силы, но и лишение его определенных возможностей и способностей. Уничтожение той или иной части физических возможностей противника в определенном смысле предрешает его поведение, ограничивая в выборе оставшихся в его распоряжении возможностей и ресурсов. Это, в свою очередь, может вызвать иные последствия-эффекты, заставить противника отказаться от намеченного курса действий. Противник может впасть в шок, его воля к сопротивлению может рухнуть. Таким образом, последствие-эффект в форме уничтожения может породить другие физические и психологические последствия-эффекты.

Физическое истощение тесно взаимосвязано с физическим уничтожением противника. На тактическом уровне, в отдельном бою или операции возможно уничтожить противника полностью, однако на оперативном и стратегическом уровнях этого достичь в результате одной акции невозможно. Требуется проведение целой военной кампании, серии кампаний или операций. На этих более высоких уровнях главные усилия сосредотачиваются не на физическом уничтожении живой силы противника, а на постепенном лишении противника возможностей продолжать военные действия. Физического истощения невозможно достичь в течение короткого времени. Теряя способности и возможности вести военные действия, противник постепенно осознает свое положение. Соответственно он или перестраивается, приспособляясь к новым условиям и продолжая сопротивление, или психологически капитулирует. Физическое истощение вызывает другие последствия-эффекты, прежде всего психологические.

Хаос в отличие от уничтожения и физического истощения является по своей природе одновременно и физическим и психологическим последствием-эффектом. Сущность концепции хаоса заключается в приведении противника в такое состояние, когда он оказывается не в состоянии адекватно реагировать и контролировать свои собственные наличные силы или когда его силы находятся в состоянии полнейшего расстройств. Это

состояние по своим последствиям равносильно уничтожению физических возможностей и способностей противника.

Неразбериха в умах руководства противника означает, что они не способны эффективно управлять своими войсками и руководить военными действиями. Чем выше степень расстройств и дезорганизации, привнесенных в процесс принятия противником решений, тем менее способным он становится к эффективному и действенному использованию своих возможностей.

Эффект хаоса вызывает и другие последствия как физического, так и психологического характера, такие как дезориентацию, беспорядок, страх. В то же время, хаос в отличие от двух других последствий-эффектов физического плана характеризуется непостоянством. Противник может выйти из этого состояния при наличии соответствующих ресурсов и твердой воли.

Предрешенность представляет собой психологическое последствие-эффект в форме предотвращения или недопущения каких-либо действий со стороны противника. Это достигается, например, уничтожением физических возможностей противника вести военные действия или просто угрозой уничтожения возможностей противника в случае проведения им определенных действий. В связи с этим Э. Смит выделяет два типа этих последствий-эффектов:

- **Активное предрешение** – использование вооруженных сил или угроза применения силы для блокирования намеченного реальным или потенциальным противником курса действий.

- **Пассивное предрешение** – поддержание такого баланса сил, который обеспечивает стабильность в данном регионе мира. Баланс сил должен быть настолько невыгоден потенциальному противнику, что этого должно быть достаточно для недопущения каких-либо провокационных, агрессивных акций с его стороны. Этой концепции соответствует принцип «передового базирования» вооруженных сил США. Как подчеркивает Э. Смит, 6-й флот ВМС США достаточно успешно выполнял эту роль в годы холодной войны.

Как и состояние хаоса, предрешенность не является постоянным фактором. Предрешенность как последствие-эффект действует до тех пор, пока противник осознает, что риск проведения им агрессивных действий значительно превосходит возможные дивиденды.

Шок, в отличие от предрешенности, лежит не в рациональной сфере, а в области эмоций. Его суть состоит во внезапном крахе убежденности противника в его способности достичь желаемого исхода в какой-либо ситуации. Он сопровождается состоянием отчаяния, смиренности неизбежной судьбе. На тактическом поле боя он вызывает крах морального состояния солдат и панику. На стратегическом уровне шок приводит к параличу руководства противника, его отказу от активных действий.

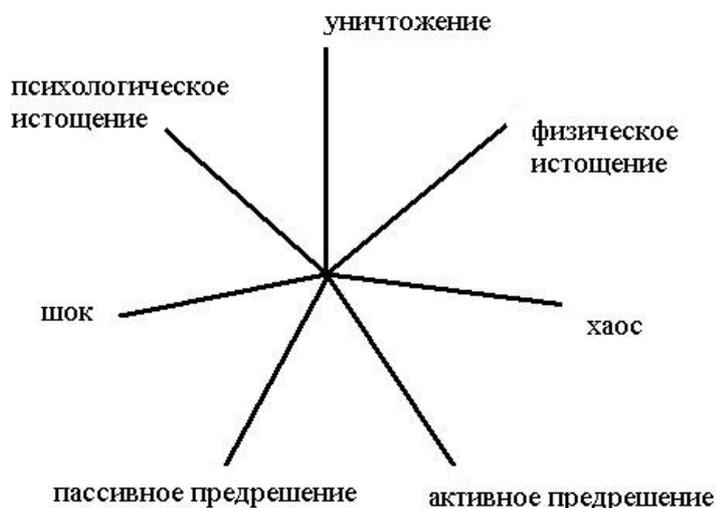
История знает немало примеров того, как шок способен парализовать целые страны. Э. Смит в подтверждение этого тезиса приводит падение Франции под ударом Гитлера. Однако в военной истории есть немало примеров того, как войска продолжали отчаянно сражаться даже в безвыходной ситуации. Моральный дух, профессионализм, боевая подготовка и множество других факторов способны нейтрализовать воздействие шока, как на тактическом, так и на более высоких уровнях.

Психологическое истощение является результатом постепенного подрыва воли противника, в отличие от быстротечного шока. Жертва психологического истощения постепенно осознает, что она ничего не может предпринять в данной ситуации и соглашается изменить свое поведение в таком направлении, о котором раньше не могло быть и речи. Типичным проявлением этого последствие-эффекта выступает ситуация в США в годы войны во Вьетнаме с 1968 по 1975 гг. Нараставшая убежденность в американском обществе в том, что все принимаемые Вашингтоном меры напрасны,

привела к необходимости изменения курса действий. Именно этот эффект широко применяется более слабой стороной в любом асимметричном конфликте.

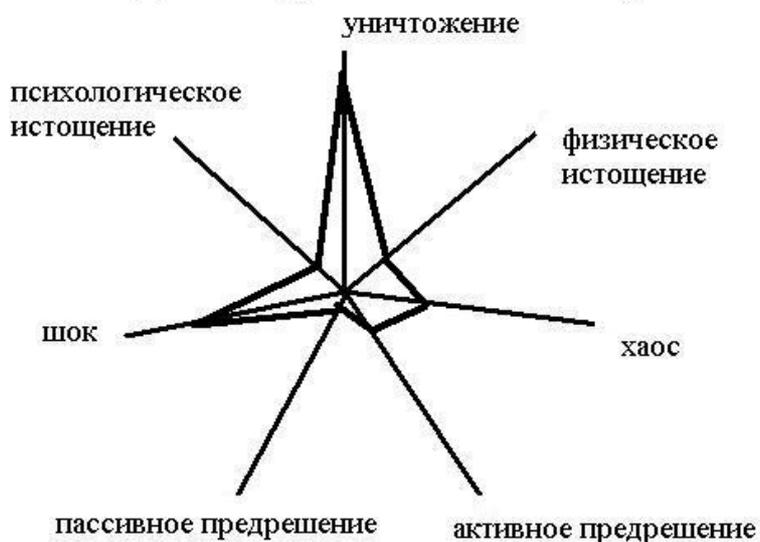
Эдвард Смит изобразил вышеупомянутые последствия-эффекты графически в виде векторов, что позволяет подойти к анализу «операций по достижению эффективности» на различных уровнях: тактическом, оперативном, стратегическом и геополитическом.

Векторы воздействия семи последствий-эффектов

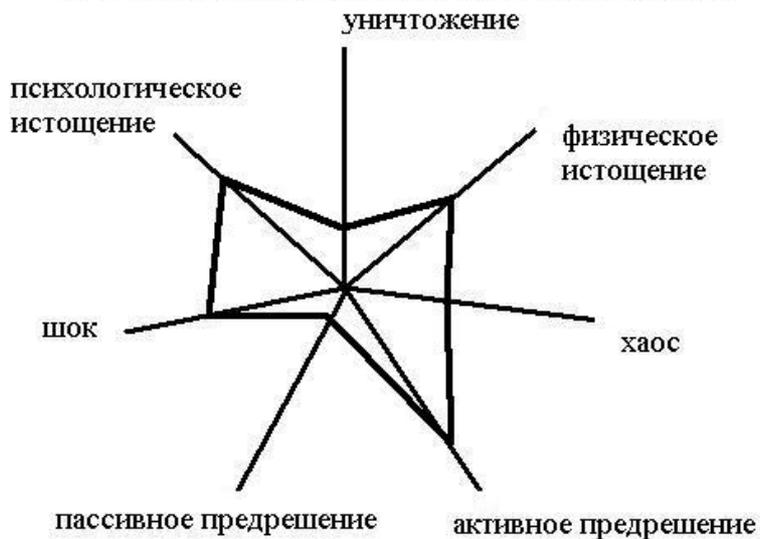
В зависимости от уровня конфликта воздействие различных факторов неоднозначно. Так, на тактическом уровне воздействие на противника достигается главным образом путем его физического уничтожения, а также в результате приведения его в состояние шока:

Последствия-эффекты на тактическом уровне

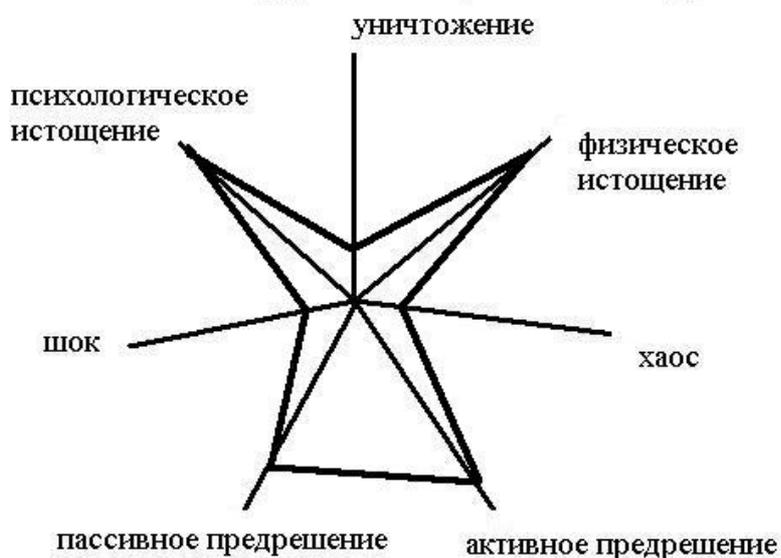
На оперативном уровне диаграмма воздействия семи факторов последствий-эффектов представляется Э. Смитом несколько по-иному. Вместо акцентирования усилий на физическом уничтожении противника больше внимания уделяется принятию мер по недопущению определенных акций со стороны противника, а также по его физическому и психологическому истощению. На этом уровне сохраняется также важность мер по приведению противника в состояние шока и общего расстройства:

Последствия-эффекты на оперативном уровне

На военно-стратегическом уровне, как отмечает Э. Смит, главные усилия должны быть сосредоточены на более долговременных факторах воздействия – на физическом и психологическом истощении, а также на активном и пассивном предрешении исхода конфликта. На этом уровне главное командование озабочено не столько прямым уничтожением противника, сколько недопущением конфликта и, соответственно, стремлением избежать необходимости принятия активных мер по уничтожению противника.

Последствия-эффекты на стратегическом уровне

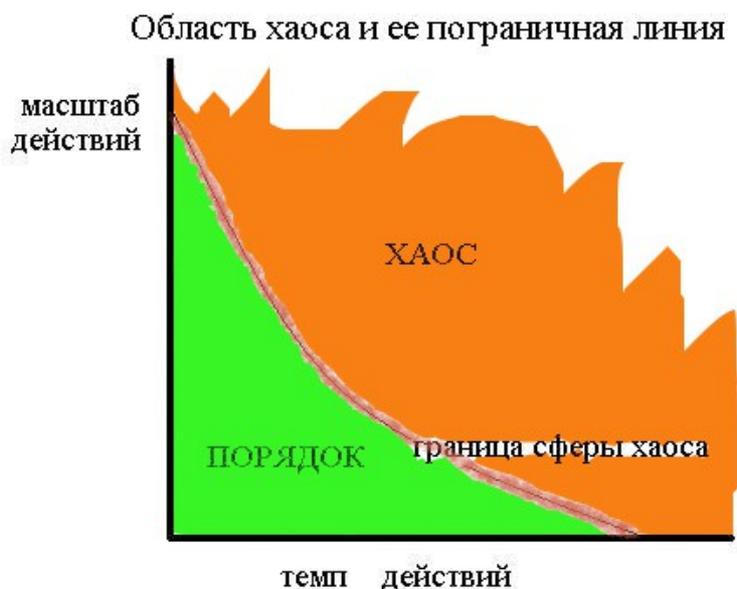
Как отмечает автор теории воздействия последствий-эффектов Эдвард Смит, все три модели действуют одновременно на всех трех уровнях. Важность тех или иных характеристик может варьировать в зависимости от особенностей конкретной обстановки, этапа кризиса или конфликта, возможностей противника, своих возможностей и целого ряда других факторов.

Одной из самых интересных и перспективных идей Эдварда Смита, разработанных в рамках концепции «операций по достижению эффективности», является теория операций на границе сферы хаоса.

Война всегда характеризовалась состоянием хаоса, в той или иной мере неизменно присутствовавшего на поле боя и в стратегическом тылу. От того, насколько та или иная сторона в конфликте сможет воспользоваться плодами хаоса в своих целях, как пишет Эдвард Смит, будет зависеть исход военных столкновений будущего⁷⁶.

Между понятиями хаоса в физике и в военной сфере есть определенное сходство. Разделительная (пограничная) линия между хаосом и порядком в физических системах играет важнейшую роль: небольшие изменения могут повлечь за собой серьезные последствия или даже крах всей системы. Аналогично этому даже частные решения в сфере национальной безопасности или военной стратегии могут повлечь за собой самые серьезные последствия в ходе военной операции или целой кампании.

Пограничная линия хаоса, по мнению Э. Смита, определяется интенсивностью военных действий, то есть темпом и масштабом действий. Чем выше темп операций, тем труднее их контролировать, тем выше степень хаоса. Соответственно, чем больше масштаб операций (географический размах, состав используемых сил и средств), тем труднее ими управлять. Как пишет Э. Смит, на определенной стадии темпа действий и определенном уровне масштаба действий наступает такое состояние, когда становится просто невозможным управлять операциями и координировать их. Другими словами появляются две переходные точки от состояния порядка к хаосу. Соединив эти две точки, Э. Смит получил пограничную линию между порядком и хаосом в военной сфере.

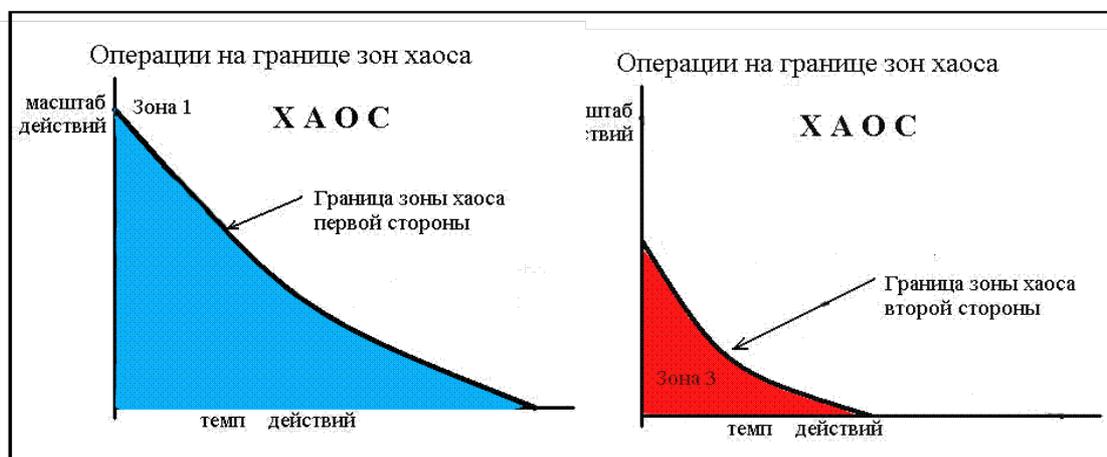
За пределами сферы порядка — т.е. в сфере хаоса — происходят операции столь быстротечные и столь крупномасштабные, что не представляется возможности их эффективно контролировать и проводить. В зоне порядка лежат операции, которые можно организованно планировать и эффективно осуществлять.

Граница хаоса не представляет собой постоянную, раз и навсегда фиксированную линию. Эта линия аморфна и подвижна. Более высокий уровень боевой подготовки, адекватная организационно-штатная структура войск, соответствующее техническое оснащение могут позволить проводить успешные операции на более высоком уровне — более скоротечные и широкомасштабные. В то же время, если противник не обладает

⁷⁶ Smith, E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002.

вышеперечисленными преимуществами, то навязанный ему темп и масштаб операций повергает его в состояние хаоса.

Отсюда следует один принципиально важный вывод: каждая часть, каждое соединение и объединение отличается от других себе подобных и равноценных формирований по оснащению, вооружению, степени боевой готовности и уровню подготовки личного состава, а значит и граница между состоянием порядка и хаоса при проведении операций/боевых действий будет у них всех различной.

Части, соединения и объединения противника также имеют свою границу между состоянием порядка и хаоса, которая, как отмечает Э. Смит, тем более не совпадает с параметрами американских вооруженных сил.

Если наложить на единый график границу сфер хаоса своих сил и противника, то можно ожидать появления соответственно двух разных границ хаоса, в результате чего вместо двух сфер – порядка и хаоса – появляется промежуточная третья – сфера асимметрии.

На представленной диаграмме Зона 1 является зоной полного хаоса – для обеих сторон. Здесь ни одна из сторон не имеет возможности управлять ситуацией, контролировать ход и исход военных действий.

Зона 2 характеризует собой своеобразное асимметричное состояние, когда одна сторона (лучше вооруженная, подготовленная, обученная) будет действовать в сфере порядка, в то время как другая сторона (хуже и слабее вооруженная, подготовленная, обученная) будет находиться в состоянии хаоса.

Зона 3 – сфера порядка, в которой обе стороны успешно справляются с темпом и масштабом проводимых ими операций.

Таким образом, военные действия в зоне 1 (хаоса) невыгодно вести обеим сторонам: они не смогут организованно их планировать и эффективно претворять в жизнь намеченный курс действий. Ни та, ни другая сторона не получит каких-либо видимых преимуществ от действий в зоне 3 (порядка), так как противник будет в состоянии принять соответствующие эффективные контрмеры.

В то же время пограничная сфера – зона 2 – создает условия для одной из сторон максимально использовать преимущества действий в состоянии порядка, в то время как противник находится в полном или частичном хаосе.

Вышеописанная модель военных операций в зоне 2 – между двумя границами сфер хаоса – характерна для симметричного конфликта, когда стороны ведут военные действия «по правилам», используя свои регулярные вооруженные силы. Исход военного столкновения в таком симметричном конфликте во многом будет определяться способностью сторон максимально «отодвинуть» свою границу зоны хаоса, чтобы воспользоваться преимуществами над противником, которому навязываются действия в его сфере хаоса.

Ситуация меняется в случае асимметричного конфликта. Типичный пример с партизанской войной свидетельствует, что крупная группировка регулярных вооруженных сил способна проводить операции самого широкого масштаба, как в смысле географического размаха, так и в смысле применяемых сил и средств. Однако партизанские силы могут иметь преимущества в темпе проведения ограниченных по масштабам и целям операций.

В результате пограничные линии зон хаоса двух сторон могут пересекаться, создавая не одну, а две неустойчивые зоны.

В асимметричном конфликте, таким образом, помимо зоны 2, в которой одна из сторон имеет преимущество над противником, может появиться еще зона 4, в которой преимущества оказываются на стороне противной стороны.

На практическом уровне эта зона 4 объясняет, почему не всегда побеждает более сильная, сторона, даже обладающая полным техническим превосходством. Если более слабый противник прибегнет к асимметричному ответу, например, откажется от жесткого централизованного управления войсками в целях достижения большей скорости/скоротечности или даже масштаба проводимых им операций, то у него есть шансы победить. Возникающая асимметричная зона 4 дает шанс на победу в

определенных условиях децентрализованным малым силам даже над самыми современными группировками вооруженных сил.

Партизаны прибегают в своей тактике именно к этому приему: силы повстанцев или партизан дробятся на столь мелкие подразделения, небольшие боевые группы, что бороться с ними регулярным войскам в рамках «нормальной» организационно-штатной структуры частей и подразделений становится просто неэффективным и невозможным. Партизанские группы проводят многочисленные мгновенные рейды против регулярных войск, на которые последние просто не успевают адекватно отреагировать. При этом важен не столько физический ущерб, наносимый партизанами, сколько психологический эффект их действий, непосредственно отражающийся на моральном состоянии регулярных войск. Именно с такой ситуацией столкнулись в свое время американские войска во Вьетнаме.

В концептуальном плане, как считает Э. Смит, успех борьбы в асимметричном конфликте непосредственно зависит от того, насколько успешно будут блокированы «лазейки» для перехода противника в зону 4. Осознание этого делает крайне актуальной задачу совершенствования готовности и способности своих войск и сил к проведению быстротечных, широкомасштабных операций на различных ТВД против различного противника. Преимущества в скорости и, прежде всего в быстроте и эффективности управления, тесно связаны с понятиями информационного превосходства, что в свою очередь увязывает их с принципами «сетцентрической войны» (сетцентрическими подходами к организации и ведению военных действий).

Абсолютное информационное превосходство над противником, будь то партизаны или террористы, дает огромные преимущества над ним. Мелкие группы партизан или террористов могут быть нейтрализованы только небольшими, самосинхронизирующимися, децентрализованными, полусамостоятельными подразделениями, объединенными в единую сеть. Одним из вариантов решения этой проблемы является уже описанная нами концепция «боевых стай».

Другими словами, необходимо максимально дальше отодвигать границу сферы хаоса на выше приведенной диаграмме, как по оси масштаба действий, так и по оси темпа действий. «Сетцентрические» вооруженные силы должны обыграть противника – партизан или террористов – как по темпам своих операций, так и по масштабам действий. Как отмечает Эдвард Смит, «сетцентрические» вооруженные силы должны выступать в форме «военного варианта саморегулирующихся сложных приспособляющихся систем», способных при необходимости к быстрой концентрации и действию массированно.

Разработка теории «операций по достижению эффективности» подвигла Эдварда Смита на более углубленное изучение соотношения материальных и моральных факторов в военном конфликте. В результате им был сделан вывод о том, что даже в самых страшных войнах прошлого ключевым детерминантом победы было все же не физическое уничтожение, а подрыв воли противника к сопротивлению⁷⁷.

Действительно, война на истощение являлась основной формой войн индустриальной эпохи. Именно такими были величайшие войны в истории человечества – и первая, и вторая мировые войны. Война на истощение по своей сути направлена на физическое уничтожение противника – его населения, экономики, вооруженных сил. Однако само физическое уничтожение рассматривались сторонами, прежде всего, как средство для наиболее эффективного подрыва воли противника к ведению войны. Не случайно, поэтому, стороны в войнах прошлого всегда стремились к скорейшему окончанию войны и провозглашению этого акта в форме «полной и безоговорочной капитуляции».

⁷⁷ Smith, E.A. Effect-Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. 2002,

В войнах прошлого, как отмечает в своем фундаментальном исследовании Эдвард Смит, для победы необходимо было преодолеть способность противника продолжать конфликт наличными физическими средствами и подавить психологическую готовность (волю) противника сделать это. Целью войны на истощение становилось не столько простое уничтожение противника, сколько «ослабление его физических возможностей до определенного критического уровня, на котором воля противника продолжать сопротивление рушилась, и он капитулировал».

Таким образом, делает вывод Э. Смит, победа всегда была и остается «результатом взаимодействия средств и воли», то есть имеющихся в распоряжении сторон физических возможностей (количественных и качественных характеристик вооруженных сил, демографического фактора, экономических возможностей государства и т.д.) и психологических факторов (морально-психологического состояния вооруженных сил и населения, национального духа, воли к победе и т.д.). Чем выше уровень конфликта, тем более явным становится такая взаимосвязь, тем более важную роль играют психологические факторы.

В принципе, подход Эдварда Смита вряд ли можно назвать новым или оригинальным. Военная наука выделяет материальные и моральные факторы достижения победы, которые в определенном смысле и укладываются в понятия «средств» и «воли». О важности моральных факторов в войне говорил, в частности, К. Клаузевиц: «Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно ориентированные на оказание давления на политические отношения, наконец пассивное выжидание ударов врага, все это - средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника».

В США традиционно преувеличивались материальные факторы ведения войны (техника и технология) и недооценивалось значение моральных факторов. Э. Смит считает, что даже для США с их огромными ресурсами и передовым уровнем развития техники и технологий недооценивать значение «воли», то есть моральных факторов, – абсолютно недопустимо и опасно.

Соотношение категорий «средств и воли» в конфликте нельзя представлять в линейном виде. В соответствии с теоретическими взглядами на войну как на столкновение двух сложных приспособляющихся систем, исход конфликта зависит от множества факторов. Сложные приспособляющиеся системы «подстраиваются» под внешнюю среду, адаптируются к ней, осваивают ее, поэтому полностью предсказать поведение сложных приспособляющихся систем никогда нельзя. История войн подтверждает правоту этого утверждения. Отсюда так трудно бывает предсказать, когда, почему и каким образом воля противника к сопротивлению окончательно рухнет.

Соотношение факторов «средств и воли» в конфликте может быть различным, в связи с чем выделяются конфликты симметричные и асимметричные.

Классическими симметричными конфликтами Э. Смит называет гражданскую войну в США и обе мировые войны XX столетия. Нации-государства ведут войну против других наций-государств или коалиций наций-государств. Стороны объявляли войну друг другу, стремились к соблюдению определенных норм ведения войны и преследовали противную сторону за нарушения этих норм после победы. Сухопутные войска воевали с сухопутными войсками, флоты – с флотами. Благодаря этой симметрии, как считают американские эксперты, было возможно измерять операции и военные кампании в категориях используемых сил и средств, понесенных потерь. Обе стороны в войне имели в своем распоряжении огромные «средства» и огромную «волю», потому то и война на истощение была длительной и тяжелой. В симметричных войнах могли участвовать и побеждать только большие страны, имеющие огромные ресурсы, способные длительно выдерживать тяготы войны.

Ситуация меняется в асимметричных конфликтах. Теоретические подходы к понятию асимметричных войн и конфликтов отличаются большим многообразием. В представлении некоторых специалистов, асимметрия означает различия в военных силах, вооружении, подготовке или организационно-штатной структуре войск, которые могут быть использованы. Эдвард Смит подходит к понятию асимметрии через призму своего подхода к соотношению «средств и воли». «Поистине настоящая асимметрия, - пишет он, - может лежать в сфере различий в воле и средствах оппонентов, потому что именно эти различия как раз и формируют саму механику конфликта».

Соотношение «средств» и «воли» для каждой из сторон военного конфликта Э. Смит представил в форме матрицы:

Матрица соотношений «средств» и «воли»

<p>Большие средства Большая воля</p>	<p>Большие средства Малая воля</p>
<p>Малые средства Большая воля</p>	<p>Малые средства Малая воля</p>

В конфликте стороны А, имеющей большие «средства» и большую «волю», и стороны В, «средства и воля» которой малые, победа будет за первой, причем эта победа будет быстрой.

Если у стороны В малы только «средства» или только «воля» - победа стороны А будет не такой быстрой, но неизбежной.

Сложнее будет обстоять дело с конфликтом, в котором сторона А имеет большие «средства», но малую «волю», а сторона В – малые «средства», но большую «волю». Результат такого конфликта вряд ли будет быстрым и однозначным. Война будет представлять собой затяжные операции, напоминающие операции симметричной войны на истощение, хотя эти операции будут в корне отличаться от классических военных операций. Каждая из сторон будет иметь преимущества над противником, однако эти преимущества будут совершенно различными по своей природе. Отсюда и сами стороны, и их стратегия будут абсолютно асимметричными. Стороны будут стремиться максимально использовать свои сильные стороны и максимально эффективно использовать слабости противника. Это означает, что сторона с наибольшими «средствами» будет стремиться уничтожать и без того ограниченные физические «средства» противника, то есть вести дело к классической войне на истощение. Другая сторона имеет преимущества в «воле», поэтому она будет стремиться к воздействию на поведение противника и его психологическую готовность продолжать войну.

Именно эта модель конфликта двух сторон, одна из которых имеет огромные «средства», но малую «волю», а вторая – малые «средства», но огромную «волю», являлась наиболее типичной и распространенной в годы холодной войны и продолжает быть таковой в нынешнюю эпоху. Асимметричными в этом толковании конфликтами были американская война во Вьетнаме и советская война в Афганистане. Если принять в качестве субъекта-носителя огромной «воли» и малых «средств» не государство-нацию, а

другого «игрока» - партизанское формирование, этническое или религиозное движение, международную террористическую сеть Аль-Каеда, то все становится на свои места.

Анализ показывает, что для достижения победы вовсе не обязательно быть заведомо сильнее в «средствах и воле»: достаточно просто иметь достаточно «воли», чтобы преодолеть неравенство в «средствах» с противником. Другими словами, делает вывод Э. Смит, «чем более решительным (фанатичным или отчаянным) является противник, тем менее зависимым от средств он будет».

Результатом анализа Э. Смита стала формула вероятности победы в военном конфликте:

$$\text{ВЕРОЯТНОСТЬ ПОБЕДЫ} = (\text{«СРЕДСТВА»}) \times (\text{«ВОЛЯ»})^2$$

Таким образом, фактор физических средств для ведения войны изменяется в арифметической прогрессии, в то время как фактор психологического духа изменяется в геометрической прогрессии. Чем сильнее в морально-психологическом отношении противник, тем меньше материальных средств ему нужно для победы. Естественно, если «средства» вообще равны нулю, то независимо от психологического настроения победа невозможна.

В то же время, если «воля» слабой в физическом отношении стороны поставлена в контекст стратегии, заключающейся в нанесении ущерба или подрыве общественного мнения, а не в достижении военной победы, то этой воли может оказаться достаточной для победы.

Именно в таком ключе складывается, в частности, ситуация с борьбой с международным терроризмом. «Воля» террористов должна быть достаточно большой, чтобы сбалансировать огромные материальные ресурсы их противников. Естественно, террористы и не помышляют сравняться в «средствах» с возможностями большой индустриальной державы, но они убеждены в превосходстве своей «воли». В случае террористической атаки 11 сентября 2001 года против США террористическая сеть Аль-Каеда огромный разрыв в «средствах» компенсировала огромной «волей», в результате чего обычный гражданский авиалайнер превратился в гигантскую управляемую ракету. Готовность террористов идти на смерть и свершать теракты независимо от последствий – многократно повышают эффективность воздействия даже тех ограниченных материальных средств, которые находятся в их распоряжении.

Несмотря на резкую актуализацию асимметричного конфликта в современную эпоху, симметричные войны и конфликты не ушли в прошлое. Они дополняют друг друга. По мнению Э. Смита, и в будущем возможно ожидать симметричный конфликт между двумя «равными соперниками», который во многом будет напоминать классические войны на истощение прошлого. Чем больше будет симметрии в «средствах и воле» обоих противников, тем более столкновение между ними будет походить на войну на истощение. И, соответственно, чем меньше будет симметрии, тем более столкновение будет иметь форму «войны на достижение эффективности». Отличия между этими двумя моделями носят принципиальный характер.

Нацеленность на «средства»	Нацеленность на «волю» (поведение)
1. Война на истощение: <ul style="list-style-type: none"> • Акцент на «целях», «быстроте и решительности» • Военные цели • Количественные характеристики результата 2. Непрямая атака на «волю» 3. Война/боевые действия 4. Стратегия сдерживания:	1. Война на достижение эффективности: <ul style="list-style-type: none"> • Акцент на «действиях», длительный конфликт низкой интенсивности • Политические цели • Нелинейные результаты 2. Прямая атака на «волю» 3. Мир, кризис, война 4. Стратегия сдерживания:

<ul style="list-style-type: none"> • Ответный удар возмездия • Упреждающий удар 	<ul style="list-style-type: none"> • Недопустимый ущерб
---	--

Для симметричного конфликта нацеленность на «средства» является абсолютно типичной. Конфликт приобретает форму войны на истощение, в ходе которой ударам подвергаются физические (материальные) цели и объекты для достижения конкретных, как правило, военных целей, причем результаты конфликта вполне можно определить в количественных характеристиках. Это, естественно, не означает, что результат симметричного конфликта состоит только в истощении противника, когда все силы сосредоточиваются лишь на уничтожении вооруженных сил и возможностей противника. Вполне возможно проведение также и психологических атак, «операций на достижение эффективности», однако такие действия будут исключительно второстепенными, обеспечивающими, а не основными.

Вместе с тем, симметричный конфликт в форме войны на истощение требует определенного состояния враждебности в отношениях между оппонентами. Он возможен только в состоянии войны, ибо сам является войной. Если же противнику удастся, например, не допустить развития взаимоотношений с США до состояния враждебности, то у США не будет моральных оснований прибегнуть к войне на истощение. В этом случае противнику удастся нейтрализовать угрозу войны на истощение.

В отличие от стратегии на истощение, стратегия на достижение эффективности достаточно скрытная. Она представляет собой прямое воздействие (атаку) на «волю» противника, а не на уничтожение его материальных возможностей ведения войны. В такой войне особую роль приобретают средства массовой информации и сама информация. Так как целью стратегии на достижение эффективности является изменение поведения людей, ее результаты не столь впечатляющи и очевидны, как то имеет место в случае войны на истощение. Воздействие на «волю» противника продолжается до тех пор, пока он не капитулирует морально. Так как воздействие на «волю» не обязательно предполагает физическое уничтожение, «операции по достижению эффективности» не обязательно должны быть привязаны к военным операциям. Более того, они могут проводиться во всем спектре конфликтов - от состояния мира до кризиса и вплоть до состояния войны.

В целом, как показывает анализ многочисленных исследований и статей американских военных авторов, тезис о превалировании морально-психологического фактора над физическим уничтожением противника в современной войне становится все более распространенным. Война, даже в ее традиционной форме, видится военным экспертам уже не только и не столько военным столкновением на поле боя, сколько сложным информационно-технологическим, когнитивно-психологическим, виртуально-реальным явлением.

8. Матрица военных конфликтов: содержание и характерные особенности войн и вооруженных конфликтов начала XXI века

Проведенный краткий анализ современных взглядов зарубежных военных экспертов на сущность, содержание и характер военных конфликтов будущего позволяет сделать некоторые выводы и обобщения практического плана.

Вместе с развитием человечества, научно-техническим прогрессом, формированием современной политической и экономической карты мира шел процесс эволюции войны, изменялось содержание, характер и особенности войн и вооруженных конфликтов.

Изменения происходили и в менталитете – как непосредственных участников войн, так и населения воюющих государств. Если в эпоху наполеоновских войн солдаты шли в атаку под ружейный огонь в полный рост, то через сто лет, в первую мировую войну, войска закапывались в землю, а яркую разноцветную форму сменили на унылую грязно-зеленую униформу. Армии стали во всех отношениях качественно другими и военные действия стали принципиально иными – и по применяемым средствам, и по формам и способам, и по масштабам и темпам действий.

Общей тенденцией развития вооруженных сил государств на протяжении многих веков было стремление к увеличению их количественных и качественных характеристик. Апогеем этого стал период второй мировой войны – эпоха массовых многомиллионных армий и тотальной войны.

Но уже к концу XX в. ситуация начала меняться: научно-технический прогресс, революция в военном деле, тектонические геополитические изменения в мире обусловили серьезные изменения в содержании, характере и особенностях войн новой эпохи. Стало очевидным, что классическая аксиома военного строительства о линейной зависимости между численностью вооруженных сил и военной мощью государства уже «не работает».

С появлением ядерного оружия классическая военная наука оказалась в глубоком кризисе: гипотетическая война с применением оружия массового поражения уже не могла быть «продолжением политики», как для «побежденных», так и для «победителей», – ни по результатам, ни по последствиям.

Возможность преодоления кризиса военной науки появилась только тогда, когда ключевые члены «ядерного клуба» на уровне принятия стратегических решений осознали и установили новые правила игры: сделать все, чтобы не перевести возможные военные конфликты в русло ядерного столкновения.

С окончанием «холодной войны», устранением с политической арены сверхдержавы Советского Союза и формированием однополярного мира военно-теоретическая мысль вновь оказалась в кризисе. На рубеже XX-XXI вв. стал очевиден разрыв между традиционной военной теорией и реальной геополитической действительностью. Угроза мировой войны, крупномасштабных войн значительно ослабла как на глобальном, так и на региональных уровнях. Однако мир от этого не стал более стабильным, предсказуемым и прочным. Новые опасности, угрозы и вызовы обусловили новое содержание войн и вооруженных конфликтов, изменили характер и особенности современных военных конфликтов.

Только за последние несколько лет десятки тысяч человек погибли в некогда благополучных странах Северной Африки и Ближнего Востока, сотни тысяч мирных жителей пострадали от войны, миллионы людей стали беженцами. По количеству жертв и разрушений, по степени воздействия на экономику, инфраструктуру и социальные институты государств вооруженные конфликты в этих странах сравнимы с самыми жестокими войнами прошлого.

Возникшая в последние годы форма военного конфликта, начинающегося с «мирных» антиправительственных акций и завершающаяся жестокой гражданской войной и внешней интервенцией, вполне может быть названа новым типом войны современной эпохи. Такая война выходит за рамки традиционных представлений о ней, приобретая комбинированный характер, превращаясь в запутанный клубок политических интриг, ожесточенной борьбы за ресурсы и финансовые потоки, непримиримых цивилизационных столкновений. В ход пускаются все возможные средства, стороны прибегают к любым, самым бесчестным способам и приемам действий – как силовым, так и несиловым.

Жертвами конфликта нового типа становятся мирные жители, прежде всего самые незащищенные категории населения – старики, женщины и дети. В условиях гражданской войны становится невозможным отличить правых от виноватых, врагов от союзников, скотоводов и хлебопашцев от боевиков и террористов-смертников. Скрытая или явная внешняя военная интервенция, проводимая бандами боевиков соседних стран при

поддержке высокотехнологичных средств разведки и поражения некоторых развитых государств мира, придает такому военному конфликту еще более запутанный и неоднозначный характер.

Содержанием военных действий в войне нового типа становится не физическое уничтожение вооруженных сил противника, а деморализация и навязывание своей воли всему населению государства. Фактически, реализуется классическая идея древнекитайского стратега Сунь Цзы: «Сто раз сразиться и сто раз победить - это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего - покорить войско противника, не сражаясь».

На поле боя современного военного конфликта наряду с регулярными войсками появляется множество новых действующих лиц – иррегулярные формирования повстанцев и боевиков, уголовные банды, международные террористические сети, частные военные кампании и легионы иностранных наемников, подразделения спецслужб разных стран мира, воинские контингенты международных организаций. Современное поле боя уже сегодня невозможно представить без представителей различных негосударственных гуманитарных организаций и журналистов мировых информационных служб, в прямом эфире во всех подробностях рассказывающих о ходе боев. Социальные сети мгновенно разносят текстовую и видео информацию от очевидцев событий. Все это не только коренным образом меняет само содержание военного конфликта, но и создает новую, беспрецедентную в прошлом обстановку, в которой он развивается.

В результате, на современном поле боя сталкиваются два принципиально разных типа противников – регулярные вооруженные силы государства и иррегулярные формирования различного типа. Это соотношение – не формальное. Оно свидетельствует о фундаментальных изменениях в военной науке и практике подготовки и ведения войн и вооруженных конфликтов в обозримой перспективе. Меняются доктрины и стратегии, меняется характер военного конфликта, изменяются морально-психологические и ментальные аспекты военного конфликта.

С учетом вышесказанного, как нам представляется, именно разделение противоборствующих сторон на регулярные и иррегулярные силы может быть успешно положено в основу практических подходов к типологии современных и перспективных военных конфликтов.

В наиболее общем виде весь спектр противоборствующих сил в войне или вооруженном конфликте может быть условно представлен в виде матрицы современных и перспективных военных конфликтов.

Рис. 2. Матрица военных конфликтов современности

Как следует из представленной схемы, весь спектр возможных вариантов военных конфликтов сводится к четырем основным моделям:

Регулярные вооруженные силы стороны А против регулярных вооруженных сил противника – стороны В. Это – классическая модель военного конфликта, хорошо изученная военными специалистами и «самая простая» в силу своей традиционности. Такой тип конфликтов наиболее широко представлен в военной истории, однако сегодня его значимость, как свидетельствует реальность, значительно уменьшилась. Мы называем этот тип военного конфликта «традиционной» (регулярной) войной.

Регулярные вооруженные силы стороны А против иррегулярных формирований противника – стороны В. Это – типичная ситуация, когда вооруженные силы современного государства А воюют против слабой во всех отношениях страны В, а последняя, не имея соответствующих сил и средств (т.е. своих регулярных вооруженных сил) прибегает к асимметричному конфликту – партизанской войне, повстанческим действиям. Мы называем этот тип конфликта «карательной» войной.

Иррегулярные формирования стороны А против регулярных вооруженных сил противника – стороны В. Это – диаметрально противоположная ситуация по сравнению с предыдущим типом. В данном случае государство А перед лицом широкомасштабной агрессии противной стороны В вынуждено ориентироваться в своей стратегии и тактике на ведение асимметричного конфликта, вести партизанскую войну. Именно поэтому этот тип военного конфликта мы называем «партизанской» войной.

Иррегулярные формирования стороны А против иррегулярных формирований противника – стороны В. Этот тип конфликта – самый сложный для понимания в парадигме классической военной теории. Его можно условно назвать «бандитской» войной.

Каждый из этих вариантов может иметь место в «чистом виде», например, в традиционной форме межгосударственного военного конфликта, когда с обеих враждующих сторон будут действовать группировки войск (сил) регулярных вооруженных сил. Широкое применение иррегулярных вооруженных формирований в большей степени будет характеризовать внутригосударственные вооруженные конфликты. Однако, как свидетельствует опыт событий последних лет в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в будущих военных конфликтах все противоборствующие стороны будут делать все более явную ставку на применение иррегулярных вооруженных формирований различного типа и назначения. Именно поэтому с высокой долей уверенности можно прогнозировать, что наиболее вероятной формой реального военного конфликта будущего будет сложная комбинация из действий регулярных и иррегулярных сил противоборствующих сторон.

В представленной матрице войн XXI в. эти конфликты лежат в «пограничной зоне» между четырьмя типами военных конфликтов. В западной военной теории тип конфликта, в котором с разных сторон участвуют компоненты регулярных и иррегулярных сил, получил название «гибридной» войны.

Для вооруженных сил государства, как следует из представленной матрицы, по определению интерес представляют только два типа конфликта (в которых они непосредственно участвуют):

- симметричная классическая традиционная война или вооруженный конфликт между регулярными вооруженными силами двух государств и
- асимметричная война или вооруженный конфликт между вооруженными силами государства, с одной стороны, и иррегулярными формированиями государства-противника или оппозицией внутри государства в случае внутригосударственного конфликта, с другой стороны.

«Регулярная» война

В полной мере классическим типом военного конфликта является такой конфликт, в котором противоборствующие стороны для достижения своих политических целей применяют регулярные вооруженные силы. Понятие «регулярные вооруженные силы» достаточно объемно сформулировано в «Военной энциклопедии»: «Регулярная армия – постоянная армия, имеющая установленные в законном порядке штатную организацию, типовое вооружение, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучения и воспитания личного состава, форму одежды, а также централизованную систему управления и снабжения».

В целом, вооруженные силы всех современных государств являются регулярными: они являются важным элементом политической организации государства и главным силовым инструментом «продолжения политики другими средствами». Регулярные вооруженные силы являются мощным, надежным и эффективным инструментом обеспечения безопасности или завоевательских устремлений государства.

В понятие «традиционного» или регулярного военного конфликта вписываются все войны в традиционном понимании этого термина, будь то войны Наполеоновской эпохи, самые кровопролитные в истории человечества Первая и Вторая мировые войны, война в Корее (1950-1953 гг.) или война в Персидском заливе 1991 г. Все эти военные конфликты разительно отличаются по своим масштабам, целям, характеру и особенностям, по применяемым средствам поражения и защиты, по тактике и стратегии действий, по итогам и последствиям. Однако у них есть нечто общее – они велись группировками регулярных войск (сил), по определенным принципам и правилам.

Справедливости ради следует отметить, что в военных конфликтах «традиционного» (регулярного) типа наряду с регулярными войсками часто применялись и иррегулярные формирования (партизаны, герильерос, повстанцы). Однако их участие в таких конфликтах было второстепенным и только дополняло действия регулярных войск.

Военный конфликт «традиционного» (регулярного) типа, прошедший в своем развитии длительный путь эволюции, с самого начала основывался на идее создания специально сформированного, хорошо вооруженного и оснащенного, профессионально подготовленного инструмента силы. Таким инструментом для государства являлись регулярные вооруженные силы. Количественные и качественные характеристики вооруженных сил во многом определяли геополитический статус государства, являлись гарантией его безопасности и влияли на его поведение на международной арене.

В процессе своей эволюции регулярные вооруженные силы становились все более сложным и специфическим инструментом политической организации государства. Количественные факторы (численность личного состава, ружей, коней, пушек) по своей значимости постепенно уступали место качественным факторам и аспектам (появление новых средств борьбы, развитие тактико-технических характеристик систем вооружения, военная наука и военное искусство, уровень боевой подготовки, моральный дух и др.). Как свидетельствует история войн и военного искусства, победу в столкновении примерно равных по силе группировок войск часто обеспечивал талант полководца или гений военачальника. Это в полной мере показал опыт Первой мировой войны – многомесячные «сидения в траншеях» позиционной войны, трагедия «Верденской мясорубки». Становилось ясно: одни только количественные показатели не способны принести победу. Нужны были качественные факторы, которые нашли самое широкое применение в годы той великой войны: военно-технические достижения (авиация, танки, химическое оружие, огнеметы, легкие пулеметы), передовые военные доктрины и теории, политическая воля властей, моральный дух войск и населения страны в целом.

Развитие теории и практики ведения «традиционной» войны шло на протяжении всей первой половины XX в. вплоть до эпохи «холодной войны», глобального противостояния двух военно-политических блоков – НАТО и Варшавского Договора. Будущая война виделась тогда военным специалистам как крупномасштабное, жесточенное и непримиримое военное столкновение. Театром военных действий

рассматривалась вся территория Европы, при этом стороны ориентировались на применение ядерного оружия и других видов оружия массового поражения. Вооруженные силы государств готовились вести активные и решительные действия в высоком темпе на широком фронте («от моря – до моря») – на земле, в воздухе и на морских просторах. Строились планы военного освоения космоса и создания военных баз на Луне.

Появление в арсенале противоборствующих мировых держав ядерного оружия коренным образом изменило представления о сущности и содержании возможного военного конфликта. Создалась ситуация, когда выработанные за многие десятилетия и даже столетия основы и принципы ведения «традиционной» или обычной войны в одно мгновение вдруг оказались как бы устаревшими.

Однако первоначальные взгляды на ядерное оружие как на «абсолютное чудо-оружие» за достаточно короткий в историческом понимании период времени сменились пониманием того, что военный конфликт в ядерную эпоху означает конец существованию человечества. Утвердилось представление, что ядерное оружие представляет собой «дубину», которая безусловно стирает с лица земли государство противника, но другим концом уничтожает и того, кто его применил.

К концу XX в. теория ведения «традиционной» (регулярной) войны оказалась в своеобразном логическом тупике. Сценарии любых военных конфликтов между двумя сверхдержавами неизбежно приводили к тому, что или та, или другая сторона, в конечном счете, применяют ядерное оружие. Крупномасштабная обычная война просто не могла привести ни к какому иному политическому итогу, кроме уничтожения цивилизации. И выйти за пределы этой логики становилось уже невозможным.

Угроза ядерной войны и доминировавшие в эпоху «холодной» войны концепции крупномасштабных войн, к счастью, не реализовались в военном конфликте двух сверхдержав и возглавляемых ими военных блоков. Глобальной и последней в истории земной цивилизации войны – третьей мировой – человечеству удалось избежать.

Глубокие теоретические и практические выводы и соображения, связанные с сущностью и характером ядерной войны, даны в книгах выдающегося отечественного военного специалиста В. И. Слипченко. Он назвал такой тип военного конфликта «войной пятого поколения» и еще более 10 лет назад прямо заявил: «Ядерным оружием воевать нельзя, им можно только пугать, что и предоставлено делать России...». Логическое следствие из ядерного тупика В.И. Слипченко видел в том, что «в недрах войн четвертого и пятого поколений (*по терминологии В. Слипченко – это обычная контактная война и ядерная война*) уже зарождается и набирает силу новое, шестое поколение войн (обычная бесконтактная война)».

В основу концепции войн шестого поколения или «бесконтактных» войн были положены соображения о том, что задачи крупномасштабной войны могут быть решены не массовыми армиями, как то имело место в прошлом, а в ходе точечного поражения ключевых целей и объектов противника высокоточными «умными» средствами поражения нового поколения.

Вместе с тем, и в войнах нового шестого поколения не исключалась ситуация, когда проигрывающей стороной (коалицией) по территории, важным объектам и группировкам войск противника будет применено оружие массового поражения. Эта угроза существует и будет существовать до тех пор, пока будут сохраняться ядерные арсеналы. По умолчанию это понимают все игроки на геополитической арене, однако не все политические режимы и государства делают из этого одинаковые выводы и заключения.

Ведущие промышленно развитые государства мира стоят на позициях, что ядерная война недопустима, поэтому между ними, особенно между государствами «ядерного клуба», опасным является даже вооруженный конфликт самого незначительного масштаба.

С другой стороны, некоторые развивающиеся государства упорно стремятся получить доступ к оружию массового поражения и средствам его доставки. Они исходят из того, что членство в «ядерном клубе» является лучшей гарантией национальной

безопасности. В современную эпоху ядерное оружие становится козырем бедных, обездоленных, обманутых, игнорируемых государств и политических режимов. При этом не исключена ситуация, когда некоторые государства «ядерного клуба» при разрешении даже незначительных двусторонних разногласий могут прибегнуть к применению ядерного оружия, что приведет к трагическим последствиям для всего человечества.

С развитием информационных технологий и появлением новых, более совершенных средств ведения обычной войны, концептуальные представления о современном и будущем военном конфликте «традиционного» (регулярного) типа подвергаются серьезным, качественным изменениям. На современном поле боя уже невозможно представить штыковую атаку развернутыми цепями пехоты. Изменилось буквально все: армии и вооружение, тактика и стратегия, цели и задачи, возможности и условия, мировоззрение и менталитет. Современные военные конфликты приобрели новое содержание, характер и особенности.

Сегодня война может вестись во всех физических средах – на суше, в воздухе, на воде и под водой, в космическом пространстве. Однако уже сейчас, а тем более в будущем, добавляются другие сферы: киберпространство, информационный и когнитивный домены. В результате, если в прошлом достижение политических целей в войне достигалось исключительно в ходе вооруженной борьбы, то сейчас эти цели могут быть достигнуты без единого выстрела. Когнитивная составляющая современного военного конфликта играет все более важную роль и охватывает сферу выработки и принятия решений с учетом национальной психологии и ментальности, разнообразных цивилизационных факторов и аспектов. «Война, - по образному определению американского генерала Р. Скэйлса, - игра человека думающего. ... Войны ведутся с помощью интеллекта. Огромное преимущество над противником может быть достигнуто за счет превосходства мышления, а не превосходства вооружения».

Современные информационные технологии гипотетически позволяют группе военных хакеров «удалить» с карты мира целое государство, выведя из строя его систему энергообеспечения, финансовую систему, систему органов государственного управления. Несанкционированное вторжение в компьютерную сеть управления дамбами и плотинами может привести к затоплению целого региона. Широкомасштабная военная операция в киберпространстве может привести к тому, что страна-жертва погрузится в мрак и хаос, а голод и эпидемии свергнут любое правительство.

Военные действия в современной «традиционной» (регулярной) войне будут иметь пространственно-неограниченный характер, охватывая при необходимости весь земной шар и околоземное пространство. Даже в рамках региональной или локальной войны военные действия будут вестись одновременно на всю глубину территории государства противника, на сотни и тысячи километров от линии границы. Как следствие этого – в военном конфликте будущего такие понятия как фронт и тыл, линия боевого соприкосновения, фланги, район сосредоточения, рубеж перехода в атаку и т.д. и т.п. становятся рудиментными. Война перестает «вписываться» в отшлифованные формулировки боевых уставов и наставлений.

Важной особенностью современных военных конфликтов является то, что они преимущественно ведутся на урбанизированной местности, в городских агломерациях и городах-миллионниках, а не на открытой местности, которая на протяжении веков являлась идеальным полем боя для эффективного применения войск и боевой техники.

Группировки войск (сил), создаваемые для достижения определенных целей на поле боя, уже сейчас носят межвидовой характер, включая в свой состав не только сухопутный, но и авиационный, космический, морской компоненты, а также подразделения сил специальных операций, других «элитных» сил.

В будущих военных конфликтах группировки войск (сил) будут иметь уже межведомственный характер, так как наряду с военнослужащими на поле боя будут действовать представители других силовых ведомств, структуры внешнеполитического

ведомства, сотрудники министерств финансово-экономического блока государства, а также международные и негосударственные структуры и организации. В перспективе, будет иметь место устойчивая тенденция к изменению соотношения боевой и небоевой деятельности войск в пользу небоевых аспектов, а объем задач, решаемых на поле боя другими ведомствами, будет неуклонно возрастать.

Серьезные изменения происходят сегодня в организационной структуре подразделений, частей, соединений и объединений регулярных вооруженных сил. Мировой тенденцией становится постепенный отход от жесткой организационной структуры, ориентация на гибкость и модульность воинских формирований.

Принцип модульности позволяет создавать в каждом конкретном случае на каждом конкретном направлении необходимые группировки войск (сил) тактического, оперативно-тактического или даже стратегического уровня. В представлении военных специалистов, эта деятельность становится подобной детскому конструктору «Лего», позволяя командованию в зависимости от конкретной задачи и условий обстановки «подключать» или «отключать» разнообразные боевые или вспомогательные модули-подразделения (части). Например, в каких-то условиях в состав такой группировки войск есть смысл включить боевые вертолеты, а в другой ситуации – дополнительные органы информационных операций. Сама по себе эта идея очень проста, но практическое ее выполнение связано с огромным количеством практических проблем и трудностей. Но движение по этому пути уже идет.

Для непосредственного ведения боевых действий в военных конфликтах будущего могут найти свое применение разведывательно-ударные воинские формирования («боевые стаи»), представляющие собой высококомобильные тактические подразделения, оснащенные разведывательными и навигационными комплексами, разнообразными системами оружия и боевой техникой, действующие в едином информационно-коммуникационном пространстве. Включенные в единую сеть, эти формирования будут способны оперативно перемещаться в пространстве, концентрироваться в нужном месте, наносить «точечные» удары по «центрам тяжести» противника и «растворяться» после выполнения боевой задачи.

В качестве предварительных шагов на пути формирования в регулярных вооруженных силах «боевых стай» можно рассматривать мероприятия, проводимые в передовых армиях мира, по «превращению отделения в центр приложения стратегических усилий». Военные специалисты считают, что в условиях современного высокотехнологичного военного конфликта роль и значение каждого отдельного солдата на поле боя неизмеримо возрастают, а результат деятельности даже одного солдата может иметь стратегические последствия.

«Традиционный» (регулярный) военный конфликт, как показывает опыт войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, может вспыхнуть практически мгновенно или, наоборот, начаться после угрожаемого периода, когда одна из сторон будет достаточно долго наращивать свою группировку сил вторжения, а вторая будет иметь возможность подготовиться к отражению агрессии.

Западная военная мысль выработала в настоящее время типовую модель «традиционной» (регулярной) войны активного (агрессивного) типа, которая уже неоднократно реализовывалась на практическом уровне. В наиболее общем виде она включает в себя три периода:

1. Подготовительный период, который может длиться от нескольких часов до нескольких месяцев.

2. Активный период военного конфликта, включающий в себя три этапа:

- этап скоординированного и масштабного применения бомбардировочной, истребительно-бомбардировочной и штурмовой авиации и крылатых ракет с целью максимального ослабления военного и экономического потенциала, морального духа войск и населения противника;

- этап наземной операции вторжения;
- этап проведения военных операций по уничтожению противостоящих группировок войск противника, оккупации ключевых объектов на его территории и установлению контроля над его населением.

3. Период постконфликтного урегулирования (проведения операций по стабилизации).

В рамках этой модели военного конфликта военные действия будут иметь скоротечный характер (часы, дни, недели), а период постконфликтного урегулирования может продолжаться годами.

Модель «традиционного» (регулярного) военного конфликта оборонительного типа должна зеркально отражать модель конфликта агрессивного типа. Однако, как нам представляется, военная мысль в этом направлении продвинулась пока недостаточно.

Содержанием военных действий в конфликтах будущего станет точечное воздействие на выявленные «центры тяжести» противника, под которыми понимаются ключевые, критически важные объекты боевого порядка или оперативного построения войск противника, ключевые элементы инфраструктуры, объекты энергетики и жизнеобеспечения населения. Принципиально то, что во главу угла ставится не уничтожение целей, а воздействие на объекты, не физическое уничтожение людей или материальных средств, а выведение их из строя, полное подчинение противника своей воле.

Для достижения этих целей в конфликтах будущего будет делаться ставка на «бесконтактную» войну, широкое применение различных систем высокоточного «умного» оружия различного назначения. При этом «бесконтактный» характер военных действий предполагает уничтожение или выведение противника из строя на дальних дистанциях задолго до боевого соприкосновения. В идеальном варианте, войска противника вообще не должны выйти из мест постоянной дислокации или, в крайнем случае, они должны быть уничтожены на маршрутах выдвижения. Такое, естественно, возможно только при условии абсолютной информационной осведомленности, прежде всего о противнике, его замыслах и намерениях.

Огромное влияние на характер войн и вооруженных конфликтов «традиционного» (регулярного) типа оказывает комплекс применяемых систем вооружения, военной и специальной техники.

Специалисты говорят сегодня о кинетическом и некинетическом оружии, информационном, психотропном, концентриальном, геофизическом, климатическом и других видах оружия, имеющих революционное значение. Безусловно важной чертой военных конфликтов будущего будет широкое применение в войсках робототехнических комплексов военного и специального назначения.

В результате, регулярные вооруженные силы государства в будущем могут вообще не иметь ничего общего с их современным обликом. Соответственно, формы и способы применения группировок войск (сил), да и сам характер военного конфликта будущего могут просто не соответствовать нашим сегодняшним представлениям.

Уже сегодня трудно представить ситуацию, когда в чистом поле в честном бою сойдутся две бригады противостоящих сторон. Война – это не дуэль благородных рыцарей и не спортивная игра. Военные действия немислимы без обмана, хитрости, маскировки, дезинформации, угроз и неизбежного риска. Победит не тот военачальник, который будет отчаянно сражаться, не жалея жизней своих подчиненных, а тот, кто переиграет противника в интеллектуальном плане.

Безусловно, отдельные бои, операции и сражения, ведущиеся «по уставу» между группировками войск (сил) регулярных вооруженных сил противоборствующих государств, сохраняют свое значение и в войнах современной эпохи. Такие столкновения имели место в период войны в Ираке в 2003 г. Подобные столкновения могут иметь место, например, в случае развязывания войны США с Ираном или Северной Кореей.

Ограниченное по пространственно-временным характеристикам применение группировок регулярных вооруженных сил возможно в межгосударственных вооруженных конфликтах, при выполнении миротворческих задач в разных регионах мира и в будущем – в Африке и Азии, Латинской Америке и Европе, в том числе и по периметру границ Российской Федерации.

Крупномасштабная война в том смысле, который вкладывает в это понятие отечественная военная наука, применительно к Российской Федерации представляется маловероятной. Такая война, как мы уже отмечали, в процессе своего развития неизбежно подойдет к опасной фазе перерастания в ядерный конфликт с глобальными последствиями.

«Карательная» война

Второй тип военных конфликтов, с которыми вооруженным силам государства приходится сталкиваться сегодня и неизбежно придется столкнуться в долгосрочной перспективе, является, как мы уже указывали, асимметричный конфликт с иррегулярными формированиями противника.

В исторической ретроспективе, военная организация практически всех государств мира основывалась на «постулате регулярности»: для ведения войны формируются регулярные вооруженные силы. И каждый раз, когда этот постулат давал сбой, когда на поле боя регулярные войска проигрывали в военных столкновениях с местным ополчением, повстанцами или партизанами, традиционная военная наука предпочитала отмалчиваться. Проигравшие полководцы возмущались «нечестным» поведением противника и гордо удалялись в свои поместья или замки писать мемуары.

По мере совершенствования средств и способов ведения «традиционных» (регулярных) войн и вооруженных конфликтов формировался устойчивый стереотип: побеждает сильнейший. Такова линейная логика войны. Вместе с тем, стремление более слабых в техническом и иных отношениях государств противостоять агрессии более сильных стран способствовало появлению концепции асимметричного конфликта, т.е. применения иррегулярных формирований.

Парадигма классического военного мышления традиционно основана на аксиоме: сила противостоит силе, угроза парируется силой. Этот подход эффективно "работал" на протяжении многих столетий. Больше шансов победить имел всегда тот, кто был сильнее. Исключения из этого правила, обусловленные талантом полководца или беспримерной стойкостью солдат, только подтверждали правильность традиционных взглядов на войну. В результате, выбор приоритетов строительства вооруженных сил, развитие военной организации государства в целом во всех странах мира шли по стандартным, проверенным временем направлениям.

Однако в современных военных конфликтах регулярные вооруженные силы самостоятельно уже не способны решать многие новые задачи, с которыми приходится сталкиваться в реальной действительности. Как свидетельствует опыт нескольких последних десятилетий, «классический» военный конфликт с участием с обеих сторон только группировок регулярных вооруженных сил все более явственно уступает место асимметричному конфликту. Регулярным вооруженным силам сегодня противостоят иррегулярные вооруженные формирования боевиков, повстанцев и партизан, бандитские группировки организованной преступности, формирования иностранных наемников, частные военные кампании, международные террористические сети и другие негосударственные акторы. Как результат, многие проверенные временем подходы к военному строительству, принципы применения вооруженных сил оказываются неэффективными. Так, ударная мощь сухопутных войск, традиционно ассоциирующаяся с танковыми (бронетанковыми) войсками, уже не столь критически важна в борьбе с боевиками, действующими в горах, лесах и на урбанизированной местности.

Тактика действий иррегулярных вооруженных формирований разнообразна и непредсказуема. Их главари, как правило, не заканчивали престижных военных академий и не знают прописных военных истин. Залогом успеха действий главарей боевиков и повстанцев как раз и является их менталитет, который не имеет ничего общего с «правильным» менталитетом военачальников регулярных группировок войск (сил).

Победу в современной асимметричной войне приносит не буквальное следование положениям уставов и наставлений, а гибкость и образность мысли, смелые и инновационные идеи, отход от догм и стереотипов традиционного военного мышления.

Таким образом, эволюция военной теории и практики идет в сегодняшнем мире по пути превращения их в разновидность интеллектуальной деятельности, успех в которой уже зависит не столько от воли, решительности и авторитета военачальника, сколько от его интеллекта, знаний и глубины понимания обстановки.

В более конкретном виде, асимметричный конфликт предполагает столкновение между физически, материально сильной стороной "F", олицетворяемой регулярными вооруженными силами, и физически, материально слабой стороной "f", которая формирует партизанские или повстанческие отряды, банды боевиков, отряды террористов-смертников и незаконные вооруженные формирования внутри государства или на международной арене.

Не каждый конфликт между сильной и слабой сторонами будет асимметричным: асимметричность предполагает имманентно присущее и принципиально неустранимое неравенство сторон в физической, материальной силе. Повстанцы никогда не смогут сравниться в вооружениях с регулярными вооруженными силами. Аборигены всегда были слабее белых колонизаторов. Но вооруженный конфликт, например, между Великобританией и Аргентиной за Фолкленды в 1982 г. не был асимметричным, это был симметричный конфликт между сильной и слабой стороной, так как в нем с обеих сторон участвовали группировки национальных вооруженных сил.

Асимметричный конфликт изначально неравен и неравноправен, сильная сторона, т.е. регулярные войска, обладает безусловным преимуществом, которое создает объективные условия для достижения победы. Однако это - только на первый взгляд. В действительности, в абсолютной физической силе кроется и слабость позиции сильной стороны, которая обусловлена политическими, моральными, психологическими и иными нематериальными, субъективными факторами. Сторона "f" оказывается как бы "ослепленной" своей силой, теряет способность адекватно оценивать обстановку, прогнозировать и отражать возможные угрозы, полностью расслабляется и утрачивает бдительность. Отсюда - нередкий политический крах стороны "f" даже на фоне ее очевидных военных побед.

Примеров тому история знает немало: Вьетнам, Афганистан, Ирак... Однако, как свидетельствует реальность наших дней, универсальной и эффективной модели асимметричного конфликта так и нет. Вместе с тем, некоторые закономерности асимметричных конфликтов позволяют сформулировать определенные выводы.

Слабая сторона "f" (иррегулярные формирования противника) всегда будет прибегать к «нечестным» и недопустимым с точки зрения сильной стороны "F" приемам и методам, не соблюдая никакие правила, нормы и принципы. С точки зрения слабой стороны, для самозащиты допустимы и морально оправданы любые акции. Осознание этого дает ключ к пониманию (но не оправданию!) действий террористов.

Следует заметить, что чем более сложной является ситуация для стороны "f", тем более отчаянно-неадекватным и жестоким становится ее ответ. В безвыходной ситуации (например, блокада партизанского отряда в болоте) слабая сторона может пойти на акт отчаяния - массовые убийства заложников и самоубийства.

Иррегулярные формирования в меньшей степени тяготеют к ведению активных, решительных и инициативных военных действий, предпочитая «пользоваться», а не «распоряжаться» инициативой, наносить удары там и тогда, где и когда их не ожидает

сильная сторона. При этом форма и способ действий также оказываются полностью неожиданными для стороны "F".

Временные и географические масштабы действий регулярных сил имеют определенные ограничения, обусловленные, в частности, возможностями системы тылового обеспечения. У партизан, повстанцев, незаконных вооруженных формирований таких ограничений, как правило, нет. Они могут долго выжидать, скрываться в труднопроходимых районах местности, надолго «растворяться» в среде местного населения. Ситуация, в которой оказались американские военнослужащие в Ираке после «маленькой победоносной войны» 2003 г., - пример того, что в затяжном конфликте сторона "F" катастрофически «выдыхается», в то время как слабая сторона "f" (полная гамма оппозиционных сил современного Ирака) приобретает «второе дыхание».

Успех действий иррегулярных формирований достигается нетрадиционностью и неожиданностью предпринимаемых шагов, во многом основанных на интуиции вожаков. Именно поэтому в действиях партизан и повстанцев, как правило, отсутствует шаблонность, а сами их акции трудно предсказуемы. Интуиция, основанная на комплексном анализе множества деталей, помогает иррегулярным формированиям избегать ловушек и засад, подготовленных регулярными силами. Вынужденная всегда учитывать фактор превосходства противника, сторона "f" в критической ситуации может полагаться только на свою интуицию.

Действующие скрытно силы повстанцев, партизаны и иные иррегулярные формирования, особенно опирающиеся на поддержку местного населения, приобретают своеобразное «периферическое зрение» - информационное и психологическое преимущество над регулярными вооруженными силами противника. «Сенсорами периферийного зрения» выступают «пятые колонны», оппозиционные партии и местные оппозиционные СМИ, разнообразные социальные группы недовольных, инакомыслящих, обиженных, причем не только на конкретной территории, где действуют иррегулярные формирования, но даже и в стане противника. Они значительно расширяют поле взаимодействия стороны "f" с окружающей социально-политической средой, помогают выявлять слабые звенья сильной стороны для последующего удара по ним.

Сторона "F" плохо приспособлена к ведению длительных, бессистемных, изматывающих боевых действий, особенно против «невидимого» врага - повстанцев, партизан, террористов. В этом смысле очевидной стратегической (и психологической) ошибкой Вашингтона стала длительная оккупация Ирака после военной компании 2003 г. Иррегулярные силы «расплывчаты» и «пространственны». Они свободно перетекают из одного состояния в другое в географической и социальной среде, легче приспособляются к изменениям обстановки, способны вести длительные, изнуряющие противника действия «ударами из-за угла».

В асимметричном конфликте регулярные вооруженные силы по традиции тяготеют к проведению «классических» войсковых операций против иррегулярных формирований. Задача - одним «ударом кулака» уничтожить противника. Такой подход был положен в основу подготовки операции российских войск в Грозном в декабре 1994 г. Но, как свидетельствует опыт, удар «удар кулаком» пришелся в кирпичную стенку. Слабая сторона тяготеет к асимметричным действиям - введению в заблуждение, скрытному маневрированию, точечным ударам в уязвимые места, уклонению от прямого столкновения, всемерному выматыванию сил сильной стороны "F", лишению ее энергетического преимущества.

Регулярные вооруженные силы, действующие в рамках уставов и наставлений, не приспособлены к мгновенным изменениям обстановки на поле боя. В классическом виде, можно одновременно или наступать, или обороняться. Существует понятие планирования боевых действий, необходимость координировать свои действия по задачам, времени и месту с соседями. Все это предполагает централизованную систему управления. Регулярные вооруженные силы неизбежно тяготеют к последовательному методу

руководства. Но иррегулярные силы, как правило, свободны в своих действиях и способны на неожиданные, нетрадиционные действия параллельного характера.

Партизаны, повстанцы, иные иррегулярные формирования, ощущающие себя в каждодневной опасности, находятся в состоянии постоянной бдительности и подозрительности. Сторона "F", осознавая свою силу, может дать себе передышку, чтобы перегруппировать силы, выдвинуть свежие резервы. Сторона "f" ничего подобного себе позволить не может. Малейшая потеря бдительности - разговор главаря банды по сотовому телефону, например, - может стать роковой. Так уже неоднократно было и в Чечне, и в регионе Персидского залива.

Специфика асимметричного военного конфликта заключается в том, что победа в нем для сильной стороны практически исключена. Несмотря даже на полный военный разгром иррегулярных сил в конкретном бою или операции, победа никогда не будет признана за сильной стороной. Сторона "f" может даже сдаться на милость победителя, покориться его силе, отказавшись (на словах) от продолжения борьбы, даже перейти на сторону сильного в борьбе с другими иррегулярными формированиями. Но это будет только актом покорности и не означает политической и моральной победы над покорным, но непокоренным слабым.

Американские войска, судя по всему, как раз и столкнулись с такой ситуацией в сегодняшнем раздираемом внутренними противоречиями Ираке.

Потерпевшая военное поражение сторона "f" может на какое-то время уйти с военно-политической арены (типичный уход латиноамериканских партизан в горы), сосредоточиться на пополнении своих рядов, но потом опять вернуться к активной деятельности.

Политическое урегулирование асимметричного военного конфликта является очень сложным делом. Сторона "f" всегда будет стремиться обеспечить себе психологически и морально более выгодные условия. Независимо от согласованных конечных решений, моральная победа, по ощущению слабой стороны, всегда будет у нее, ибо сам факт политического диалога уже является победой для слабой стороны. Именно поэтому, в частности, принципиально опасными являются какие-либо «торги» и политические переговоры с террористами. Согласие на такие переговоры уже само по себе является моральным поражением сильной стороны "F".

«Бандитская» война

Это крайняя ситуация, в которой обе стороны отказались от применения регулярных вооруженных сил (или просто не имеют регулярных вооруженных сил) и ведут борьбу за достижение своих политических целей всеми доступными силами и средствами. Между этим типом военного конфликта и разгулом бандитизма – тонкая грань, так как обе стороны, ориентируясь на применение иррегулярных формирований, заведомо снимают с себя все моральные и нравственные ограничения, игнорируют нормы права, закона и международные договоренности.

Особое место в рамках «бандитской» войны занимает такой конфликт, в котором как минимум с одной стороны тайно или опосредованно участвует государство – путем применения сил специальных операций, нанятых государством частных военных компаний. Внешне создается видимость того, что конфликт с обеих сторон носит иррегулярный характер, что и позволяет отнести его к четвертой категории военного конфликта.

Вооруженные силы современных государств должны быть готовы к ведению любого военного конфликта, в том числе и этого специфического типа. Именно поэтому в рамках реформирования вооруженных сил экономически развитых государств особое внимание уделяется наращиванию и совершенствованию деятельности сил специальных операций. «Военные действия с применением нетрадиционных методов – задача сил специальных операций. Под этим подразумевается широкий спектр военных и

полувоенных боевых действий и специальных операций, как правило, длительных по времени, осуществляемых местными (туземными) или военизированными силами. Такие военизированные силы организованы, обучены, вооружены и находятся в той или иной степени под руководством внешних источников.

Военные действия с применением нетрадиционных методов включают (но не ограничиваются только этим): повстанчество, партизанскую войну, подрывную деятельность, саботаж, разведку, психологические операции, спасательные операции с использованием нетрадиционных методов»⁷⁸.

Наставление ВС США подчеркивает, что военные действия с применением нетрадиционных методов организуются и ведутся военными и полувоенными отрядами повстанческих сил с целью ведения сопротивления, свержения неугодных для Вашингтона политических режимов и правительств, завоевания политической автономии. Силы специальных операций подготовлены для ведения такого рода действий и осуществляют эту деятельность, как правило, через местные национальные повстанческие (оппозиционные) группы, движения, отряды или в тесном взаимодействии с ними. Такие операции ведутся тайно, как правило, без официального афиширования участия в них сил специальных операций США.

⁷⁸ Joint Publication 3-24. Counterinsurgency Operations. 5 October 2009. P. I-11.